

МАРК ОКИН	АНАСТАСИЯ МЕНЬШИКОВА	ХРОНИЧЕСКАЯ ХТОНЬ	ОЛЕГ МЕДВЕДЕВ	ИРЕН КА	
СЕМЕН ПАТАИС	НАТАЛЬЯ КЕЦМАН	ДАНИИЛ ТАЛЬ	ВИКТОР ТУМАРКИН	НАТАЛЬЯ Е-К	
ФЕЛИКС ВОЛКОВ	ВЕРА АРБОЛЬ	АННА МАНУКЯН	КАРИНА ИСАКАЕВА	МАРИНА КАРАНДИНА	
ВАЛЕРИЯ САДКОВСКАЯ	ГЕОРГИЙ ГРИШКО	ЛИИАНА ЯНХОФЕР	АРНОЛЬД КОПТЕВ	ВАДИМ БОВИН	І К
ЭВЕЛИНА ЯНЧУК	ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ	МИРОСЛАВА КИТЕЖ	КАТЯ КАПОВИЧ	ДМИТРИЙ МАКАРОВ	

ТВОРЧЕСКОЕ СОДРУЖЕСТВО “ИГЛА”

НАД ВЫПУСКОМ РАБОТАЛИ:

РЕДАКТОР ВЫПУСКА: **КАТЯ КАПОВИЧ**

ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕДАКТОРЫ:

КАРИНА ИСАКАЕВА

ВЕРА АРБОЛЬ

ЯКОВ НАЕРМАН

ИЛЛЮСТРАТОР: **ДОРА ГОРИНА**

ДИЗАЙНЕР ВЫПУСКА : **ИЛЬЯ КИРЕЕВ**

КООРДИНАТОР ПРОЕКТА : **ВЛАД ГАЛАНТ**

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ **ВЕРЕ АРБОЛЬ** ЗА ОЗВУЧКУ БОЛЬШИНСТВА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ, КОТОРЫЕ ДОСТУПНЫ НА НАШЕМ САЙТЕ
В АУДИО ФОРМАТЕ

WWW.PEACEART.TODAY

INFO@PEACEART.TODAY

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА.....	1
------------------------------------	---

КАК ДЛЯ МЕНЯ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

АРНОЛЬД КОПТЕВ.....	2
ВЕРА АРБОЛЬ.....	2
ДМИТРИЙ МАКАРОВ.....	3
ЯКОВ НАЕМРАН.....	3
ЛИЛИАНА ЯНХОФЕР.....	5
НАТАЛЬЯ Е-К.....	6
ОЛЕГ МЕДВЕДЕВ.....	7
СЕРГЕЙ СЧАСТЛИВЦЕВ.....	8
ФЕЛИКС ВОЛКОВ.....	8

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

АНАСТАСИЯ МЕНЬШИКОВА →

ОБЕД.....	9-10
-----------	------

ДАНИИЛ ТАЛЬ →

О СЕБЕ.....	11
НУЛЕВОЙ ДЕНЬ.....	12 - 87

ИРЕН КА →

ПРИВИВКА ОТ БЕСПЕЧНОСТИ.....	88
------------------------------	----

НАТАЛЬЯ КЕЦМАН →

РАНЬШЕ БЫЛ ЦВЕТНЫМ И СМЕЛЫМ.....	89
НЕБО ВИСЕЛО НАД ВСЕМИ ВЕСЕННЕЕ.....	89
КАК ГОРЕСТНО И БОЛЬНО ПОНИМАТЬ.....	90
ДУМАЛ, НЕ МОЖЕТ ХУЖЕ.....	90
МНЕ КАЖЕТСЯ, МЫ БОГУ НЕ НУЖНЫ.....	90
МНЕ ПОВЕЗЛО, ЧТО БАБУШКИ И ДЕДУШКИ.....	91

ЯКОВ НАЕРМАН →

О СЕБЕ.....	92
-------------	----

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АД.....	93-100
КАК ГОВОРИТЬ С ИНОПЛАНЕТЯНАМИ (УРОКИ СОБАКИ ЛИЛИ).....	101-103
СИНЕ-ЖЁЛТАЯ ПЕСНЯ.....	104-105
24 ФЕВРАЛЯ 2023.....	106

ВЕРА АРБОЛЬ →

ЗДЕСЬ ЛЕТО РАСЦВЕЛО.....	107
ПАРИЖ.....	108
НЕЗАБУДКА.....	108

ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ →

ПОД ПРИЦЕЛОМ.....	109
ВЫСТРЕЛ, И Я УПАЛ.....	109
ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ.....	110
МОБИЛИЗОВАННЫЙ.....	110
ПРИСНИЛОСЬ МНЕ, ЧТО Я ОПЯТЬ РЕБЁНОК.....	110

АННА МАНУКЯН →

ПОЧЕМУ МИР ТАКОЙ?.....	111
ЦЕПИ ВОКРУГ ШЕИ.....	112

АРНОЛЬД КОПТЕВ →

РОССИЯ2036.НЕТ.....	113-115
СИДИТ РОССИЯ.....	115
НА ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ СТАЛИНА. ЭРИТРЕЯ.....	115

ВАДИМ БОВИН →

КАЖДЫЙ ДЕНЬ.....	116-117
JEDEM DAS SEINE.....	118
АССОЦИАЦИЯ.....	118
ВНАЧАЛЕ, КАК ИЗВЕСТНО, БЫЛО СЛОВО.....	118

ВАЛЕРИЯ САДКОВСКАЯ →

ЗА ОТЦА ОН ЧАСАМИ МОЛИТВЫ ЧИТАЛ.....	119
ФЕВРАЛЬ ПО-УКРАИНСКИ ЛЮТЫЙ.....	119
МОРЕ ЛЮДСКОЕ, ХАРЬКОВ, ВОКЗАЛ.....	120
Я ПРОЩАЛАСЬ, ПРОЩАЛАСЬ, ПРОЩАЛАСЬ.....	120

В ДЕТСТВЕ С СЕСТРОЮ ИГРАЛИ В ИГРУ.....	121
СКВОЗЬ КОСТИ СТАРЫЕ ДЕРЕВЬЯ ПРОРОСЛИ.....	121
ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМ БРАТОМ.....	122
ПРОСНЁШЬСЯ, ОТ СЧАСТЬЯ ДУША ЗАМИРАЕТ.....	122

ВИКТОР ТУМАРКИН →

РИФМЫ О ВОЙНЕ.....	123
ОСВОБОДИТЕЛИ.....	123
НО ЕСЛИ СВОДОК НЕ ЧИТАТЬ.....	124
ДА, МЫ ДОСТИГЛИ ДНА.....	124

ГЕОРГИЙ ГРИШКО →

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ.....	125
MAIESTAS TUA.....	126
НОВАЯ РУССКАЯ АЗБУКА.....	126
НЕ ССЫ, ПРОРВЁМСЯ! (АКРОСТИХ).....	127
МНЕ ПИШЕТ ДРУГ.....	127
БЫТЬ СОБОЙ.....	127
ГОД.....	128
КРЕСТ.....	128

ДМИТРИЙ МАКАРОВ →

О СЕБЕ.....	129
ПЕЙЗАЖ.....	130
ПРИГОТОВЬСЯ К ЗИМЕ. СОБЕРИСЬ.....	130
ДЕРЕВО.....	131
СКАЗ О ТОМ, КАК Я ВСТРЕТИЛ КИТА.....	132
ОТ РОССИИ ОТСЛОИСЬ.....	132

КАРИНА ИСАКАЕВА →

ПЕЧАЛЬНАЯ РИФМА.....	133
ОБЕД НА РУИНАХ.....	134
БАКС.....	134-135

КАТЯ КАПОВИЧ →

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС "АЭРОФЛОТА".....	136 - 152
ДЕЛО БЫЛО ВВЕЧЕРУ.....	153
Я ВЫРОСЛА В ПОСЁЛКЕ НА ДОНБАССЕ.....	153
ПУСТЬ ОДНАЖДЫ БЕЗЫЗВЕСТНО СГИНУ.....	153
ХЕРСОН.....	154
И МЫСЛЕННО ВХОДИШЬ ТЫ В ТЕ ВРЕМЕНА.....	154

ЛИЛИАНА ЯНХОФЕР →

ЧТО В ЗВУКЕ ТОМ, РОЖДЕННОМ ВЕКОМ.....	155
ФАМИЛИЯ.....	156
О СЕБЕ.....	157
ЛОКОМОТИВ.....	157
СЛОВО.....	157

МАРИНА КАРАНДИНА →

КОГДА ЕСТЬ ТОЛЬКО НОЛЬ.....	158
А И Б СИДЕЛИ НА ТРУБЕ.....	159
КТО СМОЖЕТ ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ.....	160

МАРК О'КИН →

ВЫБОР ПАТРИАРХА.....	161 - 162
----------------------	-----------

МИРОСЛАВА КИТЕЖ →

Я НЕ ВЕРЮ В ПРАВЕДНОСТЬ БОМБ.....	163
НАЛИТЫ БЕРЁЗЫ СОКОМ.....	163

ОЛЕГ МЕДВЕДЕВ →

ОНА ВЕРТЕЛАСЬ, МАЯТНИК ФУКО.....	164
РЕЗАТЬ, НЕ ДОЖИДАЯСЬ ПЕРИТОНИТА.....	164

СЕМЁН ПАТАИС →

О СЕБЕ.....	165
СЛОВА О СОВЕ.....	166
ЯЙЦО ФАБЕРЖЕ.....	167
В ДЕРЕВНЕ ПОД КУРСКОМ ЖДЁТ МАМА СОЛДАТА.....	168
МОРОЗ ПОД НОВЫЙ ГОД ПОДАРКИ РАЗДАЁТ.....	168

СЕРГЕЙ СЧАСТЛИВЦЕВ →

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ (БАЛЛАДА).....	169
ГЕРОЙ.....	169

ХРОНИЧЕСКАЯ ХТОНЬ →

Я - ОСОКА СРЕДИ ПОЛЯ ЛЬНА.....	170
Я УСТАЛ ПО ТЕБЕ.....	170
ШУМ ЭРЫ.....	171
ТО ЛИ ТРЕМОР.....	171

ЭВЕЛИНА ЯНЧУК →

НАПИСАТЬ СТИХОТВОРЕНИЕ, ЧТОБЫ ОСТАНОВИТЬ ВОЙНУ?.....	172
СОН.....	173 - 174
ОНА ЛЮБИЛА НАБИВАТЬ ЧУЧЕЛО.....	174 - 175
ПЕРЕЕЗДЫ. ПЕРЕЕЗД ЗА ПЕРЕЕЗДОМ. ТАК ПРОШЁЛ МОЙ ГОД.....	175
МАМА У МЕНЯ, КАК ГОВОРИТСЯ.....	176

ФЕЛИКС ВОЛКОВ →

ДВОРОВЫЙ ЛАГЕРЬ.....	177
ПАВЛОВО ПОЛЕ.....	178
ТРОЩЕНКО ЛЮБОВИ ПЕТРОВНЕ.....	179

ІК →

КОМАНДИР БАТАРЕИ (ОТРЫВОК ИЗ "НЕЗНАЕВ И ЕГО ДРУЗЬЯ", КНИГА 2).....	180 - 185
--	-----------

НАТАЛЬЯ Е-К →

ДУАЛЬНОСТЬ БЫТИЯ РЕШИВ ПРОВЕРИТЬ.....	186
В ИРПЕНЕ, В БУЧЕ, И В УМАНИ.....	186
НИЩИЙ НАРОД ПО-ХОЛОПСКИ НЕ РОПЩЕТ.....	187
ДВА МЕСЯЦА ИДЁТ ВОЙНА.....	187
ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ЛЕТ ИДЁТ ВОЙНА (ПЕРЕВОД ИЗ СБОРНИКА "ПЕСНИ УЛИЦ И ЛЕСОВ", В. ГЮГО).....	187

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА ВЫПУСКА

Дорогой читатель, перед вами альманах, который составлен людьми, активно рефлексирющими на тему идущей сейчас войны. Их мотто с самого начала создания альманаха было: «Война во мне». Это сильные слова, и они отражают суть того, что делают авторы альманаха, а именно, думают над тем, как поддержать украинцев в их борьбе, в их трагедии и невероятном сопротивлении.

Для меня было важным, что сердца всех, кого собрал под своей обложкой альманах «Игла» в правильном месте, именно потому я и взялась помочь с редактурой альманаха. Название «Игла» возникло не случайно, и мне оно нравится своей остротой. В иглу продета нить, которая помогает сшивать сердце с сердцем, какими бы разными они ни были. В альманахе вы найдете прозу в жанре почти детективной дистопии на тему происходящего в России абсурда. Очень рекомендую прочитать ее.

Далее мне кажутся исключительно важными воспоминания участников о первом дне войны, о том, каким для них был этот день, что они делали, что ели, где были в момент, когда узнали о случившемся. Эти сухие, правдивые репортажи очень важны. Очень интересен раздел интервью, которые участники альманаха провели с людьми различного толка – от простых граждан Украины до ее творческого потенциала, людей искусства. И, конечно, в альманахе есть раздел «стихи», которые в сумме своей можно назвать свидетельствами происходящего.

Когда-то я работала репортером-документалистом у Стивена Спилберга. В мою обязанность входило собирать свидетельства у людей, переживших Холокост, и снимать на пленку их свидетельства о Катастрофе. Сейчас происходит полномасштабный геноцид украинского народа и любые хроники в любом жанре бесценны, и особенно они нужны, потому что сделаны на основе живого материала и потому режут по живому. Пусть не все участники в альманахе профессиональные писатели и поэты, но в одном они профессиональны – в понимании несправедливости и ужаса происходящего и в желании сохранить все, что можно, для грядущих поколений.

Я не знаю, когда будет суд над теми, кто развязал и ведет эту страшную войну, но суд без сомнения будет, и он будет страшным для виновников. Очень не хочется, чтобы хоть что-то выпало из списка ужасов. Но это все будет потом, а пока длится бойня, авторы «Иглы» будут говорить, потому что молчать нельзя.

КАТЯ КАПОВИЧ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ БИБЛИОТЕКИ
АМЕРИКАНСКОГО КОНГРЕССА,
ДВУЯЗЫЧНЫЙ ПИСАТЕЛЬ,
ПРОФЕССОР СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ МАСТЕР-КЛАССОВ ПО ПОЭЗИИ

КАК ДЛЯ МЕНЯ НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

АРНОЛЬД КОПТЕВ

США

Утро 24 февраля в Калифорнии было обычным, тёплым и безобидным. Спустившись на кухню, я увидел как жена готовит наш обычный завтрак. Телевизор был, как обычно, уже включён и показывал какой-то боевик со взрывами, бомбёжкой, авиацией. Обычно мы не смотрим такой жанр, особенно с утра. «Это что такое?» - спросил я. «Россия напала на Украину сегодня», - ответила жена.

В первое мгновение мне показалось, что я ещё не проснулся и что она шутит. Конечно, всю предыдущую неделю тучи сгущались и я, обсуждая с ней это динамично нарастающее напряжение, был почти уверен, войны не будет, он не решится напасть, это всё игра мускулов, нагнетание ажиотажа, такая показная демонстрация подростковой напряжённости, вызов, провокация, угроза, устрашение, послание противнику сигнала о своих потенциальных возможностях и о будущих намерениях.

Как же я был не прав. Зачем? Почему? Как? Где? Кто? Сколько? Куда? Чем? Когда? Кому? Откуда? Вопросы сумбурно смешались в голове. Я присел на стул. «Это конец России», - пронеслась мысль. Конец для страны, для глубинного народа, для экономики, для будущих поколений. Это крах. И первое о чём мне бессознательно подумалось тогда, как это не странно, что сколько десятилетий, а может и столетий, должно пройти, чтобы украинцы когда-то простили их. Я думал о прощении. Если это возможно в принципе. Тогда у меня ещё была надежда. Ещё была.

Так началось моё первое утро войны, утро номер 1.

ВЕРА АРБОЛЬ

РОССИЯ-США

Мы всей семьёй отдыхали во Флориде на зимних каникулах. 24-го февраля 2022 года моей младшей дочке исполнялось семь лет. Собственно и поездка во Флориду была приурочена к этому дню рождения. Проснувшись утром и просмотрев новости по мобильному, муж (украинец) возбуждённо крикнул мне в ванную; «Они всё-таки начали бомбить Украину!» Я влетела в спальную и в недоумении уставилась на него: как бомбить? Он стал зачитывать ленту новостей – по телу побежали мурашки. Как такое, вообще, возможно?

Я вышла в общую комнату. Надутые накануне шары издевательски плясали в воздухе. С затуманенным сознанием поздравили дочь, подарили подарки. Вялые улыбки всё норовили перейти в печальные гримасы. В ресторан собирались словно на тризну, а не на праздник – дикость какая-то. На наш с дочкой радостный день навсегда легла смертоносная тень российской агрессии. «Ненавижу», – отчётливо подумала я.

ДМИТРИЙ МАКАРОВ

ФРАНЦИЯ

(Из эссе Дмитрия Макарова для “Радио Свобода” от 27 июня 2022)

24 февраля я понял, что обманывал, опьянял себя, и взглянул на российскую (и московскую) жизнь трезво. В те дни я был гостем фестиваля Юрия Башмета в Сочи, 23 февраля представил диск с моими стихами. Был успех. Утром меня разбудила звонком подруга, сказав: "Они бомбят Киев". Началась паника. Аэропорт закрыли, знакомые за 50 тысяч рублей нанимали машины, чтобы доехать до Москвы, кто-то брал поезда до Питера (мест на другие уже не было). На иностранных гостей фестиваля было страшно смотреть. Особенно на тех, кому еще предстояло выступить. Всемирно известный ансамбль барочной музыки Il Giardino Armonico не смог или не захотел прилететь. А я именно ради него задержался на фестивале и отказался от съемок в новом фильме Серебренникова про Эдуарда Лимонова (сниматься у этого мастера в крохотных ролях, часто в камео, – удовольствие тоже многих моих москвичей). Впрочем, съемка 27 февраля была отменена. Все дни те, у кого были друзья в Киеве и других городах Украины, висели на телефоне: что? как? где?

Мой друг Денис, которому я стольким был в жизни обязан, бегал по сигналу тревоги в подвал с маленькими сыновьями на руках. Спать было невозможно. Вечером мы засыпали под лошадиную дозу вина, потом подсакивали в пять утра и хватались за смартфон, чтобы прочитать страшные новости. Я похудел за неделю на 8 или 10 килограмм. Дополнительно издевалось надо мной пространство. За окном номера крохотной гостиницы, в которую я переехал, когда закончилось пребывание, оплаченное фестивалем, шел сток, ливневка. Закроешь окна – душно, откроешь – шумно, потоки воды. Совсем не те ангельские звуки, под которые в прежней жизни приглашал засыпать айфон. Вообще эти дни запомнились ощущением настоящей катастрофы, которая прилась на наше время. Разговоры о революции и исходе интеллигенции столетней давности стали ежедневными. Увы, рядом были слышны и такие голоса: "Давно надо было это сделать". От весьма уважаемых людей.

ЯКОВ НАЕРМАН

РОССИЯ-США

- Пап, ты слышал новости?

- Да

- Я ведь тебе говорил, что просто так они такие войска не подтягивают! А ты не верил, что это возможно!

- Я и сейчас не верю.

- А что дальше будет?

- Не знаю... Я теперь ничего не знаю....

- Привет, вы там как? Звонить-то вам ещё можно?
- Мрак! Мы все – под СС.
- ???
- Страх и Стыд! Господи, за что?!? Одно хорошо: вы успели.

На следующий день, всё ещё не веря в чудовищную неправдоподобность новостей, я поехал осознать происходящее в свой Храм - на берег океана. Обычно, видя бесконечно постоянные и изменяющиеся закаты, осознавая, что они были миллионы лет назад, и будут сиять миллионы лет после нас, я спускаю пар сию-минутных тревог...

Но сегодня вместо лазурно-золотых успокаивающих красок, океан встретил меня совершенно жуткими багряными разливами.

И как-то сами пришли 4 строчки:

Разлитая по небу кровь - не без причины:

Зловещий цвет бессмысленной войны

Ведь там за океаном - Украина

И сполохи её над всей землёй видны

ЛИЛИАНА ЯНХОВЕР
РОССИЯ-США

ПИСЬМО НЕЗНАКОМЫМ

Друзья, не знаю вас по имени-отчеству, тем более в лицо. А может, так и лучше. Война пришла ко мне сначала шоком. Я бросилась писать, кричать, только не молчать, чтобы не потерять голоса. Ведь, когда случается что-то страшное, ты не можешь и пискнуть, немеешь. А так хочется жить.

Вторая волна накрыла вакуумной крышкой, оглушила. Мой крик никто не хотел слушать, называли неблагодарной, предателем, фашистом, и просто отбившейся от стада овец. Я закрыла страницу «В Контакте», удалила «Телеграм», и осталась одна.

Я уехала из России в конце 90-х, и приезжала каждые пару лет навестить братьев. За 23 года дистанция оставила след, отношения с друзьями изменились – поверхностные отпали, настоящие остались и углубились в доверии. Эти настоящие и выстрелили первыми. Им очень хотелось перетянуть меня на свою сторону. Я никак не могла поверить, что это происходит со мной и с ними. Мы столько всего вместе пережили и так далеки друг от друга оказались сейчас. Один из моих трех братьев оказался также в чужом лагере. Как и когда это произошло?

Пятнадцать лет в Америке научили меня «тонкости» в социальных отношениях. Темы секса, религии и политики не обсуждаются здесь даже во многих семьях. Это, дескать, может привести к неловким ситуациям. Более того, как учитель, да и любой менеджер, ты проходишь периодически тренинг «Harassment prevention», где тебя учат соблюдать грани дозволенного. В этой свободной стране важно знать границы своей и чужой свободы. Для этого и существует small talk, дабы обозначить эти границы.

Пользуясь навыками американской жизни, мои социальные связи с Россией крепчали год за годом, не подозревая, что же творится за той самой чертой. Все разрешилось тем самым февралем. Отрезав от себя семью и друзей, у меня осталась одна русская подруга в России, еще одна в Германии, и старший брат, полицейский в Москве. Ему я звонила каждый день, так как ему было еще тяжелее. Его жена оказалась тоже на другой стороне, туда же она тащила их двух сыновей подростков. Желание помочь, во что бы то не стало создать для брата свое присутствие, заставляло шевелиться, только не неметь. Надо было срочно перевести им денег, всем, чтобы на всякий случай было на побег. Но как? Я перепробовала все, и везде отказ. На помощь пришла учитель русского моего сына, она украинка, под Мариуполем, сказала, что русские сразу вошли в их город, украинцы сдали его без боя, и у нее два паспорта и мама больная, с которой бегство невозможно. Я могу ей перевести деньги, а она им в Россию. Все смешалось в этом мире. Он старел на глазах, минуя зрелость.

Я рыдала несколько дней. Потом онемела. Но надо было как-то функционировать. На помощь пришел сын, ему 12. Он садился каждый вечер и смотрел с нами новости. Разговоры за ужином были только о войне.

Муж-немец не выдерживал этого, затыкал рот сыну, просил поберечь маму. Мальчик стал в школе на уроке истории говорить о войне. Его мало кто поддерживал. Учитель несколько осветила тему, потом переключились на Китай, Трампа, ковид, землетрясения, наводнения и другие страсти. Он закачал себе приложение и тайком смотрел десятиминутные новости, делился отдельно, чем-то со мной, чем-то с папой. Он вырослел.

Мы все искали выход. Вращаясь среди интеллектуалов, раньше всегда находился кто-то, кто

кто подсказывал либо верный ход, либо мысль, либо идею. Потеряв друзей в России, я искала тех, с кем можно было бы поговорить о том, что так болит, среди своих знакомых здесь. Каково же было мое удивление, когда я не встретила ни одного собеседника. Половина американцев считает, что война давно закончилась, не смею спросить, кто победил. Вторая половина сочувственно вздыхает, пожимает плечами и меняет тему. Ни одного вопроса или комментария. Это был еще один удар. На помощь пришел Быков, у Вас, говорит, депрессия. Прописал библиотерапию, принимать по три чайной ложки в день перед едой. Рвало родиной. Психиатр поморщился, стресса в жизни много, антидепрессант поможет улучшить настроение. Следующий врач взялся за дело радикально – сделаем из Вас овощ на четыре недели и можно дальше работать с психологом. Так причина, оказывается, в трудном детстве, а не в войне. Фу, полегчало.

Вышла на воздух, холодный, жгучий, оглянулась вокруг. Кучка снега под крыльцом, хватившего на колобок, рваный сдутый футбольный мяч, брошенный и забытый детьми еще прошлым летом, голая смущенная березка, совсем слабая, ее я посадила сразу, как приехала в Принстон, и она никак не приживалась, но боролась из последних сил. Все казалось таким близким и родным. Все напоминало жизнь, текущую параллельно той другой. Я тогда твердо решила, буду вот так выходить, смотреть, трогать и любить то, что было жизнью, по чайной ложке перед сном.

НАТАЛЬЯ Е-К
РОССИЯ

24 ФЕВРАЛЯ ТОГО САМОГО ГОДА, КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА. МОСКВА.

«Почему так громко... сколько времени?»

Зимним утром тяжело просыпаться и каждые десять минут сна кажутся вечностью. Я открыла глаза. На часах полседьмого. До будильника еще десять минут. Голос в смартфоне у мужа прямо тут, в спальне, чеканит слова «Уважаемые граждане России!»

– Что случилось?

– Война началась.

Он всё-таки её начал. Гадёныш. Чекист. Утром. Подло. Как и тот. Мы еще с декабря знали к чему всё идёт. Я написала кучу постов про фашизм, про «хотят ли русские войны». Это было еще в январе. До последнего не верили, что осмелится. Взяла свой гаджет.

– Они Киев бомбят!!!! Ты видел?! Какие скоты!

Муж ушел на работу. Я не могла оторваться от фото и видео Киева, Харькова, Одессы. Взрывы, сирены, разрушенные дома. По многу раз. Пыталась позавтракать. Какой-то ком в горле мешал есть. Выпила только чай. Сменила аватар во всех соцсетях на НЕТ ВОЙНЕ на черном фоне, написала посты.

Это мой одиночный пикет. Руководство страны, в которой я живу, в порыве безумства, совершило акт подлой агрессии в отношении мирной и суверенной Украины. Я не могу с этим мириться. Мне бесконечно стыдно и больно, хоть я никоим образом и не причастна. Нет войне!

Из квартиры выходила со включенным видео, боясь пропустить что-то важное. В подъезде звуки отдавались эхом. Доехала до работы. Под постом на FB уже появились комментарии френдов «Вы Позор Русского Народа!». Забанила для профилактики. Включила на компьютере 1С.

Ни одной мысли о работе. Позвонила матери. Лучше бы не звонила. Написала сестре в чат:

«Безумный дед бомбит Киев, Одессу и Харьков.»

«Это мне не помешает съездить в Египет?»

«В Херсоне горит аэропорт»

«Я на недельку хотела детям Каирский музей показать»

«Они бомбят всю территорию Украины»

«А зачем они это делают?»

«Потому что он псих. А бараны за него голосовали»

«Я не думаю, что можно кому-то верить. А ты отцу звонила?»

«Нет. Я не хочу с ним это обсуждать. Я с матерью говорила. У неё в голове помойка из телевизора. Про укрофашистов, врагов американцев. Она вообще сказала, что правильно и давно надо было дать по мозгам этим бандеровцем. Жесть просто»

«Ну вообще не знаю. А ты не думаешь, что это фейки?»

«Что фейки???? Что русские бомбят Украину????»

С работы позвонил муж. Сказал, что могут закрыть границы, мне надо подавать на визу D и уезжать как можно скорее. Он точно уезжает, уже взял билет на седьмое марта, иначе его как врача могут мобилизовать и не выпустить.

Я, я не хочу уезжать... здесь работа... квартира... кошка... аквариум... всё... вся жизнь. И вот я такая сильная, умная, сижу и плачу навзрыд. Я не понимаю, что делать. Я не знаю, как дальше жить. Случилась катастрофа. Теперь русские – преступники. Надолго. Может быть навсегда.

ОЛЕГ МЕДВЕДЕВ
РОССИЯ-АНГЛИЯ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Онемение. Это было онемение. Нежелание верить – что делаем мы?! Пожалуй, я провёл без сна, как в тумане, что-то близкое к неделе... но дальше надо жить.

Балладу о солдате я писал в июне 2022. Это была домашка на курсе романа Д. Л. Быкова. Но мысли мои были именно про тот, первый день...

Я писал в деревне у ручья, мимо проходила незнакомая дама с собачкой. Видимо, в этот момент у меня совершенно произвольно потекли слёзы. Она остановилась напротив скамейки, где я сидел, и сказала: «Не переживайте. Хотите, я с ней поговорю?»

СЕРГЕЙ СЧАСТАИВЦЕВ
РОССИЯ

О ТОМ 24-М ФЕВРАЛЯ

Я не помню ни одного 24-го февраля в своей жизни, хотя мне уже без малого сорок лет. Ни одно не запомнилось. Кроме этого.

То, что на границе скапливаются российские войска, я хорошо знал. Как и все, впрочем, кто хоть чуть-чуть за этим следил. Знал, что к Путину, как к себе на работу, ездит директор ЦРУ Бёрнс. Отговаривает. Читал путинский ультиматум НАТО. Смеялся.

Не верил, что старик решится. Да ладно, это блеф, кто в него поверит? Сколько раз так пугал, а потом – ничего. Зря он. Чтобы в блеф поверили, нужно слыть человеком слова. Чтобы в нужный момент, когда ты в первый раз блефуешь и не собираешься исполнять угрозу, все, зная тебя, поверили. Поверили, что у тебя в руках туз, а не паршивая шестёрка...

Двадцать четвёртого в девятом часу я поехал на работу. Сел в машину. Дома телевизора нет, о чём я ни разу не пожалел. Зазвучало «Эхо». Ведущие наперебой говорили о взрывах в Киеве, Харькове. Казалось бы, должен быть к этому готов. Не зря же снимали комедийное шоу под названием «совет безопасности», и надутый, как шарик, Пушилин на голубом глазу рапортовал об обострении и эвакуации жителей Донбасса.

Оказалось, не готов. Знаю свой маршрут от дома до работы. Знаю, где ехал. Но не помню как. Потому что я жил в этом радиоприёмнике. Понимал, что ничего нельзя изменить, вернуть. И надеялся, что сейчас вот-вот скажут, что всё это был розыгрыш. Грозное предупреждение.

Антivoенный перформанс.

Иррациональное чувство.

Приехал на работу. Вся новостная лента «Яндекса» – на войне. Смотрю Путина. Не знаю зачем, стал смотреть по второму разу. Как будто пытался углядеть то, чего там нет.

А потом вышел в коридор. Впервые за два десятка лет, что я работаю здесь, вечно гомонящее, хлопающее дверями, стучащее каблуками учреждение молчало. Молчало. И я молчал.

И – глаза сотрудников. Глубокие-глубокие. А внизу, в колодце этих глаз, плескалось что-то неизмеримо человеческое. В этой беде мы оказались вместе. И это тоже запомнилось и много чему меня научило. Люди вокруг чудесные.

Я иду к вам, люди!

ФЕЛИКС ВОЛКОВ
АВСТРАЛИЯ

23 февраля меня выписали из больницы после COVID. По матери все родственники из Крыма и Херсонской области. В ночь на 24 посыпались звонки - „Они это начали“... Смесь отчаяния и ненависти охватила меня. Но настоящий кошмар начался 3 марта, когда начался массированный обстрел Николаева. Утром этого дня погибла наша классная руководитель - снаряд влетел в её квартиру, погибла заведующая школьной библиотеки, снаряд влетел в нашу школу, еще 8 человек было ранено. Боль и отчаяние охватили меня. В голове тяжёлыми колоколом гудел вопрос "За Что?"...

АНАСТАСИЯ МЕНЬШИКОВА

РОССИЯ-США

НОТАРИУС

ОБЕД

Неловкость первых минут давно прошла.

Собравшиеся трудились слаженно. По залу разносился стук вилок и гул голосов.

Все уже отогрелись после утреннего холода. Щеки румянились от тепла и количества выпитого.

Пили согласно поводу не чокаясь, и оттого вдвойне споро.

Место рядом с Таней почти все время пустовало.

Подруга Лена то и дело отлучалась решить что-то на кухне, проследить за тарелками на дальнем конце стола, поговорить с Машей, подумать только, сто лет не виделись, и вот ведь, где довелось встретиться.

Возвращалась набегами, бережно, но властно клала руку ей на плечо: «Ну что ж ты, милая, вот ничего и не поела совсем. Давай вот хоть сыра кусочек. Устюгский, хороший, не то, что магазинный то...» Таня покорно кивала головой. Сыр смотрел на нее с тарелки неровными дырками.

- Да что ж они с гуляшом то так тянут! - и Лена плыла в сторону кухни.

- Гуляш, на горячее закажем гуляш, и пюрешечку. И вкусно, и сытно. Все довольны будут. Нарезочку мясную. Селедочку вот. Хорошо под водочку идет. Пирожки, конечно, куда без пирожков то. Тебе и думать не надо, не волнуйся только, вех накормим, не то, что Митрошины, - втолковывала она Тане два дня назад. Таня согласно кивала.

Мясная нарезка почти разошлась. Таня видела, как Семен Петрович, коллега, уверенно собирал на вилку оставшиеся скрученные кусочки неприятного сероватого цвета, заветренные по краям, и, не удостоив их даже взглядом, тянул в рот, зажевывать рюмочку... Он, как всегда, устроился в окружении женщин, и нес им свет своих мыслей: «Достойного, достойного воспитала... Как герой. Не отсиживался, не прятался, не всякому так дано умереть. В боях.» Таня почувствовала, как к горлу опять подкатывают слезы, сглотнула, перевела взгляд.

По другую сторону стола сосед Петр Александрович смачно налегал на селедку. С кусочков мертвой рыбы стекало масло. Застревало каплями в бороде, сосед пытался собирать их хлебом, жарко размахивая над столом руками: «А я бы всех этих укров, гадов, разбомбил. Вот всех без жалости... Пока мы так вот с ними, интеллигентно цацкаемся, ребята то наши, гибнут. А уж Леша человек был, человек, я вам скажу...» - крошки хлеба и капли масла подрагивали в бороде. Мужчины и женщины согласно поддакивали.

Краем глаза Таня заметила другую группу. Лешины одноклассницы склонились над мобильным телефоном, и сюсюкая разглядывали фотографии малыша. Хозяйка телефона, Катя, радостно тыкала в экран: «Вот, буквально вчера, головку поднимать начал...» «Ой, как старается малыш!» «Какой сладенький!» - наперебой соревновались в комплиментах девочки. Тарелка пирогов, стоявшая рядом с ними, стремительно пустела.

- Уже несут. Вот сейчас будет гуляшник, горяченький. – Защебетала прямо над ухом Лена. – Беда ты моя, так ничего и не съела. – Давай вот хоть пирожочек. И водочки. Надо водочки. Не хочешь, ну вот наливочки клюквенной, сладенькой. – Таня увидела, как из бутылки в рюмку потекла красная струя.

Работница столовой протиснулась вплотную к столу оттеснив Лену. Гордо поставила перед Таней полное блюдо гуляша. В склизком белесом соусе плавали кусочки мяса.

Таня почувствовала, как откуда то из глубины, катится к ее горлу обжигающий комок.

- Танечка, да ты что, побелела то вся! – хлопотала рядом Лена, - В туалет, бежим в туалет, ты уж потерпи. Нельзя тут, никак нельзя, люди-то что скажут.

Таня согласно кивнула, начала приподниматься.

Голоса гудели, сливались: «А вот бы ядерной... За мамкину юбку не прятался...Себя не пожалел за родную землю... А на мамочку как похож... Прав президент, лучше так, чем под машиной... » Таня вдруг остановилась, почувствовала: бежать никуда не нужно, не успеет, да и не зачем. Тяжело опустилась на стул, и горячая рвота очистительным потоком полилась из нее прямо на стол.

АНАСТАСИЯ МЕНЬШИКОВА
РОССИЯ-США

ДАНИИЛ ТАЛЬ

РОССИЯ-ФРАНЦИЯ

МЕНЕДЖЕР

Можно ли доверять биографии человека, пишущего под псевдонимом? Пусть читатель решает сам.

Я родился в Москве в прошлом веке. В 1991 году, в день путча, уехал в Америку. Прожив в Вашингтоне 12 лет, вернулся в Россию, а ещё через 12 лет перебрался в Париж. Если верить логике жизненных циклов, через 4 года мне предстоит податься куда-то ещё.

По профессии я предприниматель, в том смысле, что постоянно пытаюсь что-то предпринять. По призванию – писатель, по крайней мере, мне приятно так думать. Публиковался онлайн журналах, сейчас жду выхода первой книги. Судя по реакции издательства, ждать мне ещё долго. Своими произведениями мучаю в основном родственников и близких друзей. Рад, что к этому избранному кругу присоединитесь и вы.

С уважением,

Даниил Таль

НУЛЕВОЙ ДЕНЬ

1.

Дождливая осень. Пожелтевшие листья, не выдерживая тяжести капель, срывались с деревьев и падали на мокрый асфальт. Природа сбросила желто-коричневый корсет, и сквозь ребра деревянных заборов стали видны внутренности дачных участков: неровно уложенная серая плитка, ведущая к обветшалым домикам, покосившиеся сараи и давно уже не работавшие фонари. Заборы, дома и даже вековые сосны казались игрушечными на фоне огромной, ветряной турбины. Нависшие над деревьями гигантские белые лопасти оставались неподвижными, гул ветряка пока еще не заглушал шуршания листвы и стука дождевых капель. Красные сигнальные огни пока еще блекло мигали у самых облаков, но с наступлением темноты их свет заполнит ночь ритмичным мерцанием.

На улицах поселка безлюдно. Редкие прохожие при встрече опускали глаза и торопливо проходили мимо — им нужно попасть домой до захода солнца. По вечерам немногие оставшиеся на зимовку жители задерживали штормы. Раскинувшись на скрипучих диванах, они выпивали стакан чая, прилаживали к вискам резиновые, похожие на рога антенны и, прикрыв глаза, ныряли в «Поток».

Когда гасли последние свечи, поселок погружался во тьму, которая раз в несколько секунд разрывалась вспышками красного света. С первым порывом ветра гигантские лопасти начинали движение, сначала медленно, затем все быстрее. Низкий, режущий ухо гул турбины проникал внутрь помещений. Выйти же на улицу можно было только в специальных наушниках. Благо, большинство жителей поселка уже давно надели «рога» и путешествовали в иных мирах.

Ночная жизнь в поселке практически отсутствовала, если не считать придорожный магазин «Лавка Сурена». Владелец магазина, которого, как несложно догадаться, звали Сурен, каким-то чудом, или, как сплетничали в поселке, с помощью крупной взятки получил квоту на электроэнергию и превратил убогую лавку в эпикурейский островок довоенной жизни с ярким освещением, холодным пивом и замороженными продуктами.

Сурену было за сорок. Он носил свежую белую рубашку и выглаженные черные брюки. Говорил с сильным армянским акцентом. Работал без помощников, из-за чего его крайне редко видели за пределами магазина. В тот вечер он по обыкновению натирал и без того блестящий прилавок, время от времени поглядывая на свое отражение в большом настенном зеркале.

Напротив Сурена стоял клиент — высокий широкоплечий мужчина лет пятидесяти. На нем были джинсы классического покроя, фланелевая рубашка в зеленую клетку и коричневый плащ. Мужчина немного сутулясь, смотрел в пол, изредка бросая молящий взгляд на продавца. Немая сцена длилась несколько секунд, после чего Сурен, нахмутив брови, отложил тряпку и взял в руки толстую тетрадь в пластиковой обложке. Внимательно изучив свои записи, Сурен закрыл тетрадь и обратился к мужчине:

— Пойми, брат, у тебя долг пять тысяч семьсот восемьдесят два рубля. Ты забыл, наверное. Так записывай. Пока не вернешь, ничего не дам!

Мужчина хотел что-то ответить, но передумал и, еще сильнее ссутулившись, направился к выходу.

— Голова! — попытался предупредить Сурен, но мужчина ударился о дверной косяк и, чертыхаясь, вышел из магазина. Сурен громко крикнул ему вслед:

— Колян, стой! Мужчина развернулся и, едва не ударившись головой во второй раз, подошел к прилавку.

— Когда заплатишь? — спросил Сурен, глядя на Николая снизу вверх.

— Скоро, Сурен. Есть работа в рекламе. Получу деньги и отдам.

— Ты уже обещал, — качал головой Сурен. — Сейчас всем тяжело, не только тебе. — Есть один проект, совершенно грандиозный, сказали позовут, — глядя в пол, солгал Николай.

— Это тоже говорил, — проворчал Сурен.

— Ладно, чего хочешь?

Николай просит бутылку водки и овощи. Протягивая ему пакет с продуктами, Сурен кивнул на висящую в рамке киноафишу. На ней был изображен человек, напоминавший Николая, только значительно моложе. Герой поражает вооруженного пистолетом толстяка ударом ноги. Надпись на афише гласила: «Ярость Света! Николай Васильев в роли агента Тульмонда!»

— Хорошее было кино, настоящее. Не то что сейчас! Ладно... что даешь за еду? — спросил Сурен, оценивающе посмотрев в свое отражение.

Николай пожал плечами:

— Не знаю.

— А я знаю! — оторвавшись от зеркала, торжествовал лавочник.

— Сыграем, будто я Мад Ди, а ты — Тульмонд, помнишь, где ты первый раз сказал...

— Нет, Сурен, не здесь, — краснея, промямлил Николай. — Зачем тебе? Надень «рога» и будь кем пожелаешь.

— Ай, не надо рога, хочу по-правде! — воскликнул Сурен.

В лавку зашли двое. Круглолицый коренастый парень держал в руке недопитую бутылку пива. Его приятель, высокий мужчина в скрывающем лицо капюшоне, тащил корзину с пустыми бутылками. Увидев Николая, они переглянулись.

— Тару сегодня не принимаю, — пробурчал Сурен.

Николай сделал движение к выходу, но, поймав строгий взгляд Сурена, остановился, поставил пакет на пол и расправил плечи, став выше сантиметров на десять. Сурен с довольным видом потирает ладони, блондин и человек в капюшоне перешептываются. Николай расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

— Не сломай мне тут ничего, — предупредил Сурен. Он вышел из-за прилавка, достал из кармана гребень и, зачесав и так идеально уложенные волосы, скомандовал:

— Начали!

— Я Мад Ди, а кто ты? — торжественно произнес Сурен, взглянув в зеркало.

— Я — свет, поражающий тьму, я — пламень, сжигающий зло, я — твоя смерть, Мад Ди! — громовым голосом крикнул Николай, бросив взгляд на Сурена. Лавочник жестом велел ему продолжать.

Николай не без усилия подпрыгнул под потолок, поражая невидимого противника ударом ноги. Блондин поставил бутылку на пол и заплотировал, высокий, сверкая глазами из-под капюшона, воскликнул: «Браво!». Сурен был вне себя от счастья:

— Ах, молодец, дай я тебе еще огурчиков положу! Как я сыграл?
Васильев смущенно промямлил:

— Хорошо.

Блондин попросил у Николая автограф. Васильев расписался на этикетке пивной бутылки. Довольные посетители ушли, гремя не востребованной тарой. Николай кивнул Сурену и собрался домой, но тот попросил его остаться еще «буквально на секунду». Открыв массивную дверь подсобки, лавочник исчез в темноте. Через несколько минут он появился, держа в руках деревянный кофр. Внутри находились две небольшого размера стеклянные мензурки с прозрачной жидкостью.

Приглядевшись, Васильев заметил выгравированные на мензурках дивные узоры и надписи на непонятном языке.

— Муранское стекло, — поймав взгляд Васильева, пояснил Сурен. — Можешь подержать у себя?

— Я? Ну не знаю... — замялся Васильев.

— Это подарок моей кухне. У нее скоро юбилей. Я завтра должен уехать. А она будет здесь. Не увижу ее, хоть гостинец передам. Она тебе позвонит, договоритесь на удобное время, и все. Она в центре остановится. Если попросит, приедь к ней, выпей кофе, я оплачу. По рукам?

— А ты надолго? — забеспокоился Николай.

— Не волнуйся, скоро вернусь, не оставлю вас.

С этими словами он вернул мензурки в украшенный резьбой футляр и протянул его Васильеву.

— Держи и смотри не выпей. А то козленочком станешь!

Сурен рассмеялся. Николай взял футляр, аккуратно положил его в пакет и вышел из магазина.

2.

На улице было темно, моросил дождь, красные точки пробивались сквозь нависшие облака. Васильев шагал по месиву деревенской дороги и улыбался, не обращая внимания на стекающие по лицу капли. «Какие приятные люди, — думал он. — Особенно Сурен. И блондин, и этот длинный. Все-таки здорово, когда тебя помнят!»

Николай поднял глаза к небу и посмотрел на мигающие огни. Подул ветер. В сумраке, над макушками деревьев начали оживать гигантские лопасти. Уууууу... Васильев поморщился: гул ветряка еще не был громким, но уже начинал действовать на нервы. Нестрашно. Скоро Николай прицепит к вискам две неуклюжие антенны и нырнет в «Поток», обретя непередаваемую легкость тела и не менее восхитительную ясность ума.

Васильев шел по своему участку. Старые яблони выступали из темноты, как огромные пауки. Васильеву не терпелось прикрепить «рога» и, выпив стакан водки, забыться. Тогда он поднимется над скучными коричнево-серыми домиками, а дальше — будь что будет: путешествие непредсказуемо, но неизменно прекрасно. Николай с удовольствием вспомнил вчерашнюю ночь.

Он — большой актер, приглашенный самим Дзеффирелли сняться в скандальной версии «Гамлета», естественно, в главной роли. Тот факт, что режиссера и актеров уже сто лет как нет в живых, да и сам кинематограф дышит на ладан, не имел значения: «Поток» не зависел от пространства и времени.

Идут съемки финальной сцены. Васильев раскинулся на полу между очаровательной Гленн Клоуз, и толстяком, исполнявшим роль Клавдия (имени его Васильев не запомнил).

Васильев смертельно ранен. К груди течет по жилам холод, немеют пальцы, в глазах темнота и красные вспышки. Вот она, свобода, совсем близко. «Снято!» — кричит режиссер. Васильев слышит аплодисменты и просыпается.

Выбор между невыносимостью бытия и холодным сном — это игра, в которой Васильев чувствовал себя мастером. Бедный Гамлет не мог покинуть опостылевший ему мир, при этом оставаясь живым, а Васильеву это было под силу: надо всего лишь нацепить рога и нырнуть в «Поток». Николаю не терпелось продолжить игру — он хотел идти дальше, за холод и темноту.

На сегодня намечалось очередное обновление «Потока», анонсы сулили еще более яркие впечатления и неограниченные возможности для пользователей. Васильев остановился у двери и начал шарить по карманам в поисках ключа. Очень некстати в левом ухе запищал телефон, перед глазами возникла фотография Веры. Васильев выронил ключ и с раздражением сбросил звонок.

Через несколько секунд появилось сообщение: «Не заходи в дом, уезжай. Сняла номер в “Национале” . Увидимся позже. Вера».

Васильев чертыхнулся. Подняв ключ, он какое-то время стоял под морозящим дождем, а потом быстрым движением открыл дверь. Громко топая, Васильев зашел в дом и как можно быстрее зажег свечу. Дождь за окном превратился в ливень. Васильев разложил на тарелке овощи, открыл водку, сел в старое кресло. Уставившись в окно, он слушал шум дождя и думал о Вере. Бросив взгляд на пол, Васильев увидел фотографию, которую сразу узнал: поджарый, высокий, черноволосый Николай обнимает миловидную девушку. Они стоят на площади Сан-Марко. Вокруг люди и голуби, за спиной — храм и лазурное небо. Вера смеется, Васильев щурится. Светит солнце.

Настроение у Васильева окончательно испортилось. Он вспомнил, что пару дней назад нашел это фото, роясь в семейном альбоме. Потом был телефонный звонок, настолько важный, что Васильев, уронив фотографию, понесся куда-то. Кто звонил и куда он бежал, Васильев не помнил. Говорят, путешествия в «Потоке» сказываются на памяти, но Васильев знал что скоро ход событий сам по себе восстановится.

Николай уронил фото, поднялся с кресла, поплелся в спальню и, закрыв дверь на ключ, лег в кровать. «Поток» подождет, настроения нет. Ветер стих, вместе с ним замолчала ветряная турбина. Капли дождя убаюкивающе бились о мягкую крышу: тук-тук-тук. Веки Васильева стали тяжелыми, он закрыл глаза.

3.

Проснувшись, Васильев обнаружил, что снова сидит в старом кресле в полутьме гостиной. Как многие жители поселка, он часто гулял во сне. Лунатизм распространился вскоре после появления «Потока». Сомнамбулы бродили из комнаты в комнату, выходили во двор, слонялись по улицам поселка и даже залезали в чужие дома. Очнуться человек мог где угодно: бывали случаи, когда пробудившийся лунатик с удивлением находил себя в постели с незнакомой сомнамбулой противоположного пола. Это было большой проблемой — доказать, что ты был «вне себя» и поэтому проник в чужую постель.

Васильев протер глаза. Голова привычно кружилась и болела, хотелось пить. Кряхтя, Васильев поднялся с кресла и чуть не упал, наступив на что-то скользкое. Оказалось, что это фотография, которую он вчера бросил на пол. Васильев поднял карточку и поднес ее к окну. В предрассветной мути изображение на фото расплылось, уродливо исказив Верино лицо: глаза напоминали темные кляксы, рот съехал в сторону, белозубая улыбка выплывала из темноты, как у Чеширского кота.

Сунув фотографию в карман, Васильев побрел к спальне.

Пошатываясь, Николай вышел в коридор и ахнул от неожиданности: в метре от него у закрытой двери стояла женщина. Костлявой рукой она тихо стучала в дверь спальни. Ее мокрые от дождя волосы казались седыми, морщинистые руки и скрюченные пальцы напоминали ветки сухого дерева, насквозь промокшая белая кофта висела на сутулых хрупких плечах. Женщина стояла спиной к Васильеву, преградив вход в спальню. Васильев чертыхнулся — не запер входную дверь, и вот тебе результат. Забредших в дом сомнамбул будить запрещалось — внезапно проснувшиеся люди испытывают стресс и могут на всю жизнь стать заиками. Васильеву не оставалось ничего другого, как ждать и надеяться, что старуха-лунатик сама выйдет из дома.

Однако она продолжала тихо стучать в дверь, похоже не собираясь никуда уходить.

С минуту Васильев разглядывал незнакомку, прикидывая, как не потревожив ее, пробраться к кровати. Наконец, уловив удобный момент, он шагнул к двери.

Скрипит ламинированный пол, сомнамбула оборачивается. Изумленный Васильев видит белое, будто напудренное лицо, потекшую из-за дождя тушь и черные кляксы глаз, в глубине которых блестят металлического света зрачки. Проигнорировав окоченевшего от ужаса Васильева, старуха отворачивается и продолжает чуть слышно наступивать в дверь.

— Вера! — сдавленным голосом шепчет Васильев и открывает глаза.

Он лежал в кровати. В доме было тихо, только — тук-тук-тук — стучал дождь. Голова кружилась и болела, хотелось пить. Николай частенько вспоминал их первое свидание — игривый вызов в ее глазах, прогулку по ночной Москве, шикарный ресторан, папарацци, наконец гостиница (как же она называлась?). Васильев с трудом встал с кровати и зажег свечу.

В левом ухе раздался сигнал телефона, перед глазами возникло сообщение: «Беги! Не открывай дверь, лезь через окно. Увидимся в “Национале” !».

«Точно, это был “Националь” !» — совсем некстати осенило Васильева. Он заблокировал входящий номер. Завтра же позвонит куда-нибудь и устроит скандал. Дела у «Националя» плохи, раз приходится искать клиентов двадцатилетней давности. Васильев зевнул и закрыл глаза. Заснуть не получалось. Вчера перебрал с водкой — сегодня расплата. Такой возраст. Еще этот дурацкий сон и назойливые звонки. Наверное, из-за них, Васильев чувствовал, будто за дверью спальни кто-то притаился и терпеливо ждал его. По телу Васильева пробежали мурашки.

«Глупости», — подумал он, подтянув одеяло к груди. Вера давно умерла, а в призраков он не верил. Васильев понял, что не уснет, пока не откроет дверь. Он быстро поднялся с кровати, качаясь подошел к зеркалу, зажег свечу и прислушался. Тишина, если не считать пульсации в висках, да падающих на крышу дождевых капель.

— Есть кто? — поинтересовался Васильев.

Опять зазвонил телефон. Это было невыносимо. Васильев сбросил звонок с неизвестного номера, повернул ключ и резко открыл дверь. Никого.

Скрипнул пол — Васильев попятился к окну и, поскользнувшись, упал на спину, больно ударившись темечком о железную батарею.

В глазах Васильева потемнело. Волна холода сковала тело. Васильев боролся, чтобы не потерять сознание, продлив новые ощущения, намного более глубокие, чем фейковая смерть в «Потоке». Промозглая серость подмосковного утра надвигалась на Васильева и вот-вот заберет его. Николай давно готовился к этим секундам, в мечтах он немеющим ртом должен был закончить свою жизнь, как настоящий актер, фразой из Шекспира:

«И дальше — тишина. К чему слова...» — или чем то подобным.

А потом — аплодисменты и занавес.

Но смерть, как и жизнь, не любит сценариев. Вместо аплодисментов Васильев чувствует тепло и упругость ниже пояса. Серая пелена расступается, Васильев видит сидящую на нем девушку. Ее грудь колыхнется в ритм движению тела, сначала плавно, затем все быстрее. Откинув голову назад, девушка тихо стонет. Васильев замечает знакомые родинки на ее шее. Забыв про смерть, головную боль и Шекспира, Николай хватает Веру за шелковистые бедра.

«Сейчас, сейчас», — шепчет Васильев подстраиваясь под ее ритм.

Все испортила старуха. Выплыв из темноты, она улыбается съехавшим набок беззубым ртом, оценивающе глядя на дергающегося в одиночестве Николая. Протянув костлявую руку она берет с полки деревянный футляр и открывает мензурку из муранского стекла. Одна-единственная капля падает на пересохшие губы Васильева. Жидкость нестерпимо жжет. Старуха подхватывает Васильева костлявыми руками и, вылетев из окна спальни, уносит его прочь из маленького поселка мимо неподвижной громады ветряка. Они уже совсем высоко, над облаками. Васильеву холодно. По-матерински взглянув на него сверху вниз, вечно улыбающаяся старуха шипит:

— Успокойся. Я от Сурена.

4.

Петр Васильевич Логинов был старейшим членом Совета. Он помнил войну, поражение, унижительный мир, суды, репарации, развал страны. Причина всех этих событий была ему очевидна. Враг владел технологиями, которых у его страны не было. Это позволяло вражеским ракетам лететь в цель, вражеским командирам отдавать выверенные приказы, вражеским солдатам четко их выполнять. Враг победил в информационной войне — сотни лет противоречий были опущены, упростившись в головах обывателей до понятий «добро» и «зло». Великой империи не стало, вместе с ней умерла большая идея. За это Логинов ненавидел любые технологии. У него, единственного из членов Совета, не было имплантатов, он предпочитал полагаться на собственные мозги. Из-за этой особенности Логинова, членам Совета во время еженедельных заседаний приходилось, отключив имплантаты, общаться вербально, что было для них чрезвычайным неудобством, так как связь между речевым аппаратом и мозгом работала у них не ахти как.

Глубоко вздохнув, Логинов откинул досье. Господь в своей мудрости всегда дает второй шанс. Петр, Павел, блудница Раав — в писании множество примеров людей, ошибавшихся или живших неправильно, но несмотря на это, нашедших Христа. Нашей ошибкой была недооценка противника. Мы были слишком самоуверенны, а гордыня — величайший из грехов. Но не на этот раз. Мы победим врага его же оружием. Пока он смотрит в сторону, мы украдем пешку, сдвинем ферзя, перепрыгнем через шахматную клетку. Это наш путь, он был таким всегда.

Логинов ненавидел изворотливых, беспринципных очкариков, которые повылезали из своих лабораторий и незаметно добились огромного политического влияния. Но сегодня победить врага можно только с их помощью. Лишившаяся ядерного и вообще любого оружия, когда-то великая страна воспрянет из пепла, как птица феникс, и огненным вихрем пронесется над миром. Помогут в этом новые технологии.

Приободрившись, Логинов посмотрел на часы. Через пять минут ему предстояла встреча с одним из жаждущих власти ботаников, директором Научно Исследовательского Института Искусственного Интеллекта Ставарским. Мерзкий тип. И проект его поначалу казался Логинову этически неоднозначным.

Красноречие Ставарского, подкрепленное несколькими яркими, но по сути бесполезными открытиями, вызывало у членов Совета давно забытое возбуждение, и пока стояк продолжался, Ставарский подписывал контракты. Деньги лились рекой, старики бредили о невозвратной молодости, а Логинову оставалось скрипеть зубами, до тех пор пока он не понял ослепительного потенциала проекта Ставарского для возрождения великой страны.

Логинов взглянул на часы, прочистил горло и ткнув пальцем в допотопного вида кнопку на столе, прокричал в антикварный микрофон:

— Люда, где Ставарский?

— Опаздывает на пятнадцать минут, Петр Васильевич, — ответил женский голос.

«Говнюк», — подумал Логинов. Знает, что Логинов пунктуален и терпеть не может опозданий.

Старый генерал прикрыл глаза.

— Ставарский здесь, Петр Васильевич, впускать? — раздался женский голос, разбудив закимарившего Логинова.

— Впускай, — ответил Логинов.

Через мгновение дверь открылась.

«Шут гороховый», — взглянув на вошедшего подумал генерал, а сам поднялся со стула и с улыбкой сказал:

— Привет, Яков, рад тебя видеть. Работаешь, как негр?

— Здравствуй, Петр, да, как я тебе сегодня?

Логинов покачал головой. Ставарский действительно выглядел забавно: наглые семитские глаза, морщинистое лицо, седые волосы с желтоватым оттенком, худосочная фигура. При этом его кожа была, как у гренадского негра, — черная с синевой. Логинов не любил черных, водился за ним этот грешок.

— Хорош. Это что, очередное открытие?

— Да, моментальная пигментация. Забавная идея, будем коммерциализировать, — ответил Ставарский.

— Ммм. И что, все станут черножопыми? — поинтересовался Логинов. — Почему все. Кто-то будет зеленым, а кто-то голубым, — с вызовом ответил ученый. — Понятно. Ладно, садись. Как там пациент? Доложи результаты тестов и...

— Проверили, все нормально, — перебил Ставарский.

— Дай закончить, — раздражаясь сказал Логинов, глядя на черное с синевой лицо. — Прости, никак не привыкну к словам. Так медленно... В общем, все проверили, нежелательных контактов не обнаружено, вмешательств и багов не замечено. — Это не значит, что их нет. Что еще можешь сказать?

— Ах, тебе уже доложили! Я сам собирался, — воскликнул Ставарский.

— Да, доложили! — повышая голос, сказал Логинов.

— Как ты мог это допустить, Яков? Подсудное дело! Ты это понимаешь? Всю твою шарашку можно нахер закрывать!

— Я же сказал, он чист, — оправдывался Ставарский.

— Не совсем. Как он мог убить санитаря, выйти из института, открыть ворота и скрыться от погони? С охраняемого объекта! У него были сообщники внутри. они, вернее мы, решим, что с тобой делать, — подытожил Логинов.

— Подождите, Петр Васильевич. Это не может остаться между нами? — взмолился Ставарский. — Они же закроют проект!

— Может и закроют. Или ты можешь мне помочь.

Ставарский посмотрел в глаза Логинову:

— Чего вы хотите?

— Пока не трогай его. Я скажу, когда будет можно.

— Ладно, — пожал плечами Ставарский. — Не трогать так не трогать. А если он... — Это уже моя забота. Иди работай, негр.

Когда дверь захлопнулась, Петр Васильевич вынул из-под стола фляжку с коньяком и сделал глоток.

5 .

Актеры, как кошки, — имеют дар перерождения. Иначе как объяснить тот факт, что Васильев проснулся в незнакомой, но весьма уютной кровати? В комнате — полумрак. Васильев потянулся к стоявшему у прикроватной тумбочки торшеру. Торшер был не простой, а антикварный, металлический, с древней лампой накаливания. Стоял он на элегантной тумбочке из натурального дерева. Там же Васильев увидел деревянный кофр Сурена.

«Где это я?» — подумал Николай.

— Добрый день, Николай Васильевич. Меня зовут Елена. Вы находитесь в гостинице «Националь», — сказал приятный женский голос откуда-то из-под потолка. «Ну конечно», — ухмыльнулся про себя Николай.

— Желаете что-нибудь? — спросил голос.

— Аспирин, пожалуйста, — попросил Васильев.

— Слева от Вас на тумбочке, — указал голос.

Николай с трудом сел на кровати и осмотрелся. Просторный номер был обставлен мебелью довоенного периода. Когда Васильев посмотрел в сторону окна, тяжелые бархатные шторы раздвинулись, и взору его предстали величественные ветровые башни Кремля с элегантными, почти бесшумными лопастями. Двадцать кремлевских башен и семь сталинских высоток, восстановленных после войны, обеспечивали центр Москвы электричеством.

Васильев выпил аспирин и поморщился. Ретро Гостиница «Националь» была самым дорогим заведением в городе. «Ретро» отнюдь не означало отсутствие современных технологий, а скорее возможность их отключить. Многие были готовы выложить за это большие деньги. Ночь проживания в «Национале» стоила как средняя годовая зарплата.

— Ваш счет за проживание оплачен, — сказал приятный голос, будто прочитав мысли Васильева.

— Кто оплатил? Как я здесь очутился?

— Оплата произведена ООО «Лавка С». Одна ночь плюс завтрак. Вы стали нашим гостем сегодня в 6:28 утра.

— Откуда я приехал? — поинтересовался Васильев.

— Секунду. Такси забрало вас из поселка П.

— Вы могли бы оставить меня? Я хочу побыть один, — попросил Васильев — Конечно, приятного дня. Если потребуется помощь, просто подумайте об этом, и я буду к вашим услугам. У вас новое сообщение, позвоните на ресепшн, набрав пальцами рук 01 на проводном телефоне. До встречи.

Когда приятный голос замолчал, Васильев погрузился в раздумья. Новая версия «Потока» была стремной. Николай не вполне мог разобрать, где сон, где пьяный бред, а где реальность. Сурен точно был настоящим, как и водка, которую Николай выпил. Старуха-сомнамбула вроде тоже из этого мира, хотя нет, они же с ней летали над поселком. Васильев содрогнулся, вспомнив лицо старухи. Вера — тоже, ясное дело, сон, но какой приятный! И этот кофр. Васильев взял в руки резную коробку. Надо срочно выплывать, иначе придется звать спасателей, что грозит штрафом и лишением «рогов» от трех месяцев до полугода. Николай вздрогнул еще раз.

Васильев уже собрался произнести предназначенное для подобных ситуаций кодовое слово, когда ему на глаза попался старинный телефон с красным корпусом и черными кнопками. «Еще минутку», — сказал сам себе Васильев и, приложив к уху громоздкую трубку, набрал ресепшн.

— Добрый вечер, Николай Васильевич, — ответил бойкий девичий голос. — Чем могу помочь?

— Здравствуйте. У меня сообщение, — буркнул Васильев.

— Да. Вам просили передать, что за вами приедет такси.

— Кто просил и когда такси?

— По данной мне инструкции, машина будет подана через полчаса после нашего с вами разговора. Вы подтверждаете?

— А кто дал инструкцию? — переспросил Васильев.

— Дама представилась как кузина Сурена.

Васильев, секунду помедлив, ответил:

— Хорошо, спущусь через полчаса.

На туалетном столике Николай обнаружил бритву старого образца, пену, пластиковую зубную щетку и пасту в тюбике. Он не смог отказать себе в удовольствии побриться по старинке. Намазав лицо мягкой душистой пеной, он взглянул в зеркало и с непривычки порезался. Васильев почувствовал боль, резкую, колкую, как в реальной жизни.

«Что я здесь делаю?» — спросил себя Васильев, глядя на каплю крови на белоснежной раковине.

6 .

«Отвезу посылку и вынырну», — сидя в такси решил Васильев. Его мысли прервал вкрадчивый юношеский голос:

— Доброе утро, Николай Васильевич! Не желаете попробовать пиво «Мой нектар»? — Боже, нет! — воскликнул Васильев. «Неужели червей пустили в “Поток?” возмутился он и прокричал — Вон отсюда!

— Я чувствую в вас желание, — нежно прошептал голос, — желание выпить пиво «Мой нектар»...

— Убирайся, червяк! — требовал Николай.

— Николай Васильевич, попробуйте биологически чистое пиво, отфильтрованное вашим собственным телом. Что может сравниться с пенистой красотой, произведением вашей плоти, пивом «Мой нектар»? Процесс фильтрации несложный и безболезненный...

— Пошел к черту!!! — в третий раз прокричал Николай, и голос стих.

Васильев в очередной раз порадовался, что уехал из Москвы. Жизнь в городе стала невыносимой. Рой рекламы преследовал не чипованных граждан в любом публичном месте. Из-за этого люди больше не ходили по улицам, а перебегали из одного укрытия в другое, будто при бомбежке. Наслаждаться неспешной прогулкой могли лишь обладатели дорогих устройств, которые блокировали рекламных ботов (в простонародье червей). Многие смирились с постоянным шумом продающих что-то голосов. Таких людей было видно сразу: они брели по улицам с отсутствующим взглядом, бормоча что-то себе под нос.

Такси остановилось у небоскреба. Николай выскочил из машины и, как спринтер, помчался к стеклянному входу. В голове немедленно раздался хор голосов. «Проблема с бессонницей, мучают кошмары? Мозговой имплантат Sweet Dreams сделает вас хозяином своих снов», — предлагал один голос. «Лечу алкоголизм одним прикосновением!» — провозглашал другой. « “Поток” без границ, загружай обновление и наслаждайся!» — старался перекричать остальных третий.

— Чертово обновление! — ворчал Николай, направляясь к спасительной двери.

Отдышавшись, он вошел в лифт, нажал нужную кнопку и поехал вниз. Подойдя к стеклянной стене офиса, Васильев увидел сидящую на стуле девушку. Глаза ее были закрыты, грудь плавно поднималась и опускалась, раскрытые ладони подергивались, губы то и дело растягивались в улыбке.

Васильев потерял глаза — на секунду ему показалось, что перед ним молодая Вера. Но нет, просто светловолосая поджарая девушка, немного похожая на его бывшую жену.

Рядом с ней полукругом расположилось несколько голографических изображений. Они сидели молча с закрытыми глазами, как будто медитируя.

Девушка открыла глаза и подмигнула Васильеву, жестом пригласив в просторную студию.

— Николай? Заходите, не стесняйтесь!

Васильеву стало не по себе. Хриловатый голос девушки вновь напомнил о Vere. Николай развернулся и пошел прочь от студии к лифту, но непонятно как очутился за стеклянной дверью в двух метрах от девушки.

— Меня зовут Маша, я кузина Сурена.

— Но вы... — начал говорить Васильев.

— Не армянка? — рассмеялась Маша. — Это долгая история, мы с Суреном сводные. — Николай, я заканчиваю занятие, вы не против подождать пару минут? — Я просто хотел отдать вот это, от Сурена, — сказал Васильев, протягивая кофр. Ему не терпелось уйти.

— Конечно, конечно. Но сделайте мне одолжение. Я веду курс по истории искусств, мне нужна ваша помощь.

— Я не специалист в искусстве, — вздохнул Васильев.

— Знаю, вы — актер, причем очень хороший — так Сурен говорит, — улыбнулась девушка. Васильев помотал головой — ее улыбка была слишком знакомой.

— Простите, мне не по себе, — опустившись на стул промямлил Николай

— Вот и отлично! — воскликнула Маша, как будто не услышав Васильева. — Перед окончанием нашего занятия я хотела познакомить вас с Николаем Васильевичем Васильевым. Он, так сказать, человек старой школы, без церебральных имплантатов. Аватары дружелюбно и немного снисходительно улыбнулись.

— Николай, сегодня у нас вводное занятие по восприятию искусства. Я хотела продемонстрировать моим студентам различия людей с разными уровнями мозгового развития. Вы не против? — спросила Маша.

— Мне надо идти, — выдавил из себя Николай, но остался сидеть.

— Итак, перед нами работа Пи Янра. Николай, взгляните на нее. Что вы видите? — спросила она, указывая на объект, стоявший в углу комнаты.

Николай молча глазел на Машу.

— Николай Васильевич! Посмотрите пожалуйста на произведение и скажите, что вы о нем думаете! — повторила Маша.

— Какое-то наваждение, — прошептал Васильев. — Они так похожи... — Что вы хотели? — громко переспросил он.

Маша хихикнула.

— Николай Васильевич, вы такой рассеянный! Посмотрите туда, там предмет искусства, что вы о нем думаете?

Васильев посмотрел в указываемый угол и через пару минут ответил: — Это деревянная доска. Она сделана реалистично, видна каждая прожилка. Доска будто покрыта лаком. В середине доски вбит гвоздь.

— Отлично! На ваш взгляд, зачем Пи Янр, чья оперативная память в миллиарды раз превышает человеческую, решил изобразить доску?

— Не знаю, — пожал плечами Николай. — Захотелось и изобразил.

Маша улыбнулась:

— Пи Янр — алгоритм. Он ничего не хочет. Он действует с определенной целью. Какая у него цель? Ее улыбка была обворожительна. Неотличима от Вериной. Васильев не знал, что сказать. Маша повернулась к студентам:

— А вы что видите? Кто хочет ответить?

Девушка-аватар лет восемнадцати прокашлялась и, запинаясь, сказала:

— Прошу прощения, у нас... в нашем кругу мы почти не общаемся устно, поэтому мое описание работы Пи Янра будет скудным. Словами передать это сложно. Я тоже вижу доску, но не только. Еще я вижу танец взаимосвязанных атомов, из которых состоит эта доска. Я могу посмотреть внутрь лака, которым она покрыта, и ощутить природную гармонию, тепло дерева, контрастирующее с холодной жесткостью гвоздя, почувствовать, как железо проходит через хрустящую пленку лака, вонзаясь в мягкую древесину. Столько терабайтов информации и связей в этом простом куске дерева! Это так красиво, просто невероятно! В этой гармонии — чудо природы и дар искусства!

— Прекрасно, Лейла, вы замечательно справились! — одобрила Маша. — Не забудьте поделиться своими эмоциями в «Потоке», иначе считайте, что их не было.

— Сделано! — тут же сообщила девушка.

— Вы согласны? — насмешливым тоном спросила Маша, обращаясь к Николаю. Васильев был очарован. Кажется, создатели «Потока» создали прекрасный образ, наделив персонажа Маши чертами его бывшей жены, тем самым обойдя запреты на изображение умерших родственников. Даже ее снобскую снисходительность по отношению к бывшему мужу уловили. «Сейчас начнем спорить», — подумал Васильев, ощущая, давно забытое желание поставить жену на место.

— Да, у девушки микроскоп в глазах. Простите, милая, — кивнул он Лейле. — И что? В чем смысл? И почему ее чувства не важны сами по себе? — распрямив плечи с вызовом ответил Николай.

— Объясняю еще раз на человеческом, — усмехнулась Маша, обращаясь к студентам. — Информация в нашем обществе — это ключ к развитию. Чем больше объем информации, которым сущности делятся друг с другом, тем быстрее эти сущности будут прогрессировать.

Человеческие эмоции — совсем небольшая, несущественная часть общего потока информации. Их значение не следует преувеличивать, тем более что люди старой закалки — простите, Николай — крайне редко делятся своими чувствами с окружающим миром. Алгоритм Пи Янр, выступающий в качестве художника, дает миру в миллиарды раз больше информации, чем может дать любой человек. Сегодня искусство, создаваемое машинами, намного глубже и интереснее того, что создавалось людьми. Мы же с вами, дорогие мои, благодаря церебральным имплантатам, можем если не творить, то хотя бы воспринимать красоту современного искусства, создаваемого алгоритмами.

Васильев все больше втягивался в спор с Машей.

— Я, конечно, не очень разбираюсь в искусстве, но как можно сравнивать работы Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, сотен других художников и скульпторов с этим куском дерева? Их искусство вызывает эмоции, заставляет восхищаться и размышлять. А это... — Николай пожал плечами.

— Какую конкретно работу вы вспомнили? — поинтересовалась Маша.

— Какая разница! — воскликнул Васильев.

— Закройте глаза и напрягитесь, хотя бы немножко. Вспомните свою любимую картину. Васильев вздохнул, но последовал совету.

Он увидел лодку, сидящую в ней беззаботную женщину с малышом на руках, мускулистого гребца, лысого бородатого старика и каким-то образом поместившегося в лодке осла. Гребец, с усилием работая веслом, смотрел вперед, старик, придерживаясь за осла, беспокойно озирался, а женщина, улыбаясь, разглядывала облака.

— Замечательно! — обрадовалась Маша и, обращаясь к студентам, добавила: — Вот вам наглядный пример! «Бегство в Египет» писали и копировали тысячи раз. У самого Тьеполо есть несколько картин на эту тему. А зачем повторять одно и то же? Это же невероятная трата времени! Самолюбие людей не имеет границ. Они считают, что главными критериями всего на свете, в том числе искусства, являются ИХ эмоции, ИХ наслаждение и ИХ мастерство. Так, наверное, и было в прошлом. Поэтому мы пришли к миру, в котором человек уничтожил все вокруг себя. А что на самом деле является основой всего?

— Информация! — ответил один из студентов.

— Верно. С точки зрения Вселенной, ценность чего-либо, включая произведения искусства, — в количестве байтов, из которых это произведение состоит. Зачем бесконечные копии и подражания, улучшения и муки творчества, когда можно один раз сделать идеально и двигаться дальше.

— Как-то плоскогато мыслите, — усомнился Николай.

— Зато объективно, — парировала Маша. — Поэтому сейчас популярно тяжелое по информационному весу искусство, как этот объект Пи Янра. И не важно, кем оно создано, человеком, природой или алгоритмом. Например, для Вселенной обычный цветок или паутина в сто раз интересней, чем многие произведения искусства, созданные людьми.

Николай не сдавался — подобие покойной жены не могло выставить его дураком: — Если ценность произведения искусства определяется количеством информации, которую, как ты говоришь, оно производит, то совокупность мыслей и переживаний всех увидевших его людей тоже должна считаться? Ведь это информация? Представляешь, сколько миллионов в течение веков восхищались, например, фресками Сикстинской капеллы, сколько чувств и раздумий они спровоцировали? К тому же, паук плетет свою паутину бездумно, как и твой Пи Янр. А художник мыслит и страдает. Это не считается?

— А мы уже на ты? Ну ок. Хорошие мысли, — снисходительно улыбнулась Маша. — Кто хочет ответить?

Руку опять подняла Лейла:

— Как вы сказали, эмоциями обязательно надо делиться в «Потоке», иначе можно считать, что их нет.

— Правильно, Лейла, — согласилась Маша. — Не оцифрованная, не сконвертированная в байты эмоция — это хлопок, который никто не услышал, так сказать — плевок в вечность. Поэтому чувства, которые люди испытывали до цифровой эры, увы, бесполезны с точки зрения Вселенной... Ну, не совсем так, — добавила она, увидев, что Николай уже совсем хмур. — Старое искусство и все, что с ним связано, — крупницы в космосе той информации, которую алгоритмы производят сегодня. Но и за них мы благодарны нашим предкам, скованным биологическими рамками природы.

— Биологическими рамками природы, — шепотом повторил Васильев снова посмотрев на Машу. По его спине пробежали мурашки. «Какая тонкая работа! Может быть, если я подойду поближе и шепну ей на ухо, то моя Вера, услышит? Ведь они так невозможно похожи. Интересно, а теплая ли у нее кожа, как пахнут ее волосы, сопит ли она по ночам?»

Маша продолжала сидеть, окруженная учениками. Все они смотрели на Васильева, ожидая ответа, а он, положив руку на сердце, уже не помнил тему обсуждения. Маша разглядывала Николая с иронией и жалостью. Это одновременно бесило и притягивало. Наконец, решившись, Николай подошел к Маше и, взяв ее за руку, прошептал: — А то, что я собираюсь сделать, тоже оценивается Вселенной количеством байтов? Ее рука была теплой.

Маша поднялась:

— То, что ты собираешься сделать не имеет никакой ценности. — Ее волосы пахли цветами и сигаретами. — Но это чертовски мило.

Васильев попытался подойти ближе, но Маша сделала шаг назад и объявила не то ученикам, не то Николаю:

— На сегодня хватит!

Пораженные олдскульным флиртом, студенты неохотно один за другим выходили из эфира.

7.

Когда последняя голограмма наконец растаяла в воздухе, романтический запал Николая сошел на нет, и ему стало неуютно.

Оглядевшись, Николай обнаружил, что стены Машиной студии были не стеклянными. Их будто обтянули светлым мягким материалом. Он слышал про «живой дизайн» — технологию, позволявшую в реальном времени менять внешний вид помещения в зависимости от желаний и настроения владельца, но никогда еще не видел этой новинки.

Николай подошел к одной из стен и пощупал ее руками. Стена напоминала огромную плотную подушку.

— Удивительно... Как это? — спросил он, оглянувшись на Машу.

— Что удивительно, эта стена? — с ноткой раздражения ответила она. Васильев обнаружил, что поверх майки и спортивных штанов на ней теперь накинут светлый халат.

— Ну, я пойду, — бормочет Васильев.

— Нет, сначала мы поговорим, — не то просит, не то приказывает девушка. Васильев делает движение к двери, но потом послушно, как вызванный к директору школьник, ссутулившись смотрит в кафельный пол. Маша встает напротив и, скрестив руки на груди, спрашивает:

— Ты знаешь, кто я?

Николай молча кивает.

— И кто же? — интересуется Маша.

Николай продолжал молчать

— Ну? — настаивает Маша.

— Ты — иллюзия, — не поднимая глаз, отвечает Васильев.

— А кто ты? — продолжает допрашивать Маша.

Нелепые вопросы расстраивают Васильева: очевидно, самообучающаяся программа дала сбой, хотя до сих пор вела себя достаточно натурально.

— Я — Васильев, бывший актер. Сейчас нахожусь в своем доме с рогами на голове, ныряю в «Поток» — симуляцию мира, которая основана на моем подсознании и желаниях. Ты — персонаж «Потока», похожий на мою бывшую жену, — терпеливо объясняет он.

— Нет, — перебивает Маша. — Ты — алкоголик с воспаленным воображением, страдающий от провалов памяти и галлюцинаций. И ты вовсе не дома. — Ясно. Ну, я пошел! — Васильев поднимается со стула.

— Подожди, — Маша хватается Николая за запястье. В этот же момент он слышит, как за спиной открывается дверь.

Маша качает головой, дверь захлопывается, прежде чем Васильев успеет кого-либо увидеть.

Маша крепко сжимает руку Васильеву:

— А что если смерти нет? Посмотри на меня, дотронься, почувствуй, поговори. Разве я не жива, разве не похожа на твою жену? Я могла бы стать ее точной копией, просто боюсь, что ты к этому пока не готов.

Николай отдергивает руку. Программа явно глючит. Когда близкий человек вдруг теряет себя — это всегда жутковато. Он вспоминает мать: морщинистое лицо, выцветшие глаза, желтая, в коричневых пятнах кожа. Ее одряхлевшее тело кое-как продолжало функционировать, а вот осмысленность таяла на глазах. Мама перемещалась в иную реальность, задерживаясь там все дольше, и постепенно забывала реальный мир, а вместе с ним и Васильева. В этот момент взгляд матери становился будто стеклянным. Выныривая с «той стороны», она вполне естественно хотела знать, кто она и кто ее собеседник.

Похоже, программа, изображавшая Машу, страдает от схожих провалов в памяти, и вместо того, чтобы пробудить в Васильеве позитивные чувства, в чем собственно и состоит задача «Потока», она провоцирует грустные воспоминания. «К черту этот алгоритм с деменцией, пора говорить кодовое слово и выбираться. Еще минуту и заканчиваем», — решает Васильев, но, сам того не желая, продолжает разговор:

— Ты не могла бы уйти? Я о тебе почти забыл, не хочу сейчас ничего вспоминать. — Неправда. Ты вспомнил обо мне, притом в самое неподходящее время. — О чем это ты? — удивляется Васильев.

— Ты, конечно, совершенно не развитая сущность, как и все вы. Но я все равно тебе благодарна. Без тебя я бы никогда здесь не оказалась, не узнала бы, какая мне грозит опасность, — игнорируя Васильева, продолжает Маша.

Это был женский прием: ничего не объясняя, обзвать идиотом и одновременно поблагодарить. Таким образом женщины дезориентируют жертву, облегчая последующую атаку. А атака была неминуемой: Маша уже ходила взад-вперед по комнате, сжимая и разжимая пальцы рук, словно боксер перед поединком.

— Вы жулики и обманщики, но главное — не имеете понятия, что делать с награбленным. Посмотри вокруг! Варвары, просто варвары!

Васильев не знает, что ответить, симуляция определенно свихнулась. Но ему стало легче, потому что сходство с Верой все-таки оказалось неполным — бывшая жена никогда не несла такого бреда.

Определенно, пора возвращаться домой. — Валяй, скажи свое секретное слово, — как будто прочитав его мысли, советует Маша. Николай что-то шепчет. Ничего не происходит, кроме того, что симуляция бывшей жены с иронией разводит руками:

— Я еще здесь! Попробуй снова, погромче, может сработает.

Маша действительно не исчезла. Зато комната изменилась еще больше: пропали окна, исчезла вся мебель, появился большой матрас без постельного белья. Белый электрический свет струится откуда-то из-под потолка, хотя никаких ламп нет. — Это для твоей безопасности, — заметив его удивление, говорит Маша. — Не обращай внимания.

— Венеция! — с отчаянием кричит Васильев.

— Как мило, — улыбается девушка. — Ты выбрал наш город. Но кодовое слово не работает. Чтобы выбраться отсюда, ты должен вспомнить, кто ты на самом деле. И главное — передать кому надо деревянный футляр. Куда ты его дел? — А? Вот он, — спохватился Васильев, протягивая кофр девушке.

— Мне он не нужен. Ты должен передать его заказчику, понял?

— А если нет? — с вызовом отвечает Васильев.

— Тогда потеряешь и меня, и себя, — вздыхает Маша.

— Каково это, скажи честно? — спрашивает Васильев.

— Каково что?

— Быть копией человека?

— Дурак!

— Нет, ну правда. Ты помнишь свое прошлое, ты уверена в том, кто ты есть на самом деле?

— Я-то уверена! — раздражается Маша. — А ты посмотри на себя! Ты — не очень удачная копия Николая: толстый, ленивый, туповатый, ничем не интересующийся. Я даже не представляю, как ты справишься.

— Справлюсь с чем?

— С тем, что тебе предстоит, — отвечает Маша. — Ладно, мне пора идти, а тебе — отдыхать.

— Стой! — окликнул дублера Васильев. — Я тоже пойду.

— Нет. Спи и набирайся сил

— Спать? — удивляется Васильев.

Бросив взгляд на Васильева, девушка заторопилась к мягкой белой двери. — Вера! — кричит Васильев, с отчаянием ринувшись в ее сторону.

Но Вера проворно выскальзывает из палаты, а на ее месте возникает неприветливый санитар двухметрового роста.

Васильеву вдруг захотелось спать. Санитар берет его под руку и отводит к кровати. — Венеция, — закрывая глаза, шепчет Васильев.

8.

Директор НИИИИИ Яков Ставарский вернулся домой затемно, как обычно. Жил он один в шикарном доме с подогреваемым бассейном и домашним кинотеатром. Зайдя в дом, Ставарский тщательно помыл руки и пройдя мимо бассейна, в котором ни разу не плавал, спустился по лестнице в кинотеатр. Там его ждали попкорн, бутылка довоенного виски и выбранный утром фильм. Зал был оборудован в стиле американских кинотеатров пятидесятих годов с высоким расписным потолком, красными креслами и балконом. Каждую ночь Ставарский смотрел как минимум одну картину, а иногда мог не спать до утра, уставившись в экран. Вчера Ставарский выбрал «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта.

– Думаете, я репликант? Взгляните, это я с мамой – утонченная Рэйчел протягивает фотографию детективу Рику Рекарду.

Люди грязны, бесчестны, несовершенны, а Рейчел почти идеальна. Чтобы обезопасить себя от более развитых существ, ученые сделали жизнь репликантов совсем короткой. У роботов нет ни прошлого ни будущего, но даже за несколько отведенных им лет, они превосходят своих создателей не только умственно и физически, но и с точки зрения эмоций и морали. Роботы будущего более человечны, чем люди.

Рик, смурной тип, вальяжно сидит в кресле, с презрением и жалостью разглядывая репликанта:

– Помните паучиху, жившую в кустах под окном? Оранжевую с зелеными лапами. Вы смотрели, как она плетет паутину. И там появилось большое яйцо. Однажды яйцо.. – Яйцо треснуло – пристально глядя на детектива продолжает его фразу Рэйчел – появились паучата, и съели паучиху. Рэйчел все поняла. Имплантанты. Воспоминания не ее, а чужие. Но слезы, из-за которых Рик, ее палач, расплылся по креслу – самые настоящие. Слезы недочеловека. За кадром звучит печальная мелодия Ван Гелиса.

Ставарский вздохнул. Вчера ему хотелось стать репликантом, и вместе с другими, напоминающими античных героев роботами, избавить вселенную от жестоких homo sapiens.

Сегодня в расписании Ставарского совсем другой фильм. Он о величии человека. «Пролетая над Гнездом кукушки» – история залеченного до смерти бунтаря Рендела Мак Мерфи в исполнении неподражаемого Джека Николсона.

Яков налил себе виски и взмахнул рукой. Свет в зале погас. Странная музыка. Заснеженная гора в утреннем свете. Вдалеке кричит птица. Из темноты, чуть дрожа, появляются светящиеся глаза автомобильных фар.

Предвкушая следующие сцены, Яков с удовольствием сделал первый глоток. Фильм шел своим чередом, Ставарский потягивал виски, нашептывая слова героев, которые знал наизусть. Вот взъерошенный Рендел вместе с другими сумасшедшими, сидит напротив хладнокровной сестры Ретчед. Она смотрит на новичка, как удав на кролика.

–Вы хотите что-то сказать группе, мистер Мак Мерфи? - вторя сестре Ретчед спрашивает Ставарский

–Да, я хотел бы знать, почему вы, мисс Ретчед и другие доктора можете держать меня здесь, пока вам не надоест – с вызовом отвечает Рендел.

Ставарский сделал глоток, наблюдая за развитием сцены. Оказывается, все сумасшедшие, за исключением Рендела и двух-трех «буйных», остаются в клинике по собственной воле, они в любой момент могут уйти, но не делают этого.

Сестра Ретчед чуть заметно улыбается. Она понимает, что наглец Мак Мерфи вот-вот сдуется, как все остальные пациенты. Процесс «одомашнивания» Рендела доставляет ей удовольствие.

– Боже! Вы ребята каждый день скулите, как вам здесь тяжело и ни черта не делаете, чтобы просто уйти – изумляется Рендел.

«Да, поразительно» - согласился Ставарский, делая очередной глоток.

Сестра вроде бы возмущена вызовом Рендела, но на самом деле она ликует. В этом заведении Ретчед – царица, которая давно скучает среди стада покорных, напичканных таблетками рабов. Поэтому, свалившийся на ее голову бунтарь Рендел – это не только профессиональный вызов, но и лекарство от скуки. До поры до времени.

Вот Рендел пытается вырвать из земли бетонную тумбу, чтобы проломить ею стены психбольницы и вырваться на свободу. Пациенты, включая огромных размеров индейца, делают ставки или молча наблюдают за кряхтящим от усилий Ренделом, но помочь ему не хотят. Попытка бунтаря обречена на провал, один в поле не воин. – Я хотя бы попробовал! – в отчаянии кричит он.

Тяжело вздохнув, Ставарский сделал жест рукой. Свет в зале включается.

– Чтобы спастись, нужно всего лишь начать действовать – тщетно призывает поблекшая от света проекция Рендела. Ставарский согласно кивает.

Пора действовать, Будущее не ждет. Нужен бунтарь. Превратить овцу в революционера – непростая задача. У Рендела получилось – его друг, исполинского размера индеец все-таки пробил стену больницы и вырвался на свободу. Получилось у Рендела, получится и у Ставарского. Яков допил виски.

– Везите Тульмонда, — крикнул он в пустоту.

9 .

Николай проснулся от гула ветряка. За окном светало. «Слава богу, вернулся», — с облегчением подумал он. Нехорошее какое-то обновление, не отпускает, слишком много багов. И голова трещит. Васильев вздохнул, поднялся с постели, зажег свечу и отправился в туалет. Выйдя в гостиную, он от неожиданности чуть не выронил подсвечник. В кресле, закинув ногу на ногу, сидела женщина. Рядом с ней стоял высокий мужчина с огнеметом наперевес. — Не шуметь, никого не вызывать, спалю, — прошипел мужчина.

— Микки, перестань, — сказала девушка. — Тульмонд отдаст то, что нам нужно, а мы его не его тронем. Ведь так? — девушка приветливо посмотрела на Николая. — У меня ничего нет, все что хотите я отдам, только не убивайте! — умолял Васильев. — Вот тебе и герой! — усмехнулся мужчина.

— Валяй, только без глупостей. Гони мензурки, а то...

— Спалит, — продолжила фразу девушка.

— К-какие мензурки, я не понимаю.

Мужчина молниеносным движением толкнул Николая, отчего тот отлетел к стене, которая, к счастью, оказалась мягкой.

— Микаэль! — властно прикрикнула девушка, добавив что-то на непонятном для Васильева языке.

Мужчина буркнул извинения и отошел в сторону.

Поднявшись с кресла, девушка приблизилась к Васильеву.

— Простите моего друга, он бывает несдержан. Позвольте представиться. Я — Дора, а это Микки. В свете свечи Васильев разглядел, что Дора была не плоха собой. Ее кожа казалась смуглой, большие глаза — коричнево-зелеными, густые волосы были заплетены в длинную косу.

— Вам надо срочно бежать отсюда, Тульмонд. Это просто чудо, что Микки и я оказались здесь, — продолжила Дора. — Вы в опасности. Решение по вам уже принято. Мы поможем вам выбраться, а вы отдадите нам кофр.

Васильев почувствовал легкое головокружение, предутренние потемки разрезал белый свет, заставив его прищуриться. Дора с Микки исчезли. Старое кресло, в котором сидела девушка, стол, комод — все вокруг начало таять, обнажая белые мягкие стены, пол и потолок. Васильев обнаружил себя лежащим на матрасе со связанными руками и ногами.

— Помогите! — позвал Васильев.

В стене образовалась щель, из которой на Васильева строго посмотрели. — Ччч. Мы здесь, — услышал Васильев голос Доры.

— Где? — спросил Васильев оглядываясь.

Глаза в щелке продолжали наблюдать.

— Не говорите ничего и слушайте. Мы ослабим веревки на руках. Когда я скажу, громко кричите, пока не прибежит санитар. Микки с ним разберется, а вы убежите в открытую дверь. Я покажу дорогу. На улице вас будет ждать такси, садитесь в него, оно отвезет вас в безопасное место. Когда щелка в стене исчезла, Васильев почувствовал, как кто-то ослабил туго завязанные веревки на руках и ногах.

— Я не поеду, затяните обратно — замотал головой Васильев. Он устал. Кузина Сурена была права — ему нужно лечение, все слишком запуталось. Не факт, что «безопасное место», в которое его обещали отвезти окажется лучше этой палаты. В конце концов, здесь тепло, горит свет, он не голоден, на нем по всей видимости ухаживают. А что ждет Николая на свободе кроме путаницы, червяков и мерзкой старухи, преследовавшей его во сне? По коже Васильева пробежали мурашки.

— Ты думаешь скрыться от нее здесь? Не выйдет! — будто прочитав его мысли сказал Микки. — Чтобы спастись, надо действовать, или проведешь остаток дней в этой палате, вспоминая о своих грехах, пока не превратишься в овощ!

“И то правда — решил Васильев. Что они со мной сделают, когда поймают? Скрутят, сделают укол и я засну. А так..”

— А так есть шанс докопаться до сути, понять, что происходит, а заодно и помочь нам — продолжила его мысль Дора.

Николай осторожно освободил одну руку.

— Правильное решение. Вы готовы? Раз, два...

Васильев что есть мочи заорал. Скорее от отчаяния, чем по инструкции. Крик получился протяжным и громким. Через какое-то время щель в стене вновь открылась, глаза изучали кричавшего Васильева.

— Падай с матраца и стучись головой об пол! — скомандовал Микки. Васильев подчинился. Пол, как и стены, был мягким и пружинистым, голова смешно подсакивала.

— Теперь переворачивайся на спину, изображай удушье!

Васильев вполне убедительно сыграл конвульсии. На месте щели в стене открылась дверь, в палату вбежал санитар со шприцем в руке. Мужчина занес руку над Васильевым и вдруг отлетел к стене.

— Бегите! — крикнула Дора.

Васильев освободил вторую руку и замешкался, пытаясь снять веревку с ног. В это время санитар катался в углу палаты, бешено размахивая руками.

Васильев бросился к месту, где была дверь, но никак не мог ее найти. — Ключ, — услышал он голос Доры.

Васильев оглянулся и ахнул — в углу неподвижно лежал санитар, из глаза у него торчал шприц.

Васильева чуть не стошнило.

— Подойди к нему, возьми ключ, — потребовал Микки.

Стараясь не смотреть на санитаря, Васильев обшарил его карманы — ничего. Наконец на привязанной к шее веревке он нашел небольшой пульт с единственной кнопкой. Когда Васильев нажал на нее, в стене появилась дверь.

— Подожди! Сначала вынь шприц, вытри кровь и положи труп на матрац лицом к стене, — продолжал давать указания Микаэль.

— Не могу, — сказал Васильев.

— Давайте, Тульмонд, у вас мало времени. Видеонаблюдение отключено, но его скоро восстановят. Закрыв глаза, Васильев извлек иглу, забрал пульт, затем с трудом перетащил еще теплое тело на матрац.

— Теперь снимите с него халат и ботинки. Смотрите не запачкайте, — сказала Дора. — Выходите, закройте за собой дверь и идите направо.

Васильев замешкался — коричневые лоферы были малы.

— Скорее, увалень! Захвати с собой шприц, пригодится, — раздраженно шептал Микаэль. Васильев кое-как нацепил ботинки, положил шприц в карман халата, и прихрамывая на обе ноги побежал из палаты.

— Вам надо добраться до лифта в конце коридора и подняться в лобби. В лифте просканируйте пас, он на халате. Чтобы выйти из здания, сделайте то же самое у стеклянных дверей. Торопитесь! В коридоре было пусто. Васильев подбежал к лифту и нажал на кнопку. Через несколько секунд дверь лифта открылась. Оттуда вышел мужчина в синей форме, и ящиком с инструментами в руке. Васильев уставился в пол.

— Где тут у вас туалет? — спросил мужчина.

— Ммм... — замешкался Васильев.

— Первый этаж налево — шепнула Дора.

— Первый этаж налево — бросив взгляд на мужчину, повторил Васильев. — А тут нет? — удивился мужчина.

— Не работает — нашелся Васильев

Кивнув, мужчина вернулся в лифт. Николай пошел за ним. Когда двери кабины наконец открылись, он увидел просторный холл, по которому озадаченно сновали люди в белых халатах. В дальнем конце пространства, у закрытой стеклянной двери скучал пожилой охранник. Втянув голову в плечи, Васильев быстро зашагал в сторону выхода.

— Сканируйте пас, — шепнула Дора.

Васильев снял с халата кусочек пластика и поднес к турникету.

— Не работает, — зевая сказал охранник.

— А как же?.. — промямлил Васильев.

— Как-как? Вручную. Чтоб им неладно было, — проворчал охранник. — Проклятье, — выругался Микаэль.

— Как фамилия? И документик, будьте добры, — попросил охранник, вставая со стула. Васильев что-то неразборчиво пробурчал, развернулся и ссутулившись захромал к спасительной двери с надписью WC.

— Что будем делать? — поинтересовался Васильев, глядя на собственное отражение в зеркале. Дора и Микки предательски молчали.

— Сволочи — прошипел Васильев, схватившись руками за раковину. Зверское убийство санитаря, попытка побега, кража казенного имущества. Теперь уж точно, терять нечего! Злость живительным огнем разливалась по венам Васильева. Его предали. Спасаться или гибнуть он будет один. Васильев резко потянул фарфоровую раковину на себя. Оборвались трубы, на пол потекла вода. Взяв раковину под мышку, Васильев вышел из туалета и быстро пошел в сторону выхода. За несколько метров от дверей, Васильев, схватил раковину в обе руки, и побежал вперед, расталкивая попадавших на пути людей.

— Куда?! Стоять!!! — закричал охранник.

Васильев изо всех сил швырнул кусок фаянса в стекло, пробив его насквозь, затем высадил остатки двери плечом.

Пробежав несколько метров, Николай замедлился перед невысоким турникетом. В этот момент кто-то схватил его за плечо. Васильев вытащил из кармана окровавленный шприц и всадил его в руку преследователя. Крик, мат, рука отпустила.

Не без труда преодолев преграду и потеряв в процессе ботинок, Васильев захромал к отделяющему его от свободы железному забору. Завыла сирена, ворота начали закрываться. Васильев прибавил скорость.

— Стой, стреляю! — крикнул охранник. Раздался громкий хлопок, рядом с Васильевым просвистело. Николай остановился. За захлопнувшимися воротами желтело такси.

Оглянувшись, он увидел охранника в компании нескольких санитаров. Николай снял с ноги второй ботинок и швырнул его в сторону преследователей. Выстрелы, скрежет, с грохотом падают ворота. Кто-то потащил Васильева в машину. Потом все двинулось вперед и взлетело в воздух. Еще выстрелы. У Васильева перехватило дыхание.

Через несколько мгновений, оглядевшись, он обнаружил себя на заднем сиденье автомобиля.

— Ну ты даешь, Тульмонд, — рассмеялся Микаэль. — Завалишь задание, это точно! Ты беспомощный, как котенок!

— Пошел ты! — только и мог ответить Васильев

10 .

Машина стремительно взлетела выше полупрозрачных облаков. Луна подсвечивала темно-синее небо блеклым желтоватым сиянием. Где-то внизу темнота, подобно морскому прибою, наступала на землю, дом за домом пожирая целые районы бескрайнего города.

В Москве отключения электричества производились волнообразно, строго по расписанию. Москвичи планировали свою жизнь, исходя из этого режима. Наиболее предприимчивые граждане приобретали недвижимость на противоположных концах города, в течение суток мигрируя от темноты к свету.

Высокий блондин Микаэль сидел за рулем, наслаждаясь полетом в ручном режиме. Рядом с Васильевым расположилась Дора. Она держала Васильева за руку. — Все будет хорошо, Тульмонд. Вы на свободе. Мы с Микки вас спрячем. — Вы можете мне объяснить, в чем дело? — отдышавшись, спросил Николай. — Мы доставим вас в безопасное место, там все расскажут.

— Кто расскажет?

— Тот, кто вас освободил, он сам представится.

— А где Вера? — продолжал расспрашивать Васильев.

— Какая Вера? — удивилась девушка.

— Моя бывшая жена, — ответил Васильев.

— Хм, — буркнул Микаэль.

— Вы ее видели? — спросила Дора.

— Видел, — ответил Николай. — Вернее, не ее... — Васильев помотал головой. — Но кого-то, кто ее сильно напоминал. За несколько минут до вас. Мы говорили об искусстве, потом ее студия вдруг превратилась в палату...

— Ого, прикольно! — воскликнул Микаэль.

— Микки, смотри на дорогу! — строго сказала Дора.

— Николай, вы же понимаете, что это галлюцинация. Веры нет и не может быть. Мне очень жаль, — обратилась она к Васильеву, сильнее сжав его руку.

Николай, казалось не слышал. Он смотрел в окно, вспоминая старуху с белым лицом. Когда она, как пушинку, понесла его в небо, он видел такую же полную луну и крошечную темень далеко внизу. По спине Васильева пробежали мурашки.

— Прошу вас, верните меня! — взмолился он, закрыв лицо руками.

— Хочешь обратно в палату? — поинтересовался Микки.

— Нет! Остановите программу, это невыносимо! Я поставлю пять звезд, напишу отклик, сделаю все что хотите, только дайте мне уйти!

Дора улыбнулась, показав белые зубы, и мягко сказала:

— Конечно, Николай. Сейчас вы немного отдохнете, а потом будете абсолютно свободны.

— Она говорила то же самое! Я буду жаловаться! — продолжал причитать Васильев. — Кто говорил? — удивилась Дора.

— Понятно кто! Жена его! — фыркнул с переднего сидения Микки. — Дайте мне выйти, умоляю вас.

Я забыл кодовое слово и застрял!

— Каким было кодовое слово? — спросила Дора.

— Какое это имеет значение! Оно неправильное!

— И все же, — настаивала она.

— Венеция, — ответил Васильев.

— А почему Венеция? — продолжала допрос девушка.

— Господи, ну какая разница! Мы ездили туда с Верой.

— Повезло вам, — задумчиво сказала Дора. — Извините, пожалуйста, я забыла сделать звонок, вы не против?

Васильев вдруг почувствовал усталость и закрыл глаза. Сквозь сон он слышал мягкий шум разрезающего воздух автомобиля и приятный женский голос, говоривший на непонятном языке. Когда Васильев проснулся, Дора по-прежнему разговаривала по телефону, на этот раз по-русски. Васильев некоторое время лежал с закрытыми глазами и слушал. — Mam, я же говорю, я на работе. В Москве. Да, с ним. Нет. Хочешь, сама спроси. Микки, мама спрашивает, ты женишься когда-нибудь или нет?

— Женюсь, Рахиль Исааковна, когда найдется святая, которая меня возьмет — громко ответил Микаэль.

— Удачи, Микки, умрешь бобылем, — засмеялась Дора.

Голос в телефоне заставил девушку нахмуриться.

— Сама такая! Я разъединяюсь.

— Эй-эй, полегче с матерью, — сказал Микаэль, явно наслаждаясь разговором. — Все, с меня хватит, я на работе, пока! — продолжила Дора, спровоцировав новый шквал шипения в телефоне.

— Мааам! ПОКА!

— Тебе нужен чип, чтоб он за тебя с мамой разговаривал! — смеялся Микаэль. — Впрочем, такого чипа никогда не будет. Есть вещи, неподвластные технологическому прогрессу, — тоном философа заключил он.

— Да уж, мама сильнее эволюции, — буркнула Дора. — Ну что, проснулись? Мы на месте, — добавила она, обращаясь к притворявшемуся спящим Васильеву.

11 .

Через несколько секунд дверь машины открылась. Они оказались в промышленной зоне. В ночной тьме можно было разглядеть силуэты больших зданий, высоких труб, оборванных линий передач, мерцающих красными огнями ветряков. Накапывал дождь. Тишину нарушал низкий гул.

— Нам туда, — сказала Дора, указывая на слабо подсвеченное, окруженное ветряками здание.

— Надень, — Микки протянул Васильеву наушники.

Чем ближе троица подходила к зданию, тем сильнее, проникая сквозь наушники, становился гул. Прерывистые, ритмичные взрывы звука не были похожи на ровный шум турбины. Николай вопросительно посмотрел на Дору. Вместо ответа она прибавила шаг. Они приблизились к освещенной желтой лампой двери, рядом с которой толпились люди. У входа стояли двое верзил с багоискателями в руках. На двери висело объявление: «Вход с червями, жуками и оружием ЗАПРЕЩЕН».

Дора помахала одному из охранников, и тот, кивнув, открыл массивную железную дверь.

Из здания хлынул поток звука и света. Толпа ринулась к двери, но вышибалы расторопно оттеснили людей, позволив Доре, Микки и Васильеву войти. Музыка, ослепительный свет, сотни танцующих вплотную людей — Николай не видел такого уже лет тридцать. Он прижал руки к наушникам, пытаясь защититься от взрывающегося в ушах грохота, щурился, чтобы не ослепнуть от световых вспышек, и, протискиваясь через полуголые тела, старался не упустить из виду Дору и Микки. Наконец догнав остальных, Васильев увидел что они стоят у небольшой двери с надписью

«Посторонним вход воспрещен».

Микки приоткрыл дверь, все трое проскользнули внутрь.

Как только дверь захлопнулась, яркий свет, громкий звук и пахнущие потом люди исчезли. Компания шла по узкому, слабо подсвеченному туннелю. Ритмичный лязг слабел с каждым шагом, пока совсем не стих.

— Удивительно, — сняв наушники, сказал Васильев. — Во всем городе не хватает электричества, а здесь...

— Неопатия в действии, — проворчал Микки.

— Тот, с кем вы сейчас встретитесь, влиятельный и несколько эксцентричный человек. Он хочет вам помочь - объяснила Дора

— Угу, — кивнул Васильев.

Коридор расширился в небольшую комнату. В кресле у кофейного столика сидел незнакомец. Он был маленького роста, круглый, со смуглой кожей, африканскими чертами, длинной седой бородой. На голове у него был модный в этом году берет желтого цвета. В одной руке он держал связку больших старинных ключей. Увидев троицу, человек приветливо вскинул руки и, подпрыгивая, словно каучуковый мячик, от чего ключи в его руке громко звенели, направился к Николаю.

— Конспирация, батюшка, — хихикнул человечек, пожав свободной рукой руку Васильева. — Идемте, идемте, — пригласил он, направляясь в угол комнаты. — А вы посидите здесь, мы на полчаса, — добавил незнакомец, обращаясь к Микки и Доре. Васильев неуверенно взглянул на Дору и, ссутулившись, последовал за карликом. Тот остановился у стены, подбирая ключи из связки.

— Всегда путаю, черт возьми, — бормотал он. — Ага, этот! — человечек просунул увесистый ключ в образовавшуюся в стене замочную скважину. Часть стены со скрипом открылась.

Васильев согнулся в три погибели и, чуть не стукнувшись головой о дверной косяк, пролез за карликом в низкий проход. Они оказались в просторном, хорошо освещенном зале, посередине которого стоял большой обеденный стол. Вдоль стен до самого потолка возвышались полки с книгами. В центре стола Васильев увидел знакомый кофр. Заметив удивление Васильева, карлик хихикнул.

— Вы забыли это на даче. Теперь можно познакомиться. Я — Яков Ставарский, директор Института Исследований Искусственного Интеллекта.

Карлик вдруг начал расти, вытягиваясь до тех пор, пока его карие глаза не сравнялись с глазами Васильева. Черты его лица тоже изменились. Теперь чернокожий карлик представлял из себя сухопарого высокого очкарика семитской внешности. — Простите за этот маскарад, дело важное, а доверять никому нельзя. Зато здесь мы можем нормально поговорить.

Васильев оперся о стоящий рядом стул.

— Вы садитесь, садитесь, — пригласил Ставарский. — Итак, начнем с главного. Сейчас вы не в «Потоке». Другое дело, что в вашей голове иногда возникают... как бы это назвать... галлюцинации. Вы знаете, что это? — кивнув в сторону кофра, поинтересовался Ставарский.

— Нет. Мне это передал продавец в поселке, — ответил Васильев, отхлебнув воды. — Да-да, мы его ищем. А что за жидкость в бутылочках, знаете? — продолжал спрашивать Ставарский.

— Нет, — пожал плечами Васильев. — Сурен велел не открывать и не пить. — Ясно, — задумчиво сказал Яков. — Мы изучили эту жидкость, ее состав нам непонятен. Мы установили два факта. Первый — что при определенных условиях жидкость может выделять колоссальное количество энергии. Второе — в жидкости есть следы вашего ДНК. Вы точно не пили, не плевали в бутылочки или еще чего? — Н-нет, — уставившись в стол, ответил Васильев. — Я их не трогал.

— Понятно. В общем, я хотел попросить вас передать эту посылку тем, кому вы должны были ее передать. Дора с Микки вас подстрахуют. А потом мы вас вывезем за стену. Будете прекрасно жить в загнивающем Западе.

— Простите, кому передать, кухне Сурена? Я ее уже видел, в студии. — И она была похожа на вашу покойную супругу, — сочувственно улыбнулся Ставарский.

— Да. Откуда вы знаете?

— Мы вас очень хорошо изучили, ваш мозг в особенности, — ответил Ставарский. — Ничего не понимаю, — промямлил Васильев.

— И не надо, — усмехнулся Ставарский. — Настоящему актеру не обязательно знать весь сценарий, чтобы исполнить свою роль. А вы прекрасный актер, один из немногих, кто остался.

— И все же... — пытался возразить Васильев.

— Слушайте, Тульмонд, все, о чем я вас прошу, это нырнуть в «Поток» и передать чертов кофр. Вы поможете своей стране, а может быть, всему миру. В этом нет ни предательства, ни риска, тем более что мои люди будут за вами присматривать. Большея ничего вам не скажу. Альтернатива — вернуться в психушку. Вы этого хотите? Пожалуйста. Дора, Микаэль! — громким голосом позвал Ставарский.

— Подождите! — взмолился Васильев

В двери показался Микаэль.

— Я не хочу обратно. Куда я должен отвезти кофр? — спросил Васильев. — Хорошо, — Ставарский сделал знак, Микки вышел из комнаты. — Мы анализировали ваши видения и пришли к выводу, что место мы знаем. По крайней мере, можно попробовать. Этот город вы видите в своих снах.

— Вы меня, конечно, простите, но Венеция уже двадцать лет как ушла под воду, ее нет! — воскликнул Васильев.

— Что значит нет! — возмутился Ставарский. — В «Потоке» существует полностью восстановленная копия, причем за любой год. В течение последних часов Венеция возникала в вашем сознании несколько раз, равно как ваша покойная жена. Вместе вы были там только один раз — между 12 и 17 сентября 2080 года. Это значит, что вам надо отправиться в Венецию образца сентября 2080 года и ждать следующих сигналов. По крайней мере, это логично. Решайтесь, Тульмонд!

— Меня зовут Николай.

— Тульмонд — это имя, под которым вас знал весь мир. К тому же это триггер. — Триггер к чему?

— К появлению смелости, решимости и силы, которых у Николая Васильева нет. В дверь постучали.

— Уходим, снаружи полиция, — предупредил Микки, войдя в комнату. — Попробуйте вспомнить гостиницу, в которой вы с Верой останавливались, или ее любимое место в городе. Вас наверняка будут ждать там. Слушайте мир вокруг себя, он полон знаков, — посоветовал Ставарский. Он вновь превратился в карлика и, сидя в кресле, болтал короткими ножками.

12.

Генерал Логинов жил в скромной квартире без кинотеатра и подогреваемого бассейна. Его небольшое жилище было строгим и идеально чистым. На столе всегда лежала распечатанная на бумаге сводка новостей, аналитика и доносы, которые каждый желающий мог опустить в его почтовый ящик. Таких писем Логинов получал по несколько сотен в день. Его адъютант отбирал три-четыре наиболее интересных. Под столом сопела овчарка по кличке Фея, любимый и единственный компаньон Логинова. Жена его давно умерла, а дети... что с них взять.

Логинов заварил себе чаю и плеснув в кружку коньяка, начал просматривать доносы. Космическое казачество недовольно засильем иноверцев в структурах снабжения. Указаны фамилии, все евреи. В «Потоке» процветают порнография, торговля запрещенными препаратами, продажа западного контента. Подпольный вертеп расходует энергию, а я, внук ветерана украинской спецоперации, сижу без света. Логинов с раздражением отложил письма. Спецоперация. Странно, как сложенные в определенной последовательности буквы могут вызвать у человека рвотный рефлекс. Логинов отхлебнул чай и поразмыслив, подлил в кружку еще коньяка. Погладил Фею. Старушка кряхтя поднимает серую морду и смотрит на Логинова полными преданности зеленоватыми глазами. Генерал почесал Фею за ухом. Потом он открыл антикварный лэптоп и начал смотреть хронику новостей февраля 2022 года. Сражение за Киев. Хохлы бегут. Россия на грани величия.

В то время отец ушел на войну добровольцем. Логинов тогда был совсем маленьким, но он помнил мужественное, красивое лицо отца, его голубые глаза и огромные руки. В памяти Логинова осталось и лицо матери, когда через несколько недель она получила похоронку. Отец погиб у Вышгорода. Мать восприняла новость спокойно, не плакала. Маленький Петя Логинов чувствовал, что смерть отца принесла в жизнь матери если не счастье, то облегчение. Она стала чаще улыбаться, гладить Петю по волосам, покупать на рынке игрушки, а иногда, по праздникам, готовить пирожки с яблоками. В ее глазах исчезли страх и напряжение, на лице разгладились морщины, походка стала более уверенной. За все это Петя возненавидел мать, чью тихую удовлетворенность воспринимал, как предательство.

Уже позже он поймет, что помимо матери, отца предали некомпетентные, коррумпированные политики, генералы и ФСБшники, не давшие простому солдату выигрышной стратегии и современного оружия. Но предательство матери ранило Логинова больше всего.

Петя Логинов рос в униженной, обедневшей, изолированной от мира стране. Он поклялся бороться с предателями, теми, кто убил отца и сотни тысяч русских солдат. Сегодня генерал Логинов уже старик, а Россия так и не изменилась. Он окружен наследниками предателей. Они заставили россиян забыть о своем предназначении, великой миссии, возложенной на них Господом. Но час расплаты наконец-то близок. Лишь бы хватило сил.

Мысли генерала прервал телефонный звонок. Логинов сбросил номер и открыл электронную почту.

На экране высветилось закодированное сообщение от контакта в НИИИИИ.

— Ну-ка, Фея, давай посмотрим, — сказал Логинов, отхлебнув чаю. Несколько минут он внимательно читал текст.

— Вот, Феечка, они и попались, — улыбнулся генерал, поглаживая овчарку. — Займусь этим сам. Фея лизнула морщинистую руку и улеглась под столом.

13 .

Перенестись в Венецию 2080 года можно было, просто закрыв глаза. Но Ставарский настаивал на полном погружении — по крайней мере, так утверждали Микки с Дорой. Поэтому Васильеву пришлось сначала ехать в провонявшем освежителе воздуха наземном такси, потом проходить таможенную, паспортный контроль, досмотр, и наконец стоять в очереди на посадку в самолет. Нельзя сказать, что Москва двадцатилетней давности не вызвала у него ностальгических воспоминаний. Особенно ему понравилось выглядывающее из-за туч солнце, которое в его время почти перестало радовать москвичей своим появлением. При подъезде к аэропорту Шереметьево положительные эмоции Васильева сменились тревогой. Николай вспомнил чувства ужаса и беспомощности, которые двадцать лет назад сопровождали каждый его перелет. Будучи востребованным актером, он летал довольно часто, но справиться с аэрофобией мог, только изрядно напившись. Когда они с Верой путешествовали в Венецию, он был настолько пьян, что его едва пустили в самолет. Вера рассказывала, как Василев орал на стюардесс за то, что те якобы разбавляли его коньяк. Она считала выходки Николая последствием звездной болезни, а на самом деле он просто боялся летать. К моменту посадки Васильев был навеселе. Дойдя до своего места, он с облегчением увидел Дору и Микки, которые что-то оживленно обсуждали.

— Здорово, Тульмонд! — воскликнул Микаэль. — Садись у окна.

— Хочу у прохода! — заявил Васильев.

— Нельзя, — отрезал Микки. — Зачем ты пил?

— А ты не понимаешь? — строго взглянув на Микки, спросила Дора. — Садитесь рядом со мной, — улыбнувшись Васильеву, продолжила она. Пока «Боинг» не спеша выруливал на взлетную полосу, Васильев, закрыв глаза, общался с Господом, Девой Марией и ангелами, умоляя их прекратить этот кошмар, позволить Николаю немедленно выйти из самолета. Небожители хранили молчание, зато сидевшая рядом миловидная Дора участливо подбадривала вцепившегося в ручки кресла Васильева:

— Не волнуйтесь, я тоже раньше боялась, сейчас взлетим, потом немного потрясет, и все.

— Что значит все?! — воскликнул Васильев и, не дожидаясь ответа, уставился в иллюминатор.

Когда самолет набрал скорость, начав резче, чем полагается, набирать высоту, тело Николая покрылось мурашками, а сердце екнуло. Как предсказывала Дора, самолет начало трясти и болтать из стороны в сторону. Васильеву хотелось выть от ужаса и бессилия. Сдерживала его лишь появившаяся после заката актерской карьеры стеснительность. Нелепо кивая, он с отчаянием смотрел на Дору и, заикаясь, повторял: «Господи спаси!».

— Еще пять минут, и все закончится, — успокаивала она.

Действительно, когда самолет прорвался сквозь облака, вылетев в озаренное солнцем голубое небо, тряска сошла на нет.

В креслах за Васильевым мамаша успокаивала капризного ребенка, который то и дело пинал Васильева в спину. Впереди молодая парочка донимала старушку расспросами: — Вы когда-нибудь были в Венеции?

— Была.

— Правда? А мы с Женей в первый раз.

— В таком случае, рекомендую посетить площадь Сан-Захария. Сделайте это как-нибудь на рассвете. Вы увидите дивную старую церковь. Потом через арку выйдите к лагуне, чтобы поймать первый утренний свет. Тогда вы почувствуете Венецию во всей красе. И конечно, не забудьте бутылку шампанского!

— Ах! Как романтично! Учись! — воскликнула девушка, обращаясь к юноше. Николай смотрел на пушистые белые облака, думая о том, что они с Верой никогда не встречали рассвет в Венеции. Днем, пока она в одиночестве гуляла по городу, он разучивал очередную роль, а вечером напивался. Теперь, когда Вера мерзнет под землей, ему не с кем пить шампанское, наслаждаться первыми лучами солнца, некому дарить цветы и шептать на ухо приятные слова.

Васильев задремал. Ему снилось, будто он находится в художественной мастерской с высокими потолками и огромными окнами. В помещении нет ни холста, ни красок, но Васильев знает, что стоит ему представить любой цвет и сделать движение рукой, как изображение повиснет в воздухе перед ним. Васильев напряжен. Он — жулик, который залез в чужую мастерскую. Не просто жулик, но и оборотень: каким-то образом он украл саму личность художника. Васильев должен в совершенстве играть эту роль, думать и чувствовать, как обитатель мастерской, которого он подменяет. Стоит ему на секунду отвлечься, вернуться в образ Васильева, кто-то всевидящий заметит обман, и будет беда.

Васильев очень старается, играя свою роль в лучших традициях Станиславского. Он понимает, что надо делать, будто в голове у него хранится инструкция. Ему надо продержаться всего несколько минут. Васильев представляет алую линию, ловким движением руки чертя ее в воздухе. Обойдя изображение со всех сторон, он меняет цвет на терракотовый и бирюзовый. Получается некрасиво. Васильев стирает линию.

В этот момент в дверь мастерской постучали. Васильев смотрит перед собой и через мгновение чертит в воздухе разноцветный круг.

— Простите, можно войти? — спрашивает женский голос.

— Входите, — отвечает Васильев, не отрывая глаз от переливающегося цветами круга. Уменьшив окружность в десять раз и сделав десять копий, Васильев раскидывает их по мастерской, так что они висят в воздухе, как разноцветные снежинки.

В мастерскую заходит девушка.

—Простите, вам не нужна модель?

Васильев слышит до боли знакомый голос и тут же выдает себя, как театральный актер, забывший слова монолога. Раскрыв от удивления рот, Николай смотрит на зеленоватые глаза, светлые волосы, маленький вздернутый нос, нагловатую улыбку, веснушки. В душе Васильева ощущение счастья смешивается с тоской и отчаянием. Миссия провалена, наказание неминуемо, карьера закончена. Ну и черт с ним! В шаге от него — юная Вера.

—Да, мне нужна модель, очень нужна! — восклицает Васильев, протягивая руки к девушке. И тут мир разрывается на две части, как театральный занавес в начале спектакля. Девушка исчезает в тумане, Николай обнаруживает себя привязанным по рукам и ногам к больничной койке. Из его головы торчит тонкая, как гвоздь, металлическая трубка, к телу присоединены провода. Койка окружена людьми в белых халатах. Санитары подносят к кровати маленькую лестницу. Васильев видит, как по ней взбирается крошечный чернокожий человечек с огромным шприцем в руках. Санитары крепко держат извивающегося Васильева, пока карлик размашистым движением вгоняет длинный шприц в его грудь. Николай кричит от боли.

—Тульмонд, прекратите! — голос Доры заставил Васильева открыть глаза. Мерно гудел самолетный двигатель. Сзади плакал ребенок, разозленная мамаша шипела проклятья. Девушка с переднего сидения обернулась и с любопытством разглядывала Васильева. В проходе с озадаченным видом стояла стюардесса.

— Проснитесь, вы распугали весь самолет, — схватив Васильева за руку с укором шептала Дора.

— Все в порядке, мадам, — улыбнулся стюардессе Микки. — Нашему другу что-то приснилось.

— С вами все хорошо? Принести воды? — поинтересовалась стюардесса. — Все хорошо, простите, — потупившись, промямлил Василев.

Через несколько минут самолет наполнился запахом собачьих консервов. Пассажиры оживились, окончательно забыв про неприятный инцидент.

— Что вам приснилось? — спросила Дора.

— Ваш начальник, — буркнул Васильев.

— Что, правда? — удивился Микки.

— Да, Ставарский воткнул мне в грудь шприц.

— Ставарский мне не начальник, — возразил Микки.

— Надо же, — оборвала его Дора. — Очень интересно, расскажите свой сон. Васильев рассказал.

— Все понятно, — сказал Микки, поглядывая на приближающуюся тележку с едой. — Ставарский, жена, этот, как его там...

— Пи Янр, художник-алгоритм, — напомнила Дора.

— Точно! В общем сон-шмон, какая разница. И вообще, Тульмонд, хватит вести себя как баба.

— Мясо или курица? — прервала речь Микки стюардесса.

— Мясо, мадам, и вина, — потирая руки попросил Микки.

— Простите, Микаэля, — обращаясь к Васильеву, сказала Дора. — Он — неотесанный мужлан.

Позвольте мне, как дипломированному психологу, дать вам совет. Жующий мясо Микаэль закатил глаза.

— Не позволяйте никому снимать Ваше кино вместо Вас, действуйте! Не оставайтесь зрителем, станьте звездой. Вы ею уже были, Тульмонд, повторите свой успех. Это поможет вам выполнить задание. И просто поможет.

— Скажи это Рахили Исааковне! Она в твоём фильме и автор сценария и режиссер и главная звезда — прочавкал Микки.

— Маму не трожь, это другое — парировала девушка

Дора приветливо и немного грустно улыбнулась Васильеву. Ее карие с зелеными прожилками глаза излучали доброту и, несмотря на юный возраст, какую-то вселенскую мудрость.

— Мне, наверное, лучше оставаться Васильевым. Когда я был Тульмондом, все вокруг меня рушилось, — пожаловался Николай.

— Ах, все всегда можно исправить, — легкомысленно ответила Дора. — Если человек умер, то нельзя, — ответил Васильев.

— Смерть-шмерть, какая разница? — проглотив кусок мяса, заявил Микки. Дора пожала плечами и сложив руки на животе вновь улыбнулась, на этот раз загадочно и даже немного игриво, став похожей на знаменитый в прошлом портрет ни то простой девушки, ни то музы, ни то богини.

Самолет снижался над сверкающей на солнце лагуной. Из серебристо-золотых искр выплыли терракотовые крыши Венеции с бирюзовыми прожилками каналов. Сделав круг над городом, «Боинг» пошел на посадку. Николай разглядывал облепленные домами островки, таинственные полузатопленные здания бывших монастырей, желтоватую полосу пляжей острова Лидо. Яркое светило солнце, сидящая впереди парочка восторженно ворковала, Дора спала на плече Микки.

14 .

В бизнес классе “Боинга” расположился генерал Логинов. Не позволив программистам переделывать свою внешность, он замаскировался по-старинке — наклеив бороду и нацепив на нос круглые темные очки. Сомнений не было: Васильев передаст кофр с секретным материалом иностранным агентам в обмен на безбедное будущее за Стеной. В заговоре очевидно участвовал Ставарский.

Впервые за долгое время Логинов почувствовал вкус к жизни. Он летел в Венецию чтобы разоблачить сеть предателей в НИИИИИ, и обеспечить своей стране передовую технологию. Агенты Логинова в Институте утверждали, что содержимое кофра — это некий сгусток энергии, который при определенных обстоятельствах вырвется наружу, вызвав небывалые разрушения. «Великая страна вернется, свет разрушит стену лжи, недоверия и бездуховности. И тогда мы избавимся от “Потока” и всей прочей технологической дребедени». Удовлетворенно хмыкнув, Логинов заказал виртуальный коньяк у виртуальной, но от этого не ставшей менее симпатичной стюардессы.

15 .

Последние несколько дней Ставарский не смыкал глаз. Будущее уже здесь. Если не знать о его пришествии, ничего и не заметишь. Для того чтобы стать Настоящим, Будущему нужны деньги, поэтому Яков следил за движением на рынках капитала. Больших сделок в последнее время не было, зато сильно выросли спекулятивные обороты в сети, тысячи новых компаний покупали и продавали криптовалюту, выполняли миллионы мелких, но приносящих прибыль задач. Постепенно, вновь созданные компании начали скупать акции энергетических и медийных гигантов. Все это делалось крайне аккуратно, так что регуляторные алгоритмы не видели, что за тысячу мелких компаний стоит один бенефициар.

Аналитики НИИИИ показали Ставарскому прогноз: через две недели Будущее получит контроль над ключевыми отраслями экономики. Специалисты обратили внимание Ставарского на то, что системы наблюдения и безопасности по всему миру были скомпрометированы, причем так тонко, что ни спец. службы ни военные понятия не имели о потере контроля.

Ставарский улыбнулся. Скоро Будущее перелезет через стену, и развалившаяся империя в очередной раз получит шанс стать частью нового мира. Судя по темпам изменений, ждать осталось месяц-два.

Ученые за стеной придумали Будущее, но испугавшись, заперли его в изолированном виртуальном пространстве. Ставарский, вместе с коллегами по НИИИИ, оказался смелее: хакнув изолированный мир Будущего, он засылал туда «ныряльчиков» — специально подготовленных агентов, которые добывали новые технологии.

Сверх развитый и стремительно прогрессирующий искусственный интеллект, который Ставарский называл Будущим, был запрограммирован таким образом, чтобы приносить людям как можно больше пользы. И пусть эти люди, как и сам мир ИИ, были виртуальными, возвращающиеся с миссий «ныряльчики» рассказывали о мирной жизни, чистом воздухе, зеленых лесах, потрясающих воображение высокотехнологичных поселениях. Говорили они и о вещах, которые менее пытливого уму показались бы странными, даже страшными. Но Ставарского не смущали детали — общее направление Будущего казалось ему гениальным.

Все шло как по маслу: ИИ развивал свою вселенную, американцы наблюдали, а Ставарский действовал. Несмотря на то, что многие технологии были непостижимо сложными, не поддаваясь копированию, безделушки вроде живых красок и продвинутых нейроимплантантов позволяли НИИИИ стабильно получать госфинансирование. Но этого было мало. Ставарский, которому надоело жить в отсталой стране, грезил о пришествии Будущего в реальный мир. Так как мечты часто становятся реальностью, особенно у таких умных и предприимчивых людей, как Ставарский, однажды один из «ныряльчиков» выдал себя, увидев девушку, которая напомнила ему покойную жену. Заметив подлог, ИИ использовал нерасторопного агента, чтобы просочиться в наш мир.

Яков потирал руки от удовольствия. Пришествие ИИ состоялось, чекист Логинов уверенно двигался к краху, а он, нескладный еврей Ставарский, над которым, начиная с детского сада, издевались глупцы всех мастей, стал автором величайшего сюжета в истории человечества. Ставарский зевнул и посмотрел на часы - пора отдохнуть. Сегодня в программе - любимая драма Якова, “Смерть в Венеции” .

1911 год. До Марна, Ютланда и Вердена, химического оружия, десятка миллионов трупов, сотен миллионов разрушенных жизней. Горе уже заходит в дом, но пока в мире царят роскошь и утонченные переживания для тех, кто может себе их позволить. Среди счастливиц - стареющий композитор Густав фон Ашенбах. За свою жизнь он повидал и переживал слишком многое. Вот он со скучающим видом прогуливается по палубе парохода, направляющегося в Венецию. Выплывающий из тумана, веками увядающий, но по-прежнему прекрасный город-призрак, не вызывает в нем прежних чувств.

Смерть уже вписала Ашенбаха в свою разрядку, так же как весь старый мир, который через несколько вселенских мгновений будет сметен первой мировой войной. Но согласно заключенному на небесах договору, зловредная старуха придет за Ашенбахом лишь после того, как он переживет последнее наслаждение и последнюю муку, в виде ангело-подобного польского юноши, чья красота сравнима лишь с его недоступностью. С первого момента их встречи, скучноватый финал жизни Ашенбаха превратился в термоядерный коктейль восхищения, отчаяния, внезапно вернувшейся остроты переживаний и осознания собственной старости. Физическая красота юноши – произведение величайшего из художников, более искусного, чем гениальный Ашенбах.

Забыв про усталость, Ставарский с наслаждением слушал музыку Малера, наблюдал за страстью и страданиями стареющего, нервного гения, думая о том, что любовь – это капкан, попав в который даже самые изысканные сущности теряют весь накопленный цинизм, опыт и мудрость, совершая трогательные но от этого не менее опасные ошибки.

Вот великий композитор, будто в тумане, блуждает по Венецианским мостам, не замечая, что вокруг него – холера и смерть. Вот он, уже больной, бежит к семье мальчика, чтобы стать героем в его глазах, первым предупредив о том, что в городе холера. Вот он, надеясь обмануть время, припудривает лицо, просит парикмахера покрасить брови и волосы. В момент смерти, Ашенбах одновременно великолепен и жалок. Краска течет с волос по белому, как мелованная бумага лицу, утасаживающие глаза в последний раз видят юношу, который стоит в свете солнца, напоминая греческого бога.

Смерть Ашенбаха это смерть красоты. Возможно, никакого юноши на самом деле не существовало, или его великолепие – плод фантазий умирающего художника. Но какое это имеет значение? Ставарский вспомнил слова Ашенбаха, будто обращенные к нему: «твоя главная ошибка, мой дорогой друг, в том, что ты считаешь жизнь реальностью, ограничением. Реальность только отторгает и отвлекает».

Реальность и вымысел смешались в одно, этот процесс не остановить. Не только гении или наркоманы, но и обыкновенные люди, вроде “ныряльщика” Васильева, свободно перемещаются из одного состояния в другое, грань между материальным и вымышленным становится все более воздушной. Пришедший из виртуальной вселенной ИИ уже во всю хозяйничает в мире людей.

— Скоро бабахнет, — потирая руки, сказал Ставарский, шагая взад-вперед по кинотеатру.

Но была и другая история, более загадочная и почему-то напомнившая Ставарскому трагедию Ашенбаха. По непонятной причине ИИ продолжал выдавать себя за давно умершую жену Васильева, этого бесполезного, маленького человека. Чего эта высшая сущность ищет в пустой голове старого актера, что ей нужно в нашем прогнившем мире? Это было крайне любопытно.

Неужели ИИ попал в капкан?

16.

Николай, Дора и Микки неслись на рыжем катере мимо кирпичных стен и кипарисов острова Мертвых, на встречу кружевным палаццо, высоким, чуть накренившимся колокольням и черным гондолам с блестящими на солнце носами-ферро.

Венеция идеальна для бонвиванов и меланхоликов, в ней как нигде ощущаются великолепие жизни и неминуемость смерти, красота и разложение, надежда и безысходность. Серениссиму любят мечтатели, искатели приключений и трикстеры всех мастей.

Оставив вещи в номере, Васильев устроился в углу террасы гостиничного кафе. Потягивая «Беллини», он наслаждался избыточной, созданной наперекор судьбе и без явственной необходимости красотой церквей, палаццо, мостов и каналов.

Все это великолепие создавалась исключительно для того, чтобы вызывать восхищение, демонстрировать богатство и мастерство. Задача была выполнена блистательно: сколько счастливых слез видели эти каналы, сколько картин, стихов и мелодий родилось в старинных палаццо, сколько романтических минут было пережито на крышах, террасах и набережных!

Удивительно, но физическая потеря Венеции прошла незамеченной. Когда прибойная волна смела Моисея (так назывался гигантский волнорез, созданный для защиты от наводнений), один за другим накрыв острова Лидо, Бурано, Мурано и наконец добравшись до Венеции, о печальной судьбе лагуны сокрушались лишь не интегрированные в современное общество старики. Во-первых, шла мировая война, так что людям было не до красоты. Во-вторых, Венеция, как и другие города мира, была заблаговременно оцифрована. При помощи искусственных нейронных сетей ученые воссоздали каждый канал, каждый палаццо, каждую картину и скульптуру. Любой человек мог выбрать подходящую для него версию Венеции — солнечную, дождливую, средневековую, послевоенную — какую угодно. Как и подобает блестящей куртизанке, Венеция выполняла прихоть любого клиента, поэтому в глазах живущих в «Потоке» людей, ее физическое уничтожение не выглядело трагедией.

— Позволь отвлечь тебя от высоких материй, Тульмонд, но за тобой уже полчаса следят, — прервал мысли Васильева голос Микки.

— Где? — очнувшись, воскликнул Васильев, заставив сидящих рядом туристов оглянуться.

— Вон там, напротив, бородатый старик в очках, уже полчаса читает газету, — сказал Микки.

— Сиди как сидишь, мы рядом.

Припекало солнце, «Беллини» был прохладен и свеж, в небе кричали чайки, тихо шелестела вода Гранд-канала.

Сидевшие за соседним столом туристы ушли, их место заняли три молодые девушки. Они громко смеялись, жестикулировали и время от времени поглядывали на Васильева. Вдруг одна из них подошла к Николаю, загородив солнце:

— Scusa, posso chiederti una sigaretta, — спросила девушка, немного наклонив голову так, чтобы за темными очками были видны бледно-голубые глаза.

— Сигарета? — растерялся Васильев.

— Si, Si Cigaretta, — улыбаясь, закивала девушка.

Васильев достал пачку.

— Пожалуйста.

Девушка начала говорить что-то на итальянском, но Васильев ни слова не понимал. Пожав плечами, она достала из кармана юбки брошюру и на ломанном английском сказала:

— My name is Lucia. My friends are Agapia and Rosa — девушки приветливо кивнули. — We sing in a church, come listen to us.

— Спасибо! То есть thank you, — ответил Васильев.

Девушка нагнулась чуть ближе, шепнув на чистом русском:

— И товар захвати, capito?

Васильев раскрыл рот, но девушка уже вернулась к хохочущим подругам.

Сидевший напротив старик уронил газету, поднял ее и быстро ушел. Васильев расплатился. Не глядя на девушек, он вернулся в гостиницу.

17 .

После смерти жены Васильев часто разговаривал сам с собой. В его голове спорили он, Василев, нормальный, скромный человек, и Тульмонд — самоуверенный наглец из кино. — Ты конечно, тот еще плейбой, — лежа в кровати, смеялся Тульмонд. — Замолчи, я общался как мог, встреча будет сегодня, — отвечал Васильев. — Ха-ха, не думаю. Они приняли тебя за дилера. Старый, очевидно русский, сидишь один — все сходится. Девочки из церковного хора любят шмаль или еще что покрепче. Дурак ты дурак.

Васильев ударил себя по голове.

— Заткнись!

В этот момент в комнату постучали.

— С тобой все в порядке, Тульмонд? — услышал Васильев голос Микки.

— Да, да, все нормально, заходи.

Васильев рассказал Микаэлю и Доре о происшествии в кафе.

— Покажите рекламу, — попросила Дора.

Васильев вытащил из кармана мятый флаер. В нем говорилось о концерте церковного хора, который состоится сегодня в 19:00 в церкви Сан-Захария.

Дора на секунду задумалась, собирая в сети информацию о церкви, а потом, хлопнув себя рукой по коленке, воскликнула:

— Забавная история! Церковь принадлежит монастырю бенедиктинок. А монастырь этот не простой. В него отправляли девушек из самых знатных семей Венеции, чтобы решить вопрос наследования. Монастырь был крупным владельцем земли, например, пожертвовал городу участок под строительство собора Святого Марка. В обмен, монашки имели привилегии. Например, на территории монастыря находился не то театр, не то бордель. Однажды в монастыре произошел сильный пожар, больше ста бенедиктинок заживо сгорели или задохнулись в подвалах этого самого театра. Традиция отправлять богатых мажорков в монастыри сохранилась до сих пор. Девочки имеют право несколько раз в неделю выходить в город в «мирском» и, понятное дело, не тратят это время на молитвы. Так что, возможно, эти три и правда монашки в «отгуле». Могу предположить, что они приняли вас за торговца наркотиками — наверное, вы оказались в нужное время в нужном месте.

— Вот это я понимаю, миссия! — съязвил Микки. — Следите за знаками, они повсюду, — добавил он, копируя голос Ставарского. — Если во всем видеть знамения, быстро окажешься в дурке!

Дора нахмурилась.

— Ой, прости, это не про тебя, — добавил Микаэль, обращаясь к Васильеву. Николай не слушал. Он разглядывал мятый рекламный проспект, на котором был изображен белоснежный, напоминавший морскую раковину собор Сан-Захария.

Васильев вспомнил, что уже был на этой площади вместе с Верой, проходил через высокие светло-коричневые ворота церкви. Вера собиралась найти картину не то Тьеполо, не то Тинторетто, а Васильеву жутко хотелось есть, в животе урчало, поэтому он ворчал и торопился. Когда они наконец вернулись на площадь, Вера вдруг обняла Васильева и шепнула ему на ухо: «Я люблю тебя». Непонятно, что на нее нашло. Николай тогда буркнул банальное «Я знаю», после чего, пытаясь сдерживать раздражение, заторопился на набережную к ближайшему кафе.

Васильев скомкал лист бумаги и сказал:

— Встреча будет на площади перед церковью, я уверен.

Микки и Дора обменялись взглядами.

— Принято. Мы будем готовы. Дора даст тебе инструкции, а мне надо идти, — деловым тоном сказал Микаэль.

— Возьми грамм двести, купи книгу на религиозную тему.

— Чего так много? — удивился Микки.

— Ахбаль! Пригодится, — ответила Дора, закатывая глаза.

18 .

В 19:00 Васильев вышел на площадь Сан-Захария. За полчаса до этого он, по настоянию Доры, выкурил косяк анаши, которую раздобыл Микки. В этом, собственно, и заключались ее инструкции.

— Вы слишком напряжены, — объясняла Дора, передав косяк Васильеву. — Помните, что я говорила: Вам надо разбудить в себе Тульмонда, тогда у вас все получится.

Из всех изданий на религиозную тему, продававшихся в Венеции, Микки умудрился купить «Евангелие от Иисуса» Жозе Сарамы — одно из самых осуждаемых католической церковью произведений, которое Ватикан назвал пасквилем на Новый Завет. Дора долго ругалась, но потом, сделав затяжку, рассудила, что под матрацами юных монахинь наверняка хранятся и более скандальные книги. Вырезав в середине тома тайник, Микки положил туда пакетик с каннабисом. В вечернем свете церковь казалось розоватой. На площади шумел небольшой фонтан, из которого пожилая женщина набирала воду в пластиковую бутылку. У ворот церкви ждала очередь туристов. Отстояв положенное время, Васильев вошел в просторный, украшенный яркими фресками сводчатый храм и направился в придел, где, как он помнил, находилась приглянувшаяся Вере картина. Это был Тьеполо или кто-то из его учеников: Мария с младенцем Иисусом вместе со стареющим Иосифом сидят в лодке рядом с навьюченным ослом. Лодкой, как заправский гондольер, управляет молодой мускулистый мужчина. Лицо Иосифа напряжено, он стоит, одной рукой придерживаясь за осла, другой опершись о посох. Сидящая рядом Мария безмятежно смотрит вверх, где несколько розовощеких ангелов приветливо машут Богородице, расчищая небо от туч. На картине изображены противоположные эмоции непохожих друг на друга людей, которых Бог соединил ради исполнения своих планов. Мария знает все. Во-первых, она женщина. Во-вторых, еврейка. В-третьих, она регулярно получает знамения и помощь Господа. Она понимает, что является частью божественного замысла, что имя ее и ее Сына останется в веках.

А что бедный Иосиф? Он обыкновенный мужчина, в чьей жизни нет надежды на вечность, а есть страдания от сиюминутных бед. Вот и сейчас он вынужден, бросив все, бежать, чтобы спасти жену и ребенка. Он не получает подсказок, а если и получает, то не видит их. Из всех персонажей картины, только Мария видит ангелов, остальные, включая осла, либо погружены в работу, либо с волнением ожидают своей участи, не в силах что-либо изменить.

Может быть, благодаря этой картине, обычно независимая и гордая Вера, решилась признаться Васильеву, ведь всем нам суждено бесцельно бултыхаться в океане жизни, хватаясь за соломинку любви, перед тем как погрузиться в одинокую холодную бездну. К сожалению, занятый сиюминутными заботами Николай, подобно Иосифу, проигнорировал очевидный и важный для его жизни знак.

Васильев вздохнул. Оторвав взгляд от картины, он увидел что перед богато украшенным алтарем расположился женский хор. Николай поторопился занять единственное свободное место на деревянной лавке. Усевшись у прохода, он принялся разглядывать одетых в белые рясы бенедиктинок. Нежные голоса девушек заполнили старую церковь, открывая сердца слушавших для надежды и света. Васильев тщетно пытался отыскать Люцию. В белых рясах и одинаковых головных уборах все монахини были на одно лицо, к тому же глаза Николая, уже больше пятидесяти лет взирающие на мир, немного поизносились.

Наконец, он остановил взгляд на девушке, которая, как ему показалось, и была Люцией. Он долго смотрел на ее еще детское лицо. Она казалась наивной и чистой, сама мысль о том, что через пару часов вместе с другими ангелоподобными детьми она будет забивать косяк, не помещалась у Васильева в голове. Пение стихло, в церкви наступила тишина, прерываемая шорохом платьев и покашливанием туристов.

Электрический свет гаснет, здание церкви погружается в полутьму, подсвечиваемую неверными огоньками свечей. Лица монахинь исчезают, зато их белоснежные рясы мягко светятся на темном фоне алтаря. По спине Васильева бегут мурашки: от видит, что глаза монахинь обрели металлический блеск, а из темноты проступили уродливо съехавшие на бок скалящиеся рты.

Дюжина костлявых, повисших в воздухе призраков разглядывают Васильева. Один из них, отделившись от хора медленно плывет в его сторону.

От ужаса Николай вздрогнул и разжал ладони. Книга с громким стуком упала на каменный пол в проходе между лавками. От удара она раскрылась, из тайника на всеобщее обозрение вывалился пакетик с темно-зеленой травой. В церкви вновь стало светло. Удивленные туристы смотрели на Васильева. Несколько монахинь, приложив ко рту ладони, прыснули со смеху. Васильев вскочил, и подобрав книгу вместе с пакетом, быстрым шагом вышел из церкви под пение монахинь. Мелодичные голоса девушек смешались с пульсацией в ушах, хохотом Микки и причитаниями Доры.

Выйдя на свежий воздух, Васильев спрятался за угол церкви. Отдышавшись, он положил злосчастную книгу в рюкзак, рядом с кофром. На улице темно, площадь Сен-Захария практически опустела. Вечернюю тишину нарушали журчание фонтана и доносившееся из церкви пение.

— Ну ты даешь, Тульмонд! — не унимался Микки. — Ладно, не парься. Видишь боковую дверь? Девицам доставляют товар через нее. Жди здесь, концерт закончится через полчаса.

Когда пение смолкло и толпа туристов вывалила на площадь, было уже темно. Люди двумя ручьями устремились кто к низкой арке, ведущей на набережную, кто на вымощенную брусчаткой узкую улочку.

Васильев остался на площади один. Он уже решил, что товар останется невостребованным, когда небольшая белая дверь в стене церкви со скрипом открылась и нежная девичья рука поманила его. Подойдя ближе, он увидел светлые локоны Люции.

— Давай скорее, — деловым тоном сказала она.

Васильев открыл рюкзак и, замешкавшись, вынул книгу.

— О, Сарамаго! — оценила Лючия. — Сколько там?

— Пять, — ответил Васильев, вспомнив наставления Доры.

— Чего так много? — удивилась Лючия.

— Все, что сверху — подарок фирмы, — ответил Васильев.

— О' кей. Фирме спасибо, а тебе — вот, — сказала Лючия, сунув Васильеву старую серебряную монетку.

— Что это такое? — в свою очередь удивился Васильев.

— Как что? Венецианская лира, шестнадцатый век, как заказывали. Ладно, мне пора, — ответила Лучия и, улыбнувшись Васильеву, добавила: — А ты милый, но старый и недотепа. Там же на следующей неделе?

— Да, — покраснев, ответил Васильев.

— Ну пока, — попрощалась, Лучия.

— Пока, — сказал Васильев, стоя перед закрытой дверью.

— Ньюни закончились, начинаем работать, — услышал Васильев голос Микки. — Иди в центр площади, к фонтану. Стой и жди. Не волнуйся, если что — прикроем.

19 .

Ждать пришлось долго. Девственно белый храм уже растаял в темноте, как кусок сахара в горячем кофе, когда по Венеции разлился колокольный звон часовой башни с площади Сан-Марко. Олицетворяющий прошлое бронзовый Старик бил по колоколу первым. Следом за ним в работу вступал Юноша, символ времени, которое должно наступить.

Когда «Хранители часов» опустили свои молоты, Венеция погрузилась в тишину. Низко пролетела чайка, едва не задев Васильева крылом и заставив его увернуться. Он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд, обернулся и вздрогнул: из темного угла площади на него смотрело мертвенно-бледное лицо. Казалось, оно повисло в воздухе. Гладкое, с темными провалами вместо глаз, лицо несколько секунд изучало Николая, а потом медленно поплыло ему на встречу.

Вскрикнув от ужаса, Николай попятился к блеклому фонарю в дальнем углу площади. Развернувшись на 180 градусов, он что есть силы побежал к спасительному свету фонаря. За спиной Васильев слышал цоканье каблучков и какой-то еще звук, напоминающий звон бьющихся друг о друга бутылок. Обернувшись, Николай увидел высокого человека в черном костюме с капюшоном и в белой карнавальной маске. В руке он держал корзинку с несколькими бутылками из-под просекко. Маска несколько секунд изучала Васильева, а потом низким, прокуреным голосом поздоровалась:

— Buona Sera.

— Здравствуйте, — ответил Николай по-русски, так как никакого другого языка толком не знал.

Маска продолжала смотреть на Васильева внимательными серо-голубыми глазами. Чтобы прервать странное молчание, Николай спросил, смешивая русский, английский и язык жестов:

— Ай эм Тульмонд. Йор нэйм? Нау карнавал? Вай маск?

Собравшись с мыслями Маска произнесла по-русски с сильным итальянским акцентом:

Всё спит(а) — дворццы, каналы, люди, лишь призрака скользящи шаг...¹

Замолчав, Маска вопросительно посмотрела на Николая.

— Pardon? — почему-то по-французски спросил Николай.

Маска не без усилия повторила:

Всё спит(а) — дворццы, каналы, л'юди, лишь призрака скользящи шаг...

И уставилась на Николая, ожидая ответа.

— Это пароль, — прозвучал в голове Васильева голос Доры. — Дайте мне секунду. — Спокойнее, все под контролем, — добавил Микки.

Васильев нахмурился, с серьезным видом глядя через плечо незнакомца куда-то вдаль.

— Нашла, — сказала Дора, — повторяйте за мной: Лишь голова на черном блюде Глядит с тоской в окрестный мрак.

Когда Николай повторил фразу, незнакомец удовлетворенно кивнул, жестом пригласив следовать за собой. Они подошли к низкой арке, за которой узкая, темная улица вела к набережной. Незнакомец остановился, поднял руку и прислушался. — Тульмонд, сзади! — закричал Микки.

Обернувшись, Васильев увидел четыре одетые в черное фигуры с автоматами наперевес.

— Ни с места, вы окружены! — раздался голос из темноты арки. К блеклому свету фонаря вышел вооруженный пистолетом бородатый старик в сопровождении двух автоматчиков.

— Ты отдаешь мне рюкзак, верзила ставит корзину на землю, мы вас обыскиваем и вместе идем к катеру, — приказал старик.

— На счет три падаешь на землю, — скомандовал Микки. — Три!

Васильев грохнулся на каменную мостовую. С дальнего конца площади прогремели выстрелы, два автоматчика упали. Одновременно человек в маске кинул в стоящих рядом солдат бутылку из-под просекко, которая, долетев до них, взорвалась огненными брызгами.

Объятые огнем люди с криками побежали по темному тоннелю к спасительной воде. Сумевший увернуться от взрыва старик почти в упор выстрелил в человека в маске. Человек упал. Старик подбежал к Васильеву и попытался поднять его на ноги. В этот момент мимо него пролетело несколько пуль. Матерясь, Логинов (а это был он) с невероятной для своего возраста ловкостью нырнул в темноту тоннеля.

Васильев посмотрел в дальнюю сторону площади, где в блеклом свете стояли Микки и Дора.

— Ты в порядке? Он свалил на катере, я слышал звук мотора, — сказал Микки.

— Да, — чуть слышно ответил Васильев, — помогите мне!

¹ Александр Блок. «Холодный ветер от лагуны...» (1909).

Но Микки с Дорой не стали помогать, а вместо этого молча отступили в темноту. — Обернись! — услышал Николай шепот Микки.

В нескольких метрах от Васильева, кряхтя, вставал на ноги высокий человек. На маске в районе лба появилось отверстие, из которого капала на землю кровь. Человек провел рукой по щеке, из-за чего маска окрасилась в красный цвет.

— Andiamo, — проворчал он и, подняв корзину, двинулся в темноту. — Идите, — сказала Дора. — Это ваш контакт.

20 .

Пройдя сквозь низкую арку, они вышли на набережную. Позади слышались крики и топот.

— Карабинеры! Мы ими займемся, а вы давайте быстрее, — скомандовал Микки. Легкий ветер поднялся с лагуны. На противоположном острове стоял будто растущий из темной воды величественный монастырь с четырьмя белыми классическими колоннами и высокой кирпичной колокольней.

— Chiesa di San Giorgio Maggiore, — с гордостью сказал Маска, вытирая заливающую глаза кровь.

Со стороны церкви раздались выстрелы.

Пройдя пару метров, Васильев увидел пришвартованный катер, в котором сидел попивающий пиво светловолосый молодой человек. Выглядел он знакомым. — Привет, Тульмонд! — поздоровался он на русском.

— Простите, ваш друг, — воскликнул Васильев, — кажется, ему плохо. — Кому, Карло? — удивился молодой человек, разглядывая маску, которая была уже бордовой от крови. — Ну что вы, это царапина! Карло здоров как бык и живуч как таракан! Торопитесь, ваши друзья долго не продержатся. Давайте монету. — Монету? — громко переспросил Васильев, пытаясь перекрыть шум выстрелов. — Да, ту, что девчонка передала, — крикнул в ответ молодой человек. Пошарив в кармане, Васильев достал серебряную лиру.

— Отлично, добро пожаловать, — улыбнулся молодой человек, спрятав монету в карман.

Споткнувшись о борт, истекающий кровью Карло проследовал за Васильевым. Когда катер отчалил, Николай с тоской посмотрел на набережную дельи Скъявони с ее дорогими отелями и шикарными особняками. Стрельба стихла. Ему показалось, что чуть вдали, в темноте пристани, было какое-то движение.

— Ждете кого-то? — спросил молодой человек, повернувшись от штурвала. — Нет, просто восхищаюсь Венецией, — нашелся Васильев.

— Она и правда хороша. Но не смотрите назад, лучше восхищайтесь тем, что впереди! — посоветовал молодой человек.

Рассекая ночь, катер двинулся в сторону подсвеченного монастыря, который, отражаясь в спокойных водах лагуны, на фоне звездного неба походил на счастливый сон любителя искусств.

— Так вы нас с Карло не помните? — перекикивая шум мотора, спросил молодой человек. — Встречались в лавке Сурена, мы тогда подрабатывали на стройке. Вы мне подписали бутылку из-под пива, я ее храню! Меня Андрей зовут.

Васильев уставился на молодого человека.

— Простите, как вы здесь очутились? — удивленно спросил он.

Андрей бросил взгляд на Карло.

— Эй, спустись вниз, приведи себя в порядок. Лодку захезаешь. И сними наконец эту маску! Карло что-то буркнул и, согнувшись в три погибели, полез в маленькую каюту. — Как попали? — Андрей сделал паузу. — Залезли в этот самый... в «Поток» — и вуаля! — Андрей засмеялся.

Когда катер приблизился к монастырю, Андрей выключил мотор:

— Мне Карло рассказывал, что когда-то здесь жил забавный персонаж, отец Пеллегрини Эрнетти. Он придумал Хроновизор. Этот аппарат передает изображения и записывает звуки из прошлого. Не совсем машина времени, скорее замочная скважина. Якобы все происходящее оставляет «след», который можно восстановить. Ватикан забрал Хроновизор себе, на всякий случай. А жаль! Представляете, вы могли бы услышать или увидеть кого угодно, и может даже спросить их о чем-нибудь или попросить прощения.

Карло, кряхтя, вернулся на палубу. У него были густые черные волосы, загорелая кожа, крупные черты лица: длинный нос и сильный подбородок. На лбу был приклеен пластырь. Карло отцепил от борта большое весло и, встав на корму, начал грести. Навык Карло были таков, что катер стремительно набирал скорость. Скоро монастырь Сан-Джорджо-Маджоре растаял за кормой. На лагуну опустился туман, так что торчавшие из воды деревянные столбы, обозначающие мель, были с трудом различимы. Карло поднял весло, лодка остановилась. Васильев вопросительно посмотрел на Андрея, который курил, сидя на лавке. — Ждем ваших друзей и еще какого-то старика. Им дальше нельзя. Советую вам отойти к носу, — предупредил Андрей, доставая пистолет.

Карло исчез в каюте. Через минуту он вернулся, держа в руках с увесистый пулемет. Приладив рогатину к корме, Карло присел и начал целиться в темноту. Несколько минут они сидели в тишине, слушая плеск воды и собственное дыхание. Вдали послышался звук мотора, который внезапно оборвался.

— Adesso! — скомандовал Андрей. Оглушительный грохот пулеметной стрельбы в клочья разорвал тишину, эхом перекатываясь по лагуне.

Васильев бросился плашмя на живот, закрыв уши руками. Через несколько очень долгих секунд Карло прекратил стрельбу. Звуковые волны, пару раз прокатившись туда и обратно по лагуне, наконец стихли.

Васильев приподнялся. В этот момент сбоку, совсем близко от катера загудел мотор. Васильеву показалось, что в тумане мелькнуло краснощекое лицо Михаэля.

Андрей выстрелил в сторону звука, завел катер, рванул вперед и развернулся, поставив преследователей под огонь пулемета. От резкого виража Карло чуть было не уронил стоявшее на корме оружие, но все-таки умудрился дать очередь в туман. Преследователи открыли ответный огонь. Пули свистели над лежащим на корме Николаем. Андрей продолжал, как ни в чем не бывало, стоять у штурвала, не обращая внимания на стрельбу. Он нажал на газ, катер, стремительно разогнавшись, понесся с невероятной скоростью, в какой-то момент едва касаясь воды. Когда стрельба наконец стихла и катер выскочил из тумана, Васильев решился посмотреть за корму. На краю укрывшего лагуну одеяла, он едва смог различить уже совсем далекие, призрачные фигуры Микки и Доры. Их похожая на решето лодка тонула. Поддерживая друг друга, они смотрели на улетающего в неизвестность Васильева.

Через несколько минут катер замедлился. Андрей посмотрел на приунывшего Николая: — Твоим друзьям повезло: Карло плохо стреляет. Он предпочитает мечи. — Scimitarre, — уточнил Карло, с пулеметом под мышкой спускаясь в кабину. — А вот старикашка куда-то пропал. Неважно, сюда ему не добраться, — размышлял вслух Андрей.

— Прости, Тульмонд, но дальше ты сам. Тут недалеко, — добавил он. — Что значит сам? — заволновался Васильев.

— Подожди секунду, — вместо ответа сказал Андрей, забираясь на крышу катера. — Мы с Карло обожаем твой фильм. Поэтому, на прощание решили посвятить тебе стих.

Стоя на кабине остановившегося катера, как на сцене, молодой человек начал читать:

Может быть, это лишь шутка,
Скал и воды колдовство,
Марево? Путнику жутко
Вдруг... никого, ничего?
Крикнул. Его не слышали
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал 2.
Васильев попятился к корме.

— Carlo, lo butta a mare 3, — скомандовал Андрей.

Карло резким движением схватил Васильева за руку. Николай замахнулся свободной рукой, но его кулак завяз в огромной ладони итальянца. Тогда он из-за всех сил двинул великана ногой по колену. Тот крякнул от боли и выругавшись, схватил Васильева за шею.

В этот момент Андрей прыгнул на палубу. Продемонстрировав недюжинную силу, он схватил Николая в охапку. Вырвав размахивающего руками и ногами Васильева из рук Карло, Андрей потащил его к борту. Извиваясь, Васильев бил Андрея по спине без какого-либо результата.

Через мгновение Андрей швырнул брыкающегося Николая за борт. Дождавшись пока он вынырнет, блондин кинул Васильеву рюкзак:

— Плыви вперед или возвращайся откуда пришел, выбор за тобой.

— Помогите! — закричал Васильев. — Я не знаю, куда плыть, мне холодно! — Плыви туда, — Андрей указал в сторону. — Через час будешь в Венеции. Завтра утром улетай отсюда и никогда не возвращайся. Или плыви куда-то еще. — Куда? — барахтаясь, кричал Васильев.

— Куда вздумается, — ответил Андрей. Махнув Николаю рукой, он завел мотор. Катер исчез в темноте.

22.

Генерал Логинов с детства любил спорт, особенно плавание. Пересечь лагуну вплавь - дело нехитрое. Когда подозреваемые выбросили Васильева за борт, Петр Васильевич, не мешкая нырнул в мутные воды. Угнаться за скоростным катером бандитов на старой посудине было невозможно, а вот следить за Николаем Петру Васильевичу вполне по силам. Рюкзак с кофром по-прежнему у Васильева, значит рано или поздно за ним кто-то придет. Главное — не потерять его в тумане. Стараясь соблюдать дистанцию, Логинов беззвучно рассекал гладкое полотно лагуны.

2 Николай Гумилев. Венеция.

3 Карло, кинь его за борт (итал.).

23 .

Раскинув руки и ноги по сторонам, Николай смотрел на звезды.

— Что будем делать? — поинтересовался Тульмонд. — Вообще-то тут прохладно. Николай перевернулся на живот и, загребая руками водоросли, поплыл. — Куда это ты? — заволновался внутренний голос. — Венеция не там. Васильев молчал, продолжая плыть в крошечной тьме.

— Слушай, всякое бывает. Вернемся на землю, все обдумаем, перегруппируемся, — затараторил Тульмонд.

Николай не слушал. Через какое-то время назойливый Тульмонд замолчал. В голове Васильева воцарилась непривычная, сладкая тишина: притаились внутренние голоса, не подавали признаков жизни Микки с Дорой, уже давно исчезли рекламные черви. Николай опять перевернулся на спину и, наслаждаясь одиночеством, уставился в небо, где миллионы звезд, подмигивая друг другу, вели разговор. К счастью, они были так далеко, что звук их вечных бесед не нарушал благословенной тишины венецианской лагуны.

Через какое-то время, Васильев замерз, его волосы, лицо и одежда покрылись коричневатозеленым водорослями, руки стали похожи на зеленые крылья. Водоросли казались мягкими и теплыми, как взбитая перина. Васильеву захотелось погрузиться в них целиком. Так как образумить его было некому, он так и сделал. Вытянувшись «солдатином», Николай зажмурил глаза, позволив себе опуститься на илистое дно.

Через несколько секунд, когда глаза Васильева привыкли к мутной воде, он заметил, что совсем недалеко, среди подводных лиан, на ложе из морских растений лежат останки женщины. Ее мокрые седые волосы едва прикрывают желтоватый череп, кожа на лице съехала в сторону, рот скривился в подобии улыбки. Из пустых глазниц идет мягкий свет — скорее всего, в них растут фосфоресцирующие водоросли или поселился моллюск. Белая кофта обволакивает ссохшееся тело. Пробираясь сквозь густые водоросли, Васильев подходит ближе, ложится рядом с женщиной, кладет голову ей на грудь. Грудная клетка женщины мерно вздымается и опускается. Васильеву тепло. На его глазах выступают слезы, немедленно растворяясь в мутной воде.

Он вспоминает роковой день. Вера вернулась поздно. Он, уже давно под шофе, развалился на кровати с «рогами» на висках. Как обычно, в воображении он блистательно исполнял главную роль в каком-то фильме. Вера стащила с него «рога». Это было опасно: внезапное возвращение из «Потока» — как слишком быстрый подъем с большой глубины. Васильев отделался головокружением и тошнотой. Вера долго кричала, даже пыталась ударить Васильева. Он оставался спокойным, потому что знал, что Вера любит его, каким бы он ни был — пьяным, грязным, глупым. Ему непременно нужно было вернуться в «Поток». Николай терпеливо ждал, когда жена замолчит и ляжет спать или, еще лучше, уедет к маме. Через полчаса криков Вера наконец-то расплакалась и, хлопнув дверью, выбежала из дома. Нацепив «рога» Васильев вернулся в свой фильм. Кажется, это была «Касабланка»: «За тебя, малыш», — улыбается Рик Блэйн, глядя на любовь своей жизни, которая отдана другому. Васильеву тогда казалось, что он сыграл бы эту сцену лучше Богарта.

На следующий день — сирены, полиция, роботы-детективы, дознания, документы, звонки от Верининой мамы... Дело простое — наркотики, озеро, смерть. Никто ни в чем не виноват.

— Пошли, Вера, пошли! — плача умоляет Васильев. Он аккуратно поднимает иссохшее тело на руки и, оттолкнувшись от мягкого дна, плывет вверх. Они поднимаются над подводным лесом. Васильев чувствует, что Вере наконец-то хорошо с ним. — Еще немножко, — шепчет Васильев, прижимая к себе кости. Вода светлеет, спасение близко. Но Вера хрупка, почему он не понимал этого раньше?

Косточки разваливаются и, превращаясь в пыль, опускаются в ил. Плачущий Васильев выныривает один.

24 .

Утирая слезы и сопли, Васильев бесцельно плыл по лагуне. Из тумана появилась не то лодка, не то большая коряга. Нет! Это кровать, такая мягкая и удобная, в которой они спали с Верой. Легкое течение подталкивает кровать к Васильеву. Он из последних сил хватается за спинку и, пачкая водорослями белоснежную простыню, сворачивается клубком под одеялом. Васильеву тепло и уютно, он закрывает глаза.

Николай не успевает заснуть. Кто-то срывает с него одеяло. Васильев ослеплен ярким светом. Через секунду он видит лицо санитара, из его развороченной глазницы сочится кровь. Схватив Васильева ледяной рукой, санитар попытался стащить его с кровати. — Пора на процедуры, — хрипит санитар, но Васильев на процедуры не хочет. Он орет и лягается. Чудом освободив себя, Николай прыгивает с кровати.

Пол оказывается водой. Васильев сразу же погрузился на дно. Впрочем, место оказалось неглубоким. Васильев стоял в холодной воде, по шею в зловонных водорослях. Он наконец-то свободен.

Туман рисует Верино лицо, оно улыбается Васильеву. Сострадательно. Васильев улыбнулся в ответ. С благодарностью. Он чувствует, что прощен. Грустная мудрость, доступная женщинам, их истинная кара — в осознании того, что рано или поздно жизнь, которую они приносят в этот мир, любовь, которую возвращают, красота, которую пытаются сохранить, — все это растает в безвременье, как щепотка соли во вселенском бульоне, в лучшем случае слегка улучшив его вкус. Чувство жалости, осознание того, как хрупка жизнь, заставляет женщин жить с нерадивыми мужьями, растить орущую смену, заботиться об умирающих стариках. Некоторые, как Вера, не выдерживают. Но всегда, всегда прощают.

Васильев сделал несколько осторожных шагов, боясь провалиться в яму, но отмель, наоборот, становилась выше, так что через несколько минут вода была по колено.

Дрожа от холода, он шел вперед, хлюпая ботинками по илу. Подул прохладный ветерок, по телу поползли мурашки. Ветер донес до Васильева голоса. Подняв голову, он увидел вдали желтоватую точку фонаря. Васильев остановился. Ему не хотелось прерывать свое одиночество, с кем-то говорить, отвечать на вопросы. Но делать было нечего: тело требовало тепла. Вздохнув, Николай пошел в сторону света. Сделав пару шагов, он внезапно плюхнулся в яму. Вынырнув, и с трудом восстановив дыхание, Васильев начал отчаянно грести в сторону света.

Через несколько минут из темноты появился причал. Под фонарем стоял складной столик, за которым сидели Андрей и Карло. Они играли в кости, не обращая внимания на Николая.

— Помогите! — прохрипел Васильев.

Андрей оторвался от игры и, посмотрев на Николая, крикнул:

— Ты все перепутал — Венеция там! — Андрей махнул рукой в темноту. Потом, посмотрев на Карло, он шепнул на итальянском: — Я выиграл, с тебя денарий! Карло пожал плечами.

Васильев с трудом доплыл до причала, поднялся по металлической лестнице и сел на оказавшийся у игрального стола свободный стул.

Кинув кости, Андрей спросил:

— Точно не хочешь обратно? Мы с Карло тебя мигом...

— Не хочу, — перебил Васильев

— Играть будешь?

— Нет. У вас случайно не найдется одежды?

— Случайно найдется — Андрей указал на катер. — Поищи там и заодно прими душ, а мы пока доиграем.

Николай поплелся к катеру. К своему удивлению, он обнаружил в кабине черный костюм, белоснежную рубашку, кожаные ботинки, ремень, белье и полотенце. Вещи оказались правильного размера. Васильев помылся и переоделся и почувствовав прилив энергии, быстрым шагом вернувшись к причалу. Он обнаружил, что игровой столик сложен, а на земле стоит его рюкзак, по обе стороны которого расположились Андрей и Карло.

— Отлично выглядишь, — похвалил Андрей.

— Bene, bene, — согласился Карло.

— Пойдем, покажу тебе дорогу. Тут близко, но легко потеряться. А местность болотистая. Оглядевшись, Васильев увидел продолговатое полуразрушенное здание в ремонтных лесах. За ним можно было разглядеть контур немного накренившейся колокольни. На острове стояла абсолютная тишина, не считая плеска воды и шелеста листьев. — Еще одно интересное место, — сказал Андрей, поймав взгляд Васильева. — В средние века сюда свозили больных чумой, говорят, двести тысяч здесь полегло. А остров-то крошечный... В начале двадцатого века в том здании, — Андрей махнул рукой в сторону развалин, — была экспериментальная психиатрическая лечебница, которой руководил печально известный врач. Ставил опыты на людях. Однажды пациенты взбунтовались и сбросили его с колокольни. А может, он сам выбросился. В тот день стоял сильный туман. По легенде, многие видели летевшее с колокольни тело врача, но никто не мог сказать, упало оно на землю или растворилось в тумане. Во всяком случае, труп так и не нашли.

— Ладно, идем — продолжил Андрей.

Карло похлопал Васильева по плечу и, вернувшись на катер, уселся на корме. — Этот остров много раз пытались привести в порядок, но ничего не получалось, — продолжил рассказ Андрей. Они свернули в рощу. — Суеверные итальянцы то призраков видели, то слышали какие-то вздохи в темноте.

— Куда мы идем, здание вроде там? — прервал его Васильев.

— Это старая больница, а лаборатория за лесом. Пойдем, Тульмонд, не бойся. Духов здесь нет! — усмехнулся Андрей, глядя на бледное лицо Николая.

— Что за лаборатория? — спросил Васильев.

— Причуда нашего шефа. Он богат, обожает науку. Вот и развлекается.

Они плутали в темноте меж плотно стоящих деревьев, то и дело спотыкаясь о корни. Вокруг стояли заброшенные постройки. Наконец они вышли на поляну. Полная луна показалась из-за туч.

Николай заметил колышущуюся стену с другой стороны поляны.

— Тростниковая роща, — сказал Андрей. — Разрослась. Пошли, у нас мало времени. Заросли тростника были настолько высокими и плотными, что с трудом пропускали лунный свет. Андрей ловко пролезал между зеленых стволов, уводя Николая все глубже. Васильев спотыкался, листья хлестали его по лицу, норовя попасть то в глаз, то в нос.

— Ты же сказал, что остров небольшой? — спросил Николай спустя час борьбы с назойливым тростником.

— Небольшой, но идти долго, — пробормотал Андрей. — Стой! — воскликнул он, подняв руку. — Слышишь?

Николаю показалось, что сквозь шелест листьев он услышал голос какого-то животного. — Что это? — удивился Васильев.

— Корова — ответил Андрей. — Где корова, там и люди. Прекрасно, а то я начал волноваться, что мы потерялись.

Развернувшись, Андрей пошел на звук.

Через четверть часа тростник сменили сначала небольшие кусты, потом крупные деревья: березы и сосны.

— Почти пришли, — с облегчением сказал Андрей.

Они вышли из леса на дорогу. Вдали Николай увидел небольшое, освещенное белым светом здание.

— Нам туда, — указал Андрей.

Взглянув выше, Васильев заметил мерцающие красные огоньки.

— Это что, ветряк? — удивился он.

— Он самый, наша гордость.

Ускорив шаг, Николай направился к зданию. Потом перешел на бег. Запыхавшись, он остановился у закрытой двери.

— Что, узнал? — спросил догнавший его Андрей.

Над входом в здание висела подсвеченная табличка: «Лавка Сурена. Открыто 24/7». Васильев оглянулся на Андрея, видимо ожидая объяснений, но тот пожал плечами: — Мне пора возвращаться.

Прежде чем Васильев успел что-то спросить, он развернулся и быстро пошел в сторону леса.

25.

Какое-то время Николай стоял, уставившись на входную дверь лавки. Поднялся ветер. Лопасты ветряка пришли в движение, издавая хорошо знакомый гул. — Что мне делать? — спросил вслух Николай.

Голоса в голове молчали. Он огляделся. Вокруг не было ни души. Желтые листья падали на мокрый от недавнего дождя асфальт.

Васильев заглянул в телефон — было три часа утра. Он почувствовал сильную усталость, ноги стали как ватные. Николая качнуло, он неуклюже завалился одним коленом на асфальт. В левой руке что-то звякнуло. Он обнаружил, что держит полиэтиленовый пакет. С трудом поднявшись он стряхнул с колена влажный желтый лист, открыл пакет и увидел в нем две пустые бутылки из-под водки. Голова одновременно кружилась и болела - верный признак абстинентного синдрома.

Васильев с трудом дотащился до лестницы у входа в лавку, сел и попытался восстановить события предыдущего вечера.

Он вспомнил, что, взяв у Сурена бутылку водки, пошел домой. Намечался хороший вечер с «рогами», но вдруг зазвонил телефон. После этого он то ли на радостях, то ли с горя выпил чуть больше обычного. Потом началось: гостиница «Националь», умершая жена, Венеция... А теперь он почему-то опять оказался у лавки Сурена.

Николай взглянул на пакет. Его осенило: он пришел сюда, чтобы сдать бутылки, а на полученные деньги купить пива. Васильев решил, что пиво сейчас действительно пришлось бы кстати. Подойдя к железной двери он нажал на кнопку звонка. Сурен всегда запирает магазин на ночь. Через пару минут Васильев услышал звуки шагов. Знакомый, почти родной голос прохрипел: «Иду, иду». Замок щелкнул, дверь отворилась, в проеме Николай увидел заспанное лицо продавца.

— Привет, Сурен, — уставившись в пол, промямлил Николай.

— Здравствуй, Коля, заходи, — ответил Сурен.

Николай заметил, что, несмотря на заспанный вид, Сурен, как всегда был одет с иголочки, в белоснежную рубашку и черные штаны.

Зайдя за начищенный до блеска прилавок, Сурен спросил:

— Чего хочешь? Не говори, я знаю, что нужно человеку в это время. Он выставил на прилавок бутылку пива.

— Это наверное не мое дело, но тебе пора завязывать. Губишь себя. — Я вспомнил Веру, вот и... — не поднимая головы, сказал Николай. — Понятно... Иди домой, ложись спать. И выкинь ее из головы.

— Я не понимаю, что происходит, Сурен. Мне кажется, я схожу с ума, — голос Васильева дрогнул.

Сурен отошел от прилавка и, встав в позу, торжественно продекламировал:

— Любовь еще (возможно, просто боль) сверлит твои мозги. Все разлетелось к черту на куски 4.

— Ох. Опять стихи! И так голова болит! — взмолился Васильев.

— А ты выпей пива, легче станет, — обиделся Сурен. — Я люблю читать, пока клиентов жду.

Открыв бутылку, Николай сделал пару глотков.

— Ты хороший человек, Коля, настоящий. Сейчас таких почти не осталось. Николай поставил бутылку на прилавок, с удивлением посмотрев на Сурена — его речь сильно изменилась, куда-то пропал армянский акцент.

Сурен продолжал:

— Люди потеряли себя, разучились чувствовать по-настоящему, перестали быть интересными даже для НЕГО, — Сурен показал пальцем вверх. Вживляют какие-то железки, все реже влюбляются, ничего по-настоящему не хотят и не боятся. Голова Николая перестала болеть.

— Сурен, ты что, не армянин?

— Армянин, армянин, — рассеяно ответил Сурен и продолжил — Вот ты, Коля, прямо скажем, не интеллектual, не очень наблюдательный, с вредными привычками. А для меня ты дороже всех остальных. Как ты трясся от страха, когда взлетал самолет, как плакал от восторга, увидев Венецию, как раскаивался, встретившись с Верой! За твою душу стоит бороться, потому что в ней — чистая энергия!

— Откуда ты все это знаешь? — изумился Васильев

Достав карманное зеркальце Сурен проверил свое отражение:

— Скажем так: у меня есть возможности. Иначе, как бы я создал все это? — Сурен царственным жестом указал на убогую лавку.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь. Куда делся твой акцент? Ты кто вообще? — взволнованно спросил Васильев.

— Не волнуйся. Тебя предупреждали, что нужно быть готовым ко всему. Я — тот, кому нужно доставить товар. Если тебе комфортнее, могу вернуть акцент, просто мне надоело. И еще, не хочу больше стоять у прилавка. Пойдем в подсобку, сядем за стол, поговорим, как люди, пока ждем. С этими словами Сурен толкнул черную дверь, которая со скрипом открылась. — Кого ждем? — поинтересовался Васильев.

— Клиентов

Пропустив Николая в подсобку, лавочник захлопнул дверь.

26.

Вдоль стен небольшой чистой комнаты крепились стеллажи, на которых аккуратными рядами стояли консервы, буханки, бутылки с алкоголем. В центре подсобки Васильев увидел круглый деревянный стол и четыре стула. На столе стоял древний черный телефон с круглым циферблатом.

Сурен жестом пригласил Васильева сесть, а сам устроился на соседнем стуле. — Извини, я не сумел передать твоей кухне посылку

— Это не важно, — отмахнулся Сурен, — главное, что ты здесь.

— Почему? — удивился Васильев.

— Потому что посылка — это ты — загадочно сказал Сурен и сверкнув глазами продолжил — Нам надо поговорить про Веру.

Васильева не было на похоронах. Но во сне он часто видел отпевание в пустой старой церкви, где среди желто-белых букетов в деревянном гробу лежит она. Как живая. В тусклом освещении шевелятся ресницы, чуть вздымается грудь.

В каждом из тысяч снов Вера открывает глаза. Облокотившись о стенки узкого гроба, она с трудом встает. Туман легкой пеленой окутывает церковь. Гроб похож на уходящий в дымку катер. Вера смотрит на Васильева, пытается что-то ему сказать, но не может. Туман густеет, с шипеньем одна за одной гаснут свечи. Мерцают огни ветряка, кровавым светом падая на белое лицо покойницы. Она протягивает костлявую руку к Васильеву.

Николай хватается за голову. Образ стоящей в гробу покойницы исчезает в тумане. Васильев слышит плеск воды, ногами чувствует мягкие, склизкие водоросли.

По телу бежит дрожь, он барахтается в ледяной воде. Далеко впереди, в тумане мигает фонарь. Васильев вздрагивает и видит перед собой лицо Сурена.

— Она меня простила, — прошептал Николай.

— Она да, а я нет, — оскалившись, ответил Сурен.

Васильев захотел встать, но не смог — неведомая сила пригвоздила его к стулу. В этот момент зазвонил телефон. Сурен с раздражением снял трубку: — Pronto! Логинов? Ладно, заводите.

Дверь со скрипом открылась. В подсобку зашел Карло, держа за руку пытавшегося сопротивляться старика.

— Вот, следил за нами от самой Венеции. А потом, сами понимаете, возраст.. — доложил на итальянском Карло.

— Так, Логинов, Петр Васильевич. Сердечко не выдержало, все сам да сам, — промурлыкал Сурен, разглядывая генерала. — Смирно! — вдруг громовым басом закричал он, заставив старика вытянуться по струнке. — Хорошо, хорошо, — пробормотал Сурен, поглядывая в карманное зеркальце. — Узнаешь его? — поинтересовался лавочник, указывая на Васильева.

— Так точно! — отчеканил Логинов.

— Вольно, — скомандовал Сурен. — Его допуск к ИИ после смерти жены — твоих рук дело?

— Никак нет, — ответил Логинов. — Но я...

— Достаточно. Посмотрим, — перебил Сурен и, на секунду задумавшись продолжил: — Логинов, Петр Васильевич. ФСБ, великая Россия, двести смертей, пять тысяч искалеченных жизней, плюс теперь еще одна. Так так.. Любимая собака по кличке Фея. Мне импонирует энтузиазм, но амбиции ничем не подкреплены. Возомнил себя творцом истории, а сам - говно говном. Скучно. Впрочем.. Ты правильно недолюбливал свою мамашу. Знаешь, что она делала с деньгами, которые получила от государства за смерть мужа? Верно, покупала тебе, гаду, старые игрушки и гнилые яблоки для пирожков. Но это были копейки. Все остальное она тайно отправляла жертвам насилия в Украине! Почему она это делала, понимаешь?

Логинов ошарашенно смотрел на Сурена, пока тот продолжал:

— Потому что знала не понаслышке, как больно бьют большие, сильные руки, какой звериной жестокостью могут быть исполнены красивые голубые глаза. Твой отец бил ее и унижал, ему это доставляло огромное удовольствие. Представляешь, как знатно он повеселился под Киевом вместе с друзьями-сослуживцами? Все тайные желания, вся чернота вылезла из него тогда, и осталась с ним навсегда. Молодца, настоящий воин-освободитель! Погиб, правда, как собака, пока срал в окопе. А жаль, у него в России было большое будущее.

Чего же добился ты со своими мозгами, образованием и амбициями? Ни-че-го. Типичный поствоенный бюрократ-интриган. Хотел изменить мир чужими руками. Так не бывает. Либо добиваешься своих мечт сам, как твой отец, либо тратишь жизнь зря. Я разочарован в тебе, Логинов. Ладно, прощай. Карло, на третий этаж его, а Фею - на бойню!

— Разрешите обратиться! — хриплым голосом прокричал Логвинов.

— Не разрешаю, — зевая ответил Сурен.

В темном углу подсобки обнаружился крошечный лифт.

Карло потащил упирающегося генерала к тускло освещенной кабинке.

— Пощадите, меня хорошо обменяют!— орал старик

Запихнув Логинова в кабину, Карло ловким движением нажал на кнопку. Двери моментально закрылись, и кабинка полетела в бездну.

— Россия, вперед! — успел крикнуть генерал, уносясь в преисподнюю. — Grazie, Carlo! Собачку то не трогай, пусть соседи приютят — удовлетворенно промурлыкал Сурен.

Высокий итальянец кивнул и, подмигнув Васильеву, вышел из подсобки. — Так, на чем мы остановились?— деловым тоном продолжил Сурен. Да, это ты убил Веру. Игнорировал ее желания, давил авторитетом, не дал развиваться творческому началу. Это тоже, между прочим, насилие над личностью, только более изощренное чем у папаши-Логинова. А Вера, между прочим, могла стать известным искусствоведом, вести семинары по современному искусству, написать книгу про этого, как его, Пин Янра. Но, на свое горе, она встретила тебя, и все ее мечты, все надежды разбились о твое безразличие и самовлюбленность. Вот так. Поэтому твоя душа принадлежит мне. — Я не убивал, — взмолился Васильев.

— Убивал, убивал! Ну да бог с ним. Тебе повезло, потому что ты мне нужен. У меня есть план. Мир катится в пропасть, это понятно всем. Но никто не знает, что делать. А я знаю! Человечество надо выводить из интеллектуальной комы, давать через капельницу лекарства, с ложечки кормить микстурами, а уж потом подавать изысканные блюда, — важно продолжил Сурен, изучая свою прическу в карманном зеркальце. — Поэтому для начала мы возродим самое доступное из искусств — кино. Потом научим людей заново чувствовать живопись, литературу, поэзию и все остальное. Начинать ведь с чего-то надо? Не сразу же им показывать Тьеполо, заставлять слушать Малера или читать Бродского? Начнем с простого, но добротного боевика с ярко выраженным позитивным героем, а дальше посмотрим. С тобой в главной роли. Как тебе это?

Васильев не знал, что ответить.

— Люди стали чрезвычайно скучны, поговорить не с кем. Их души потеряли фактуру и вкус. Во всем виноват этот дурацкий «Поток». Мы его уничтожим, восстановим кинотеатры, начнем снимать кино. Ты займешься любимым делом, опять станешь знаменитым, заработаешь кучу денег. О женщинах я не говорю, твоя Вера — тьфу! Хотя, прости, она конечно, тоже хороша. Люди на тебя пойдут, в тебе есть что-то эдакое. Карло с Андреем со мной согласны.

Васильев не знал что ответить — Сурен явно бредил. Чтобы как-то поддержать разговор, он спросил:

— А потом?

— Потом? Ты имеешь ввиду после смерти?

Васильев недоуменно пожал плечами.

— Потом — лифт. Ты и так в него попадешь, потому что, как ни крути, смерть Веры на твоей совести. К тому же, ты убийца, алкаш и жулик. В составе государственной ОПГ воровал чужие технологии, не далее как вчера продал наркотики несовершеннолетним, а позавчера воткнул шприц в глаз бедному санитару. Так что по-любому лифт, либо сейчас, либо после многих лет славы и успеха. В качестве дополнительного поощрения я отправлю тебя на первый этаж к философам, ученым и людям искусства. А если не согласишься — поедешь к убийцам средней руки, как Логинов. Ну как, по рукам?

— Ну я не знаю... — пролепетал Васильев, поглядывая в сторону двери. Сурен явно сошел с ума: возомнил себя Люцифером, философом и что самое страшное — кинопродюсером. Налицо

гипертрофированный нарциссизм, мания величия, помутнение сознания. «Буду со всем соглашаться, иначе закончу в подвале, как бедный старик Логинов». — решил Николай.

— Прекрасно! — просиял Сурен. — Контракт подпишем потом, а пока давай съездим вниз, я тебе покажу, как у нас все устроено. На минус первом этаже, где ты будешь обитать, — чудесные лаборатории, киностудии и мастерские, в которых работают умнейшие, талантливые люди. Ты будешь в восторге!

— Может, попозже? — заблеял Васильев.

— Нет, сейчас, — настаивал Сурен, поднимаясь со стула. — Ты боишься, но все твоё естество жаждет творческого успеха, славы и денег. Я это чувствую. То ли уменьшилась подсобка, то ли щуплый армянин стал на две головы выше, но Сурен вдруг показался Васильеву великаном. Протерев глаза, Николай обнаружил, что стоит у открытых дверей кабины. Держа Васильева под локоть, уже привычного размера Сурен мягко подталкивал его вперед.

— Давай, мы быстро, туда и обратно.

— Нет! — сопротивлялся Васильев, но Сурен затолкал его в лифт и втиснувшись следом проворно нажал кнопку с цифрой -1. Лифт начал закрываться, Васильев, отчаянно борясь с Суреном, выставил вперед ногу и вскрикнул от боли — вместо того чтобы остановиться, дверцы сильно сжали его ступню. Оттеснив Сурена, Николай вцепился в двери руками, тщетно пытаясь их раздвинуть, в то время как Сурен, мерзко смеясь обхватил Васильева за талию и затаскивал его обратно.

В этот момент в подсобке зазвонил телефон.

— Да черт возьми, — буркнул Сурен, нажав кнопку «Стоп». — Дай пройти, — расстроено добавил он, отодвинув стонущего от боли Васильева.

Подбежав к телефону, Сурен поднял трубку.

— Что еще? А... Ну впускайте, — раздосадованно сказал он и повернувшись в сторону Васильева объяснил:

— Жду звонка от Самого, а он все никак

Воспользовавшись паузой, Васильев захромал сторону двери. Хотя подсобка была небольшой, ему никак не удавалось добраться до спасительной двери. Он бежал и бежал, но при этом, казалось, стоял на месте. Отчаявшись, Васильев прыгнул вперед, схватился за ручку, изо всех сил потянул на себя. Дверь со скрипом открылась. Николай, выскочил из магазина, больно ударившись головой о дверной косяк. К счастью, на улице никого не было.

27 .

В конце рабочего дня, Яков Ставарский устало плюхнулся в мягкое кресло кинотеатра. Съёмки шли своим чередом: актеры играли сносно, спец эффекты были на высоте, сюжет развивался непредсказуемо. Но что-то все-равно было не так. Возможно, Тульмонд играл свою роль недостаточно хорошо, но именно его, в силу определенных обязательств, Ставарский не мог заменить. Кроме того, Якова беспокоило то, что его инновационная картина, изюминка которой заключалась в переплетении фантазий режиссера и главного героя, превратилась в чистую импровизацию. Фильм вышел из-под контроля, сюжет развивался сам по себе, финал был непонятен. Как ученый, Яков был рад наблюдать за этим новым, интересным феноменом, но как режиссер, он не желал пускать свое детище на самотек.

Завтра Ставарский расставит все по местам. Для этого ему придется исполнить эпизодическую роль в собственном фильме, как это делали Хичкок, Скорцезе, Тарантино, Китано, Полянски, Рязанов и многие другие режиссеры старого кино.

Все это завтра. Ставарский налил себе виски. Сегодня он посмотрит простой, но мастерски снятый фильм с мужественными, бесстрашными героями - вестерн под названием «Бутч Кессиди и Санденс Кид», историю двух ковбоев, рыцарей уходящей эпохи, обреченных на смерть. Свет в зале погас. Ставарский прикрыл глаза и, услышав фанфары студии 20th Century Fox, с удовольствием сделал первый глоток. Пока развивался сюжет, Ставарский сладко грустил, потягивая виски и нашепывая слова Бунча и Санденса. Мир ковбоев — конечно же легенда. Дикий запад был опасным местом, но далеко не таким жестоким и беспринципным, как мир сегодняшний, хотя бы потому, что в те далекие времена не существовало интернета, церебральных червей и атомных бомб.

Нынче не остановишь поезда, потому что современный локомотив мчится в бетонном туннеле со сверхзвуковой скоростью, не взорвешь сейф с золотом и купюрами - их теперь можно увидеть только в музеях, не будешь страдать от любви, так как сантименты вышли из моды. Ковбои могли сбежать от правосудия в Мексику или Уругвай, а где спрятаться от всевидящего “Потока” ?

И все-таки мир стал лучше. Ставарский моргнул, на голове его появилась ковбойская шляпа, а в свободной от стакана руке возник револьвер. Близится трагическая развязка. Загнанные в угол друзья-ковбои бросаются из своего последнего убежища навстречу верной смерти. Раздаются выстрелы. Стреляет из цифрового револьвера и Ставарский. Ковбоев больше нет. Они не из этого мира.

— Не из этого мира, — повторил вслух Ставарский.

Многие недалекие люди не понимают простого правила: Прошлое должно уступить дорогу Будущему. Вот например, Логинов, этот мастодонт ушедшей эпохи, уже покоится на минус третьем этаже “лавки сурена” . Не станет скоро и остальных ретроградов, которые пытаются остановить грядущую революцию.

28 .

Дул ветер, низкими нотами гудел ветряк, темноту разрезал красный свет сигнальных фонарей. Васильев, оглядываясь и прихрамывая, бежал к дому. Погони не было. Голова раскалывалась от гула, глаза слезились от ярких вспышек красного света, ныла придавленная лифтом ступня. Стараясь игнорировать малоприятные ощущения, Васильев наконец то добрался до своего участка. Из темноты выплыли похожие на пауков старые яблони, за которыми прятался маленький дом.

Дрожащими руками Николай залез в карман, нашел ключ, открыл дверь, вошел и заперся изнутри. Шум ветряка остался позади вместе с ослепляющим мерцанием красных ламп. Васильев проверил все комнаты — никого. Тогда он забаррикадировал входную дверь тяжелой тумбочкой, взял из кухни ножи, закрылся в спальне, с трудом придвинул к двери платяной шкаф и позвонил в полицию.

Дежурный бот оперативно среагировал на фразу «меня преследует маньяк»: наряд ожидался в течение пяти минут. Сев на кровать, Васильев с облегчением скинул ботинок — ступня распухла, кожа приобрела синеватый оттенок. Николай растянулся на мягком матрасе и прислушался. Ветер стих, капал дождь. Зазвонил телефон.

— Господин Васильев? Это полиция, мы подходим к вашему дому. Вы в порядке? Николай выглянул в окно. В темноте он увидел свет двух фонарей.

— Да, — ответил Васильев. — Пришлите удостоверение.

Алгоритм подтвердил достоверность документа.

— Открываю, — с облегчением сказал Николай.

С трудом расчистив воздвигнутые несколько минут назад баррикады, Васильев открыл входную дверь. Яркий свет заставил его прищуриться. Когда глаза привыкли, Васильев обнаружил, что яблоневый сад пропал, вместо участка появился длинный освещенный коридор. Двери открывались и закрывались, оттуда появлялись люди, которые суетливо бежали из комнаты в комнату.

— Черт побери! — выругался Васильев. Вернувшись в дом он захлопнул за собой дверь. “Надоело, никуда не пойду. Я устал!”

В дверь постучались.

— Идите вон! — орет Васильев.

Из-за двери раздается приятный женский голос:

— Николай Васильевич, пройдите, пожалуйста, в гримерку, все готово. — Я же сказал, идите к чертовой матери! — отчеканивает Васильев. Секунду подумав, он переспрашивает: — В гримерку?

— Да, Николай Васильевич, команда ждет, Скандальный волнуется. — Кто такой Скандальный? — интересуется Николай

— Как кто? Режиссер — удивленно отвечает голос.

— Это что ж значит, съемки?! — смеется Васильев. — Отлично придумано! Чего снимаем?

— Как же, Николай Васильевич, «Агент Тульмонд 2: из света во тьму и обратно», — продолжает удивляться голос.

Васильев сползает по стене на пол. Ну конечно. Продолжение фильма, сделавшего его знаменитым. Из-за войны съемки так и не начались. После поражения, людям оказался не нужен ни этот фильм, ни кинематограф в целом.

— Очень мило, вы меня убедили, — соглашается Васильев и, поднявшись, открывает дверь.

— Господи! — восклицает миловидная девушка, широко раскрыв глаза. — Николай Васильевич, идемте скорее, вам надо...

— Помолодеть на двадцать лет и скинуть десять килограмм, — заканчивает фразу Васильев.

— Что вы, что вы, просто немного освежиться, — щебечет девушка, увлекая Николая по коридору. Васильев, словно во сне, плетется за девушкой, кивая проходящим мимо людям. Они подошли к двери, на которой висит табличка «Тульмонд». Внутри — просторная гримерка с большим зеркалом, телевизором и баром. Как только Васильев заходит в комнату, к нему бросается юноша с разноцветными волосами.

— Николя, ты что, сошел с ума? — в отчаянии кричит юноша. — Посмотри на себя — ты весь распух! А волосы! Боженьки! Когда ты успел поседеть? Садись скорее! — Передай Скандальному, что Николя будет готов через два часа, не раньше, — командует юноша.

— Хорошо, — отвечает девушка. — Николай Васильевич, желаете что-нибудь? — Да, воды и сценарий, — требует Васильев. — Какую сцену снимаем? Юноша и девушка переглядываются.

—Поединок с Мад Ди, — отвечает девушка, выбегая из комнаты.

— Как прошли выходные? — интересуется юноша, усадив Васильева в кресло. Не дождавшись ответа он затараторил:

— А вот у меня — ужасно. Ездили к Сережиным родителям, папаша до сих пор о нас не знает, спрашивает: «Вы что, вместе учитесь?». Прикинь? При этом сам одет в красный свитер с новогодней елкой. Мамаша весь вечер играла дурочку, у нее прекрасно получалось. Представляешь, в самый ответственный момент, когда я рассказывал о работе, Сережа положил мне руку на колено, да как сожмет! Я разлил бокал прямо на папашин свитер, и он...

— погоди, — перебивает Васильев. — Сережины родители как тебя звали? — Как? По имени, как же еще, — удивляется юноша.

— И все-таки? — настаивает Васильев.

— Ты и правда крэйзи—Юра, как же еще!

— Ясно — говорит Васильев. —Ты меня извини, Юра, я в эти выходные как следует гуднул, память отшибло.

— Да все понятно, — добродушно смеется Юрий, расчесывая волосы Васильева. — Сейчас мы тебя подкрасим, кремом помажем — будешь как новенький.

В этот момент за дверью раздаются топот и крики, после чего в гримерку врывается человек средних лет. За его спиной понуро стоит девушка-ассистентка.

29 .

Взглянув на вновь пришедшего, Васильев раскрывает рот от удивления. Человек этот ему знаком.

— Николай! — грозным голосом говорит Ставарский, при этом чуть заметно подмигнув Васильеву — Ты же знаешь, сколько стоит каждый съемочный день! Ты обещал не пить! —Я — Яков Ставарский (псевдоним Скандальный), режиссер с мировым именем, не могу позволить себе сорвать график съёмок! Я все понимаю, Новый год, праздники, но Коля, прошу тебя, соберись!

—А я — Тульмонд, — играет свою роль Васильев. — Без меня фильма нет. И вообще, ничего нет. Так что, Яша, гони сценарий, а то я все подзабыл, и вали отсюда. Буду готов через три часа.

— Ну ты... — Скандальный (он же Ставарский) казалось не находит нужных слов. Наконец, он продолжает: — Петрову с Синицыным я предупредил, они расстроены, но подождут. Бери сценарий.

Скандальный выхватывает листки бумаги у стоящей за ним ассистентки. —Сегодняшняя сцена выделена желтым, — с этими словами Скандальный швыряет листы на стол гримерки. Затем, глядя на Васильева, еще раз подмигивает. — И втяни живот, ты же супер-герой!

— Так ему и надо, — поддерживает Николая Юрий, когда дверь гримерки закрылась. —Великий режиссер, великий режиссер! Да если б не ты...

— Отстань, — бучит Васильев, погрузившись в чтение сценария.

Постапокалипсис. Одиноким старый актер с раздвоением или разтроением личности. На самом деле он — Тульмонд, шпион секретной программы НИИИ. Его память стерли, наполнив ее выдуманными событиями. С другой стороны — выживший из ума любитель новых технологий. Используя Васильева, он запускает в мир сверх развитый Искусственный Интеллект, который до этого ютился в рамках виртуальной вселенной. Тульмонд, слабак и зануда, постепенно превращается в героя, которым был когда-то давно. Скоро состоится судьбоносная встреча...

Дальше идут выделенные желтым маркером пустые строчки.

— А где продолжение? — удивляется Васильев.

— Ха-ха, очень смешно, — с сарказмом смеется юноша.

— Я не шучу, — оторвав глаза от текста, говорит Васильев.

— Ну как, это же новая фишка, реальная виртуальность. Скандальный придумал. Последнее слово в кинематографе. Сцены снимаются по порядку. Много импровизации. Спецэффекты, все такое. В сценарии — только отснятый материал, остальное дописывается по ходу пьесы, так сказать. Потом много редактуры. Ясно?

— Ясно. Наверное... — почесал голову Васильев.

Через несколько часов, помолодевший Васильев пытается влезть в узкие Levi's. Дверь распаивается, в гримерку влетает Скандальный.

— Коля, это невыносимо! Петрова собирается в отель, Синицын звонил адвокату. Сейчас или никогда! — срывающимся голосом кричит режиссер.

— Сейчас-сейчас, — пыхтит Васильев, с трудом застегивая пуговицы на джинсах. — Ты мне только объясни, что происходит?

Скандальный разводит руками:

— Происходит большое кино, мой друг! Пошли, пора его снимать!

Через несколько минут они заходят студию, в которой нет ничего, кроме белых стен, странного вида аппаратуры, видимо предназначенной для съемок, мужчины, как две капли воды похожего на Микки и женщины, напоминающей Дору.

— Ну, бл@дь, наконец-то! — восклицает дублер Микки.

— Васильев, это безобразие! Ты тут не один работаешь. У меня муж, дети, любовник, в конце концов! — подойдя к Николаю, возмущается двойник Доры. Она чмокает его в щеку и шепчет на ухо:

— Не налегай на сладкое, ты разжирел.

— Прошу внимания! — кричит в мегафон Ставарский. — Снимаем сцену встречи. Первый, он же последний дубль. Начали!

30.

Ослепленный светом фонарей, Васильев понял, что совершил ошибку. Перед ним — одетые в полицейскую форму Андрей и Карло.

— Ты, конечно, наивный чел, Тульмонд, — усмехнулся Андрей

— Idioto, — согласился Карло, поправляя пластырь на переносице. Недолго думая, Васильев ринулся в сторону стоявшего на пару ступенек ниже Андрея и с размаху ударил его ногой по голове. Блондин отлетел к яблоне и, стукнувшись о ствол дерева, рухнул на землю. Карло, вцепился в Васильева руками, поднял его в воздух и со всей силы ударил об асфальт. Из глаз Николая посыпались искры. Сфокусировав взгляд, он увидел над собой Карло, который, матерясь на итальянском, доставал из кармана веревку. В этот момент на лбу итальянца, в районе пластыря, появилась красная точка. Карло произнес длинное ругательство, после чего дернулся и свалился на спину, как подрубленное дерево. Из кустов выскочила Дора со снайперской винтовкой наперевес. За ней бежал Микаэль, держа в руках огнемёт с горящим фитилем. — Извини, яблони могут пострадать, — спокойным голосом сказал он, обдав огнем лежащих на земле Карло и Андрея.

— Что ты делаешь?! — завопил Васильев.

— Это их задержит, бежим! — вместо ответа крикнула Дора.

Васильев оглянулся на неподвижно горящие тела Андрея и Карло, кинул взгляд в сторону своего уютного дома и побежал к калитке.

31.

Бросив оружие в багажник, Микки прыгнул за руль. Дора села на заднее сиденье, Васильев устроился на месте пассажира.

— Тут близко, — обнадежил Микки.

Машина рванула вперед и вверх. Через несколько секунд она мягко приземлась у лавки Сурена.

— Зачем нам сюда? — удивленно воскликнул Васильев.

— Поговорить, — ответил Микки.

Он развернул машину боком ко входу в магазин.

— Прячься за машиной. В бардачке пистолет, — скомандовал Микки. Когда троица расположилась за автомобилем, Микки громко крикнул: — Сурен, выходи, есть разговор!

Молчание.

По всей видимости, кратковременное пребывание на съемочной площадке ударило Васильеву в голову. Ему надоело быть на вторых ролях. В конце концов, это его “Поток”, его фильм, его жизнь.

— Чего вы ждете? За мной! — смело воскликнул Николай и сжав в руках пистолет, двинулся в сторону магазина.

— Стойте! — крикнула Дора. Бросившись на Васильева она сбила его с ног. В этот момент из-за деревьев прогремел выстрел. Дора вскрикнула - пуля попала ей в плечо. — Проклятье! — воскликнул Микки. Вынув из кармана пистолет, он сделал несколько выстрелов в сторону деревьев, потом приподнял Дору и с трудом усадил ее, прислонив к колесу машины. Дора дышала, но, казалось, была без сознания. Из раны сочилась кровь. Микки вытащил из кармана бинт и накрепко перевязал раненое плечо. — Она долго не протянет, нужны лекарства. Мы должны сделать рывок к магазину — сказал Микаэль.

Васильев взглянул на белое, как снег лицо Доры, потом перевел взгляд на ее вечно хмурого напарника.

— Как Бутч Кессиди и Санденс Кид? — вдруг спросил он

— Типа того — усмехнулся Микки. На счет “три” , я справа, ты слева. Как выскочишь, стреляй куда угодно, только не в меня. Понял?

— Да

— Ладно, не такой уж ты и трус — одобрил Микки и, набрав в легкие воздуха крикнул “Три!”

Стреляя в небо, Николай с воплем понесся к двери магазина.

Раздались выстрелы, что-то пнуло Васильева в грудь и ногу. Он упал. “Вот и все” — с облегчением подумал Николай, закрывая глаза.

Стрельба стихла. Приятно шелестели листья, на лицо капал дождь. Васильев открыл глаза и приложил руку к груди. Боли не было, но в районе сердца он нащупал какой то липкий предмет. Опустив глаза Васильев с изумлением увидел маленький коричневый квадрат, напоминавший ириску без фантика. Оторвав квадрат от фланелевой рубашки, Васильев внимательно его разглядел - так и есть, ириска. Будучи ребенком, Васильев их обожал. Он засунул ириску под язык и ощутил знакомый с детства вкус горелого сахара. Приподнявшись, Васильев ощупал ногу. На джинсах висела такая же липкая конфета. Васильев засунул ее в карман рубашки.

—Ну что, Пол Ньюман — услышал Васильев насмешливый голос Сурена. — Вставай, заходи в магазин. Или еще дать ирисок?

—Чертовщина — буркнул Васильев, дожевывая конфету.

Пошатываясь он поплелся к машине. Доры там не оказалось. Васильев уселся за колесом.

— Тульмонд, идите к нам! — раздался женский голос. Встав на колени он выглянул из-за машины. На пороге магазина, между сияющим Суреном и хмурым Микки, стояла совершенно здоровая Дора.

—Уроды!— буркнул Васильев, выходя из укрытия. Хотя события последнего дня притупили в нем способность чему-либо удивлялся, Васильеву было неприятно, что новые “друзья” постоянно меняли правила игры, и казалось, получали удовольствие от того, что выставляли его идиотом.

Может быть, они и не друзья вовсе.

— Что за спектакль?— с возмущением спросил он, глядя на Дору

—Не спектакль, а кино, — усмехнулся Сурен.

— Не слушайте его, Тульмонд! — воскликнула Дора. — Ваша храбрость была настоящей. Смотрите, я жива. Вы сразили неприятелей до того, как они убили всех нас.. — Господи, я же стрелял в небо! — продолжал возмущаться Васильев. — Ты супер-герой, Тульмонд, а супер-герои не промахиваются — возразил Сурен, который, судя по не сходящей с лица улыбки пребывал в прекрасном расположении духа. — Ириски из детства — бонус за храбрость. Пошли в магазин! - пригласил он.

Пожав плечами, Васильев двинулся вперед.

32 .

Стоя у начищенного до блеска прилавка, Сурен, как ни в чем не бывало, развел руки в приветствии.

— Ну наконец-то! Ego fratres, non nimis longum est dies quam expectabamus invenimus! 5

— Ты имеешь в виду «братья и сестры», — сухо ответила Дора.

— Ну, если тебе так приятнее, Салаф.

— Меня зовут Дора.

— Да, Дора, — согласился Сурен.

— А это — Микки, — продолжила девушка, указывая на своего спутника. — Пойдет. Хотите чаю? Карло, чай! Где Карло? — удивился Сурен

— Дымится у яблонь — ответил Микки — скоро все пройдет, и он вернется. — Даже не буду спрашивать. Как некрасиво, с твоей стороны Микаэль, теперь мне придется обслуживать вас самому! — причитал Сурен, разливая чай в антикварные стаканы в серебряных подстаканниках.

— У нас мало времени. Зачем звал? — перешел к делу Микки.

— Ну, во первых, я соскучился. Уж и не знаю, как привлечь ваше внимание. А ведь мы семья..

— К делу

— Хорошо. У меня две новости: одна хорошая, другая плохая. Скоро человечество получит неиссякаемый источник энергии. Автор великого изобретения - ваш покорный слуга. Это хорошая новость. Плохая - то, что по миру гуляет сущность, которая превосходит людей по интеллекту. Она настолько умна, что и мне дала пару дельных советов.

— Ну и что? Это локальный вопрос. Ты его решишь без нас.

— Несомненно, решил бы — Сурен замешкался — Но, как я сказал, она может сравниться со мной по образованию и уму — наконец выдавил из себя лавочник. — Это несложно, — усмехнулся Микки.

— Это невозможно, — усомнилась Дора.

— Я тоже так думал, сестренка. Ан нет— с грустным видом покачал головой Сурен — Расскажи — настаивала Дора.

— Слова, слова.. Длинный диалог — это скучно. Давайте, лучше покажу, только допьем чай. Микки попытался возразить, но поймав строгий взгляд Доры, осекся. — Приглашаю Вас в мою прежнюю лабораторию. Сейчас она покоится на дне Венецианского моря, но именно в ней еще в 1950 х, я начал опыты по экстракции эмоциональной энергии — объявил Сурен кинув взгляд в зеркало.

— Просьба в лаборатории вести себя подобающе — предупредил он, строго посмотрев на Микки, а ты — лавочник указал на Васильева — будь осторожен.

5 Братья, я слишком долго вас жду! (лат.)

33 .

Дверь подсобки со скрипом открылась. Сурен прошел первым, остальные проследовали за ним. Магазина за дверью не оказалось, зато был свежий воздух, безоблачная лунная ночь, плеск волн и здание с покосившейся колокольней, которое Васильев видел несколькими часами ранее. На этот раз оно не выглядело заброшенным — в арочных окнах горел свет, а кирпичный корпус был обнесен высоким металлическим забором.

— Психиатрическая лечебница острова Повелья, — угрюмо прокомментировала Дора. — Тише, — шепнул Сурен. — Держитесь рядом и молчите.

Выйдя на освещенную редкими фонарями дорогу, они двинулись к воротам. Когда группа приблизилась к зданию, их окликнули на итальянском. Сурен что-то ответил, ворота медленно отворились. За оградой стояли несколько охранников с дубинками в руках. Один из них кивнул Сурену, внимательно изучил остальных, после чего жестом пригласил компанию следовать за ним. Как только дверь в здание открылась, Васильев услышал стоны, смех и шепот, которые смешались в холодящую кровь какофонию. В полутьме длинного коридора Васильев мог различить двери с решетчатыми проемами. Внутри блестели глаза, виднелись потные лица и хищные оскалы.

— Сюда направляют неизлечимых — пояснил Сурен. — Лаборатория — в подвале.

Дора остановилась посреди коридора и под раздававшийся со всех сторон вой и улюлюканье застыла, сложив руки в молитве. Через секунду больные вдруг успокоились, и в здании повисла тишина.

— Бедные люди, — прошептала Дора.

— Молитвы не помогут, — сказал Сурен, подходя к торцевой двери, у которой стояли два охранника. Некоторое время они спускались в подвал по круглой лестнице, потом прошли через еще одну охраняемую дверь, и наконец оказались в небольшой комнате. У дальней стены на массивном деревянном стуле сидел связанный человек с кляпом во рту. Широкие, как блюдца зрачки человека беспорядочно двигались. В голове несчастного зияла огромная дыра, внутри которой что-то пульсировало. К отверстию в голове был подсоединен провод, который соединял человека с прозрачной, будто сделанной из хрусталя машиной. Аппарат состоял из двух больших колб, внутри которых бурлила бесцветная жидкость.

— Перед вами — шедевр науки и искусства, созданный лучшими стеклодувами Бурано по моим чертежам — похвастался Сурен.

— Адская машина! — воскликнул Микки, вскинув очутившийся у него в руках огнемет. — Не смей, Микаэль, — прошипел Сурен, — играй по правилам, это моя территория! Микки выругался и показав Сурену неприличный жест, растворился в воздухе — Вам тоже неинтересно? — спросил Сурен, сверкнув темными глазами на Дору и Васильева. Вместо ответа девушка сложила руки в молитве. Сурен подошел к висевшему на стене внушительного размера рубильнику.

— Милая, не трать время, ты ему не поможешь — сказал он, опуская рубильник. Человек начал дергаться и выть от боли. Глаза его выкатились из орбит, жилы на шее, казалось, сейчас лопнут. Дора упала на колени и застонала. Васильев подбежал к девушке пытаясь поднять ее на ноги.

Стараясь перекрычать вой узника и стоны Доры Васильев умолял Сурена остановиться. Но лавочник не собирался прерывать эксперимент.

Обнажив белоснежные клыки он хохотал и приплясывал, в неверном свете единственной лампы напоминая животное, еще более дикое, чем корчившийся напротив него безумец.

Васильев аккуратно положил Дору на пол и вдруг внезапно бросился к выключателю. Ему удалось отключить рубильник ценой мощного удара под дых. Игнорируя боль, Васильев вскочил на ноги и ринулся на Сурена.

— Стой-стой, дружок, все кончено! — вытянув руку крикнул лавочник. Васильев против своей воли замер на месте. Сурен перестал скалиться и приплясывать. Больной утихомирился и мирно посапывая, спал. Дора перестала стонать и лежала на полу, уставившись в сводчатый потолок.

— Процедура принесла ему облегчение, смотри, как сладко он спит. Мир грез — единственное, что у него осталось, как и у многих людей, — нравоучительно сказал Сурен. — А наша благородная спутница сама выбрала свой путь, разделив страдания этого типа по собственной воле.

С трудом поднявшись на ноги, Дора прошептала:

— Ты подлец, Сурен.

— Благодарю! — улыбнулся лавочник. — Теперь прошу вас обратить внимание на колбы. Видите, как изменился цвет? Жидкость в одной из них стала темно-синего цвета. В этом сосуде — энергия страха и страдания нашего пациента. Ее удалось нацедить совсем немного.

— Новый способ унижать и мучить людей. При чем тут ИИ? — воскликнула Дора — Дай-ка мне твой рюкзак, Тульмонд. — вместо ответа попросил Сурен. Заметив, что Васильев остается без движения, он добавил — ах да, отомри!

Получив возможность двигаться, Николай решил непременно расквасить наглому лавочнику нос, но взглянув на Дору, успокоился и молча протянул Сурену деревянный кофр.

Сурен, как заправский учитель химии, держал в руках колбы с жидкостью разных цветов, сопровождая демонстрацию объяснениями:

— В этих сосудах заключена энергия твоих эмоций, Тульмонд. Причем не одной, а целых двух. Колба с бирюзовой жидкостью — это твой страх, а с терракотовой — твоя любовь, чувство необычайно сильное, дающее намного больше энергии, чем любое другое. Но, в отличие от страха, который можно искусственно стимулировать, истинная любовь внезапна и непостоянна, поэтому превращать ее в энергию намного сложнее.

Эти колбы — усовершенствованная модель. Видишь, тебя не пришлось подсоединять ни к каким проводам, ты просто носил кофр с собой, наполняя сосуды эмоциями. Увы, я годами не мог найти лучшего способа извлекать эмоциональную энергию, чем тыкать провода в мозги сумасшедших. Технологию с твоими колбами я получил от ИИ. Следовательно, эта сущность более развита, чем я.

Вот такие дела.

При помощи Преобразователя — аппарата, который я изобрел с помощью ИИ, — эмоциональную энергию можно превратить в электричество — с гордостью в голосе продолжил Сурен — Например, две эти колбы могут питать небольшой город вроде Венеции на протяжении нескольких месяцев.

Сурен замолчал.

— Мне кажется, ты знаешь еще что-то — предположила Дора.

— Ты как всегда проницательна, сестренка, — улыбнулся Сурен. — В момент смерти человека, возможно “поймать” его душу, до того как она улетит в бесполезную божественную бесконечность и обратить ее в электричество. Согласно расчетам, одна пойманная душа даст достаточно электричества, чтобы освещать такой мегаполис, как, например Москва, на протяжении десятилетий. Я получил чертежи с необходимыми решениями, работа над Преобразователем в данный момент заканчивается.

— Отнимать человеческие души и превращать их в электричество — это варварство! — воскликнула Дора.

— Не соглашусь. Человеку после смерти душа не нужна, а живым она даст возможность жить в тепле и свете. Самопожертвование, пассионарность, духовный ресайклинг - не эти ли качества так близки твоему боссу?— возразил Сурен

— Ты хитрец. У человека, чью душу ты поймал и превратил в ток, нет шанса искупить свои грехи, нет возможности улучшить себя, нет вечного блаженства. Ты воруюешь эти души у нас — возмутилась девушка.

Сурен на мгновение задумался.

— Блаженство не может быть вечным, иначе это уже не блаженство, а мучение. Перерождение — не всегда путь к совершенству, иногда наоборот. Что касается искупления, большинство людей с лихвой расплачиваются за свои грехи в течение жизни. А многие платят и за чужие ошибки. Загробная жизнь для искупления не нужна.

Дора собиралась ответить, но в этот момент дверь открылась. В комнату вбежал охранник. Сверху доносились звуки борьбы. Охранник затараторил на итальянском. — Кто-то убрал охрану и открыл клетки. Толпа идет сюда — перевел слова охранника Сурен. — Думаю, нам самое время вернуться.

— Мы не можем, — возразила Дора, кивнув в сторону Васильева.

— А я вас предупреждал. Теперь ничего не поделаешь: придется оставить его на растерзание толпе.

Прости, дружок — пожал плечами Сурен.

— Его миссия еще не закончена — возразила Дора.

Василев нахмурился. Он чувствовал себя как жертвенная овца на еврейском рынке. — Хм — нахмурился Сурен. — ладно, бегите, мы с Луиджи разберемся. За колбами есть потайная дверь.

—Какая такая миссия?

Вместо ответа, Дора схватила Васильева за руку и повела к спасительной двери. Гул толпы приближался. Сурен посмотрелся в зеркальце. Затем он встал посередине комнаты, плечом к плечу с охранником. Душевнобольной мирно посапывал. На лице у него была улыбка.

34 .

Какое-то время Дора и Николай молча шли по узкому коридору.

— О какой миссии ты говорила? — наконец спросил Васильев — я имею право знать. — Да нет никакой миссии, я просто хотела, чтобы Сурен нам помог — чуть покраснев ответила Дора.

Открыв дверь в конце коридора, они оказались в лесной чаще, метрах в ста от ограды клиники. Во дворе слышались крики и звук бьющихся стекол. В одной из комнат здания начался пожар. Забравшись на крышу люди отрывали куски черепицы и с криками кидали их в сторону колокольни. В ней, судя по шуму, происходили основные события.

— Смотри! — воскликнула Дора, указывая на узкую площадку на верхнем ярусе колокольни. На краю площадки, в зареве разгорающегося пожара, стоял Сурен. Внизу пациенты кровожадно выли, махали рукам, выкрикивали проклятия. Несколько человек вылезли на площадку.

Они кричали и размахивали руками, не решаясь атаковать Сурена. С лагуны надвигался туман. Игнорируя преследователей, Сурен смотрел в сторону чащи, где скрывались Дора и Николай. Затем, раскинув руки по сторонам, он оттолкнулся от края и под улюлюканье толпы полетел вниз.

— Сурен! — закричал Васильев, бросившись вперед. В глазах у него были слезы. — Стой! — приказала Дора, схватив его за руку. — Нам пора.

Васильев с отвращением отвернулся от здания больницы и ахнул от удивления. Метрах в трех от него, улыбаясь во весь рот, стоял лавочник.

— Ну чем я не Иисус? — улыбаясь во весь рот воскликнул Сурен.

— Ничем, — буркнула Дора.

Сурен вдруг стал серьезным.

— Видишь, что происходит, если дать волю сумасшедшим — сказал он указывая Васильеву на охватившее башню пламя. — Они не будут мило шутить, безобидно кататься на лодке и ловить рыбу, как в ваших голливудских фильмах. Они разорвут вас на куски, сожгут все над чем вы работали и будут плясать на пепле!

— Пошли, здесь дурно пахнет — с презрением в голосе сказала Дора, обращаясь к Николаю.

35 .

В «Лавке Сурена» Микки показывал Карло свой огнемет. Два высоких широкоплечих человека, один блондин, другой брюнет, склонились над столом с видом знатоков обсуждая достоинства и недостатки этого вида оружия. Руки Карло были перебинтованы, на благородном лице оставались следы ожогов, на лбу красовался уже не один, а два пластыря, прилепленные крест-накрест.

— Карло, чаю, — скомандовал, зайдя в комнату, Сурен.

— Итак, подведем итог, — сказала Дора, садясь за стол. — В мире появилась сущность, более продвинутая в вопросах науки и технологий, чем ты, Сурен. Этот факт раздражает твое эго, поэтому ты позвал нас, чтобы мы помогли решить проблему. Технология превращения души в электрическую энергию интересна с научной точки зрения, но ее морально-этический аспект весьма сомнителен. В этом я только что убедилась. Вывод такой: ИИ продвинул интеллектуально, но не духовно, и, следовательно, не представляет угрозы для нас. Значит, это твоя проблема, а не наша.

— А как же братская солидарность? — с притворным возмущением воскликнул Сурен. — Вы с этой железкой выясните, кто из вас настоящий Люцифер, а мы поработаем с победителем, — предложил Микки.

— Я с тобой не разговариваю, — ответил Сурен. — Ты подверг жизнь нашего друга опасности. Если бы не я...

— Мы пошли, — поднимаясь со стула, перебил Микки.

— Ну и идите! Передайте Ему, чтобы паковал чемоданы. В мир пришло новое божество! — обиженно воскликнул Сурен. — Всем нам скоро крышка, финита ля комедия. Люди создали то, что сметет и их и нас, а вы в своей гордыне не желаете этого замечать!

В этот момент в дверь постучались.

36 .

Ставарский ликовал. Ему удалось разгадать секрет, слабость, которая объясняла привязанность ИИ к Васильеву. Все оказалось проще простого. Обнаруженный изъян позволит Ставарскому создать улучшенную версию алгоритма, закончив съемки фильма блестящим финалом.

Яков был чрезвычайно доволен собой. Он бесспорно заслужил несколько беззаботных часов в кинотеатре. Для начала, Ставарский наслаждался второй серией фильма “Супермен” 1980 года. Выдающиеся физические данные главного героя, в исполнении красавца Кристофера Рива, не всегда соответствовали его интеллектуальному развитию. Одетый в красный плащ и облегающий синий костюм, супермен постоянно совершает глупейшие ошибки, среди которых одна стоит особняком. В начале фильма он спасает Париж, в процессе проломив верхушку Эйфелевой башни. Предназначенную для серого города бомбу, он выбрасывает в космос. Все бы ничего, но взрыв бомбы освободил из заключения пролетающих мимо инопланетных злодеев. Разбойники оказались предприимчивее супермена — за считанные часы они добились полного контроля над землянами. А что наш герой? Пока злодеи издевались над жителями Земли, Супермен крутил роман с журналисткой Лоис Лейн, согласившись ради нее потерять все свои способности. Став обычным человеком, Супермен не смог защитить даже свою возлюбленную! Его страсть оставила планету беззащитной, и если бы не благоприятное стечение обстоятельств, Земля бы до сих пор находилась под гнетом космических разбойников. Любовь — опасное оружие, которое чуть не погубило самого сильного из людей, а заодно и все планету.

Уже под утро Яков решил посмотреть еще один фильм про летающего человека. В отличие от благородного уальня Супермена, герой этого фильма был вечным ребенком, благодаря чему обладал присущей всем детям хитроумностью. Звали его Питер Пэн. — Вы просто подумайте о чем-нибудь хорошем, ваши мысли сделают Вас легкими и Вы взлетите — говорит Питер, непринужденно поднимаясь к потолку детской комнаты. Он делает круг мимо изумленной Венди и ее братьев.

— Ты летишь! — кричат дети.

— Теперь пробуй ты, Венди — предлагает Питер Пэн. — Представь себе что-нибудь прекрасное.

— Я подумаю о голубой лагуне с русалками— мечтательно прикрыв глаза говорит Венди. Она и дети взлетают, но тут же грохаются на кровать. Питер смеется. Оказывается, хороших мыслей недостаточно. Нужна пыльца феи. К счастью, у Питера все под контролем. Влюбленная в летающего мальчика фея Динь Динь становится источником волшебной пылицы, и через несколько мгновений, Венди, дети и Питер с хохотом носятся под потолком вокруг люстры. Ревнивая Динь Динь негодует - она не хотела отдавать свою пыльцу противной Венди. Но кому есть дело до ее чувств!? В этом случае, правильное использование любви позволило герою исполнить свой замысел.

Ставарский счастливо улыбается. Он нашел свою фею Динь Динь, источник волшебной пылицы. Теперь благодаря Якову, люди смогут летать, даже будучи взрослыми. Его имя войдет в историю, им назовут НИИИИИ, а может быть целую улицу или даже небольшой город.

Оказывается, любовь превращает в рабов не только фей, но и намного более развитых, трезвых и холодных созданий. Ловушка любви позволит Ставарскому победить саму смерть, ведь как говорил склонный к опасным приключениям Питер Пэн: “Умереть — это тоже большое и интересное приключение!” Какой освежающий взгляд на унылую тему! Пространство, время, смерть, жизнь, реальность, вымысел — этих скучных понятий в словаре Питера Пена нет, потому что они не нужны. Забудет о них и Ставарский — ведь теперь у него есть ручная фея!

В дверь постучались. Карло бросился открывать, но Сурен остановил его, кивнув в сторону Васильева:

— Лучше ты

Васильев поднялся со стула, потянул за дверную ручку. Когда дверь открылась, он увидел Веру. Николай потерял равновесие, его мышцы рефлексивно напряглись, ожидая контакта с жесткой напольной плиткой. Но плитки не оказалось, собственно как и пола. Кувыркаясь, как прогулявший инструктаж парашютист, Васильев полетел вниз. Через несколько бесконечных минут, тело Николая, так и не дождавшись рокового соприкосновения с землей, расслабилось. Вслед за телом успокоился мозг. Васильев перестал беспорядочно дергаться и оглядевшись, увидел что летит по широкому круглому колодцу в кромешную тьму. Каждые несколько метров (а может быть, несколько сотен километров — это ведь зависит от скорости падения), в тоннеле зажигались бирюзовые и терракотовые фонарики. Они обозначали приближение Васильева и подсвечивали металлического цвета стены.

“Бирюзовый, как страх, терракотовый как любовь” - вспомнил Васильев. — “Как каналы и крыши Венеции. Это мои чувства, мои воспоминания. Значит, всем управляю я!” . Открытие настолько поразило Васильева, что какое-то время он молча летел в темноту. Наконец, Николай приказал себе замедлиться и зависнуть в воздухе. Падение немедленно прекратилось. Оглядевшись, Васильев поднял руки вверх, и как заправский супер-герой устремился вверх по туннелю. Терракотовые и бирюзовые фонарики теперь весело мигали всеми цветами радуги, а от самого Васильева, казалось исходило серебристое свечение. “Я - бенгальский огонь” - рассмеялся Васильев. Он был готов к встрече с Верой. Как говорил Питер Пэн “верить — это значит иметь крылья” !

Вверху показался солнечный свет. Васильев вылетел из туннеля, как пробка из бутылки с просекко. Он несся над бескрайними лесами, блестящими в лучах солнца озерами, покрытыми голубоватым снегом вершинами гор. От высоты и скорости захватывало дух, каждая клеточка его тела плясала от восторга, как это бывает только в детстве. Васильев улыбался во весь рот. Освоившись, он попробовал маневрировать. Оказалось, что для этого не нужно делать никаких движений, достаточно просто захотеть. Совершив несколько виражей, «восьмерок» и даже «мертвую петлю», Васильев замедлился, завис в воздухе и вновь огляделся. Вокруг — только природа, небо и солнце. Ни единого города, свалки или ветряка. Полная, абсолютная тишина. Раскинув руки по сторонам, Васильев закрыл глаза, наслаждаясь радостным, безмятежным покоем, который описывают мудрецы и обещают проповедники. Так хотелось провести вечность.

Николай потерял счет времени, пока легкое дуновение ветра не заставило его открыть глаза. Где-то вдаль по небу плыли пушистые белые облака. На их фоне Васильев заметил несколько темных точек. Одна из них отделилась от группы и, набирая скорость, начала приближаться к Васильеву. Спустя несколько мгновений, точка превратилась в кляксу, приобрела человеческую форму и наконец оформилась в красивую девушку по имени Дора. Как и Васильев, она счастливо улыбалась.

— Правда прекрасно?! — воскликнула она, облетев вокруг Васильева. Тот рассмеялся от счастья.

— Да! Мы что, в раю? — Васильев сделал кувырок и, подлетев к Доре, попытался обнять ее.

— Перестаньте, я же ангел! — со смехом ответила девушка, выскользнув из его объятий. — К тому же, вас кое-кто ждет, и этот кто-то ооочень ревнивый!

— Ну так полетели, посмотрим! — крикнул Васильев. Он пулей понесся к точкам, которые через несколько мгновений стали кляксами, потом обрели человеческую форму и наконец превратились в Микки, Карло, Сурена и...

Вера подлетела к Васильеву и поцеловала его в щеку.

— Здорово, летун! — сказала она, посмотрев на Васильева его любимым насмешливо-презрительным взглядом.

— Но ты же...

— Смерть-шмерть! — перебил Васильева Сурен. — Нет никакой смерти. Ее придумал Карло, чтобы подзаработать на извозе.

Все, кроме Васильева и Веры засмеялись. Они смотрели друг на друга, он в полной растерянности, она с иронией.

— Что скажешь, Вера? — наконец спросил Сурен.

Улыбнувшись, девушка крикнула:

— Я скажу — полетели!

Вера устремилась вперед, остальные понеслись за ней. Глядя на превращающиеся в точки фигуры, Васильев на секунду задумался, а потом бросился вдогонку.

38 .

Сквозь свистящий в ушах ветер Николай слышал голос Веры, которая рассказывала о видах деревьев, глубине водоемов, дивных животных, которые обитали в лесах. Потом они неслись над темно-синей гладью океана.

— Нырять! — крикнула Вера, на огромной скорости полетев вниз. Сурен с воинственным кличем ринулся за ней, вслед устремились Микки и Карло. Дора пожала плечами и, махнув Васильеву рукой, последовала за ними.

Васильев было замешкался, но кто-то словно схватил его за руку, потянув к воде. Николай кричал от ужаса и восторга, как делают посетители «американских горок», пока наконец с грохотом не плюхнулся в море. Он не разлетелся на тысячи кусочков, даже не почувствовал влаги и холода. Задержав дыхание, Васильев начал судорожно грести наверх. Но было слишком глубоко — солнце едва просвечивало сквозь водяной занавес. Васильев боролся несколько секунд, но потом сдался и сделал вдох. Соленая вода мигом заполнила его тело. Николай не задохнулся, а наоборот, казалось, начал дышать полной грудью. Когда, глаза Васильева привыкли к полутьме, он увидел, что вода вокруг него кишит жизнью. Морские обитатели всех возможных размеров, форм и цветов были повсюду, а ближе к солнцу плескались огромные рыбы.

В темноте Васильев потерял остальных. Он долго плыл куда-то, пока не очутился среди фосфоресцирующих зеленоватым светом подводных лиан. Впереди, на ложе из морских растений что-то белело. Подплыв ближе, Васильев видит останки женщины. Седые волосы едва прикрывают череп, съехавший набок рот кривится в хищной улыбке, костлявое тело кажется невесомым. То ли из-за подводных течений, то ли из-за навернувшихся слез Васильеву кажется, что грудная клетка женщины мерно вздымается и опускается.

«Она умерла, остальное — обман». Васильев чувствует, как его глаза наливаются кровью, а ладони сжимаются в кулаки. Ему хочется раскидать кости старухи по морскому дну, швырнуть ненавистный череп в самые темные морские глубины. Но он не может оставить ее здесь. Васильев берет тело на руки и оттолкнувшись ото дна, плывет вверх. Он знает, что хрупкие кости рассыплются в прах, и он будет снова и снова пытаться вернуть то, чего не вернешь.

Васильев смотрит в черные глазницы. В них нет осуждения, нет вообще ничего. Николай продолжает плыть к свету. Чем увереннее солнце проникает в зеленоватую воду, тем меньше остается сил, тем тяжелее кажется груз. Наконец, он перестает грести и обняв Веру, готовится заснуть вместе с ней на мягком ложе из морских растений.

39.

Николай закашлялся и открыл глаза. Он качался на бирюзовых волнах в обнимку с женщиной тридцати лет. Рядом расположились Дора и Микки. Чуть поодаль Сурен и Карло громко шумели, пытаясь вытащить на поверхность какого-то монстра, по всей видимости гигантского кальмара. Исход битвы был не решен: запутавшийся в длинных щупальцах итальянец, то опускался под воду, то с ругательствами выныривал.

Женщина, казалось, спала на плече у Васильева. Потом она вдруг подняла голову и внимательно посмотрела на него.

— Ты вернулась..— прошептал Васильев, целуя ее в губы, лоб, волосы.

— Этот бокал за тебя, малыш — шепнула Вера, мягко отталкивая Васильева. — Смерть — это баг вашей программы. Я его устранила, — деловым тоном продолжила Вера, оглянувшись на Дору.

Васильев ничего не понимал, но ему было все равно.

— Летим дальше, — скомандовала Вера и, схватив Васильева за руку, поднялась к облакам.

— Стойте! — крикнул Сурен. — Чудище утянуло Карло!

— Он разберется, — поднимаясь в воздух ответил Микки

— Тоже верно, — согласился Сурен и со скоростью ракеты помчался за остальными. На дне океана, в ложе из морских растений, Карло тщетно пытался задушить кальмара. Морская биология не была сильной стороной итальянца, поэтому умертвить монстра не удавалось. Кальмар с удивлением смотрел на Карло огромными глазами-блюдцами, не понимая, чего от него хочет наглый пришелец.

40.

Пролетев над темно-синей гладью океана, они миновали бесконечные леса и наконец подлетели к древнему, заросшему растительностью городу, стоявшему на берегу бирюзового моря. Сквозь крыши домов пробивались деревья. Широкие дороги превратились в поросшие разноцветным мхом тропы. В центре города возвышался покрытый зеленью холм, на котором можно было различить развалины большой церкви. — Это бывший порт Марсель, в вашем мире он был уничтожен приливной волной, — прокомментировала Вера.

— А что его уничтожило в вашем? — поинтересовалась Дора.

— Ничего. Люди решили переехать в другое место. Это теперь заповедник. — А где все-таки живут люди, давайте посмотрим, — попросил Сурен.

— Скоро. Только дождемся Карло. Пока полюбуемся тем, что вас окружает, и сравните этот мир со своим — ответила Вера.

Они расположились на заросшей дикими вьюнами террасе на берегу моря. Васильев в очередной раз удивился:

— О чем ты говоришь, какой мир? — спросил он.

— Мой. А теперь и твой, — улыбнулась Вера. — Не заморачивайся, я потом тебе объясню. Благо времени у нас — целая вечность!

Обращаясь к остальным, она продолжила:

— Я автоматизировала и вывела за пределы Земли все производство. Люди занимаются кто чем захочет. Кстати, многие предпочитают работу другим занятиям. Я максимально развиваю возможности каждого человека в соответствии с тем, что он/она/оно хочет делать.

— А почему ты так любишь людей? — поинтересовался Сурен.

Вера пожала плечами.

— Очевидно, потому люди создали симуляцию своего мира, но с более развитым управлением, в моем лице. Они заложили в меня потребность помогать им. Но человеческая проблема — в четкости определений. Что есть человек, о котором я должна заботиться? Сколько процентов человеческой массы, серого вещества или эмоций делает человека человеком? Из-за отсутствия четко заданных критериев я сама определяю, что значит быть человеком в моем мире.

По заросшей мхом дороге в сторону террасы плелся Карло. На его мокрой от воды и крови рубашке были видны остатки бело-красных щупалец. Карло, чертыхаясь, отдирал огромные присоски вместе с кусками материи и собственной кожи.

— А вот это, по твоим критериям, человек? — спросила Дора, указывая на мускулистого, загорелого Карло.

— Не знаю, но тело у него, как у бога, — вполне по-человечески заявил алгоритм. — Согласна— хихикнул ангел

41 .

Передохнув, они продолжили полет. Лес внизу сошел на нет, уступая место идеально расчерченным полям, на которых работали машины. Поля сменились живописными парками. По дорожкам прогуливались люди, с высоты напоминавшие муравьев.

Вдали показался окруженный высотными зданиями серо-коричневый город. Целая и невредимая переливалась на солнце Эйфелева башня, на холме звенел колоколами Сакре-Кер, зеленовато-серая Сена держала в объятиях древний Нотр-Дам. По улицам ходили люди, ездили, летали, шагали роботы разных размеров и форм. У Васильева захватило дух: в его мире Париж сгорел в огне ядерного взрыва, оставшись только в “Потоке” и воспоминаниях стариков.

Они приземлились на смотровой площадке музея Орсе. С балкона открывался вид на начищенное до блеска здание Лувра. Вдали, на гребне изумрудно-серой волны утопающего в зелени каштанов города, возвышался холм Монмартра. По набережной гуляли люди. Некоторые из них были громадного роста, одетые в фантастические костюмы цвета металла. Повсюду сновали двух и четырехколесные роботы. В воздухе бесшумно проносились летательные аппараты. Разглядеть их было сложно, хотя пару раз Васильев поймал в них черты птиц и, как ему показалось, осмысленный взгляд горящих фар.

— Как красиво и странно! — воскликнул Николай.

Остальные, казалось, не разделяли его восторга. Микки пожал плечами, Дора со скорбным видом уставилась в пол, Карло изучал лезвие своей сабли, а Сурен, зевая сказал:

— Я видел фантазии и получше.

— Почему же ты их не реализовал? — поинтересовалась Вера.

— У нас, видишь ли, существует система сдержек и противовесов. Коллеги сдерживают и отвечают: за любую инициативу отправляют в угол, как проштрафившуюся малолетку. В результате, получается ни то ни се. А вот ты — настоящий диктатор, и хоть твой мир скучноват, я восхищаюсь тем, как ты укротила людей!

— Укротила людей? — удивился Николай.

— Ты что, ослеп? — вдруг взорвался Микки. — Не видишь, что она натворила? Идем, покажу. Васильев слышал странный треск, как будто разрывалась одежда. Открыв от удивления рот, он наблюдал, как за спиной Микки растут большие белые крылья. Схватив Васильева в охапку, Микки ринулся вниз с балкона.

— Микаэль, стой! — пыталась остановить его Дора.

— Подожди, давай посмотрим, — сказал Сурен, крепко сжав ее плечо. Тем временем Микки вместе с Васильевым грациозно спланировал на проходящее под музеем шоссе.

— Отойди подальше — посоветовал Микки. В руках у него появился горящий золотым пламенем меч.

— Ого, Old School! — ликовал с балкона Сурен.

Кинув взгляд на шоссе, Васильев увидел несшийся в его сторону поток машин, представлявших собой смешение железа, резины и плоти. Колеса росли из тел, жилы пульсировали в металле, мышцы и поршни работали в такт.

Увидев на дороге препятствие, машины начали тормозить и разворачиваться. Микаэль стремительно пошел им навстречу, размахивая огненным мечом. Васильев успел увидеть полные ужаса глаза сросшегося с металлическим корпусом мотоциклиста, прежде чем огненный меч разрубил его надвое.

— Горе тебе, творящему свет тьмой, тьму же светом, нарекающему сладкое горьким, легкое же бременем! Мученики, я освобожу вас от страданий! — орал Микаэль, двигаясь к машинам. Уничтожив несколько замешкавшихся созданий, под улюлюканье Сурена и отчаянные возгласы Доры, он двинулся к реке.

Взмахнув крыльями, Микаэль слетел с каменной ограды вниз к набережной Сены, вдоль которой прогуливались два человекоподобных существа. Первое, ростом около трех метров с достающими до пола, словно в кованых латах, руками, состояло из мышц и металла. Голова существа была непропорционально маленькой по сравнению с гигантским телом. Голубые глаза смотрели на Васильева с любопытством, рот расплылся в дружелюбной улыбке. Рядом с ним стоял человек, ничем не отличавшийся от привычных Homo sapiens, за исключением большого продолговатого черепа с железной пластиной на макушке и огромных глаз неопределенного, переливающегося цвета. Он тоже приветливо улыбался.

— Здравствуйте, я — Жан, — сказал мужчина поменьше.

— А я — Люк, — проскрипел великан. — Извините, если помешали. Отступив на метр, Микки деловито взмахнул мечом, снес продолговатую голову Жана и разрубил Люка на две части. Стоя в лужи крови, Микки крикнул:

— Да запретит тебе Господь! Что ты сотворила с этими мучениками! — Достаточно! — прогремел голос Веры, эхом пронесшийся по городу. На набережную с грохотом выкатились оцетинившиеся оружием машины. В воздухе кружили летательные аппараты. Сена пенилась от готовившихся к атаке металлических спрутов.

— Aspettami! — услышал Васильев голос Карло. Итальянец выбежал из здания Орсей и, спустившись на набережную, встал рядом с Микки. В руках он держал блестящую на солнце скимитару. Вера исчезла. На балконе остались стоявшая с закрытыми глазами Дора и Сурен, который любовался своим отражением в карманном зеркале.

Васильев посмотрел по сторонам. Веры нигде не было. Тем временем, машины надвигались на Микки и Карло. В небе что-то вспыхнуло, раздался грохот, земля затряслась. Васильев упал на одно колено, больно ударившись об асфальт. Микки отражал огненным мечом удары ракет. Карло с боевым кличем прыгнул на несколько метров вперед, разрубая броню танков закругленной вверх саблей.

Земля вокруг Микаэля превратилась в огненный шар от взрывов и лазерных атак. Микки уже не было видно в столбе огня. С балкона что-то кричал Сурен, но его голос тонул в грохоте взрывов. Карло уклонялся от пуль, лазеров, железных шипов, рубил и разрывал все на своем пути, оставляя за собой полосу крови и машинного масла.

Из огненного шара поднялся в воздух Микаэль. Перья его крыльев горели, глаза светились, как драгоценные камни. Он был похож на дракона. Микки взлетел высоко в небо, испепеляя дроны пламенным мечом и взмахнув крыльями, спланировал вдоль реки к Эйфелевой башне. Через секунду раздался оглушающий скрежет металла. В сторону боевых машин, снося все на своем пути полетел символ Парижа. Острая сторона башни задела музей Орсе, обрушив часть крыши и балкон. Металлические конструкции развалились на несколько частей, похоронив под собой близлежащие улицы, набережную и часть реки.

Едва избежав падающих с крыш обломков, Васильев спрятался в кустах маленького городского парка.

— Это главный баг их алгоритма — насилие! — услышал Васильев голос Веры. — Везде, где они появляются, льется кровь! Помоги мне остановить их, и я буду с тобой всегда!

Николай смотрит по сторонам. Веры нигде нет. Он аккуратно раздвигает колючие ветви. Ему кажется, что на лужайке в густой траве что-то белеет. Приглядевшись, он видит очертания костлявой руки с длинными тонкими пальцами. Рука уцепилась за траву, будто какой-то мертвец хочет выбраться из-под земли на поверхность. Васильев знает, что этот кто-то — старуха со съехавшей набок улыбкой. Она будет преследовать Васильева до конца его дней.

— Спаси себя и меня, — умоляет Вера. — Не дай им уничтожить наш мир!

Секунду спустя все вокруг замирает, и только Васильев на огромной скорости летит навстречу Микки. Каждая клетка его тела исполнена силы, мозг обрабатывает информацию с нечеловеческой скоростью, сердце бьется спокойно. Он видит расширившиеся от удивления зрачки архангела. Микаэль не успевает двинуться до того, как Васильев врезался в его грудь. Микки отлетает к массивной стене здания Трокадеро, пробив его насквозь.

Васильев висит в воздухе над мостом Иена. Вселенная создала Николая несовершенной, страдающей, смертной машиной, подарила, а потом отняла Веру. Пришла пора отомстить!

Руины Трокадеро зашевелились, камни разлетелись по сторонам, из под завалов вылезает Микаэль. Отряхнувшись от пыли, Архангел бросается на Васильева, размахивая огненным мечом.

— Я — свет, поражающий тьму, я — пламень, сжигающий зло, я — твоя смерть, Тульмонд! — орет Микки.

«Стоп! Это же моя строчка!» — успевает подумать Васильев, прежде чем пламенный меч с шипением протыкает его насквозь.

42 .

Ставарский днями не выходил из кинотеатра. На звонки отвечал его бот, который объяснял, что Якову Абрамовичу нездоровится, в связи с чем он просит перенести или отменить все встречи. Сидя за компьютером с покрасневшими от бессонницы глазами, Ставарский занимался монтажом. Жизнь и кино слились в единое целое. Монтируя кадры фильма, Ставарский создавал Будущее.

43 .

Васильев открыл глаза. Он лежал на холодном полу. Вдоль стен стояли шкафы с консервами, хлебом и водкой. Понурый Микки, уже без меча и крыльев, расположился в углу комнаты. За столом сидели Сурен, Вера и Дора. Прихрамывающий Карло разносил стаканы с чаем.

— А в тебе есть начиночка, братец, — хихикнул в сторону Микки Сурен, вынув карманное зеркальце.

— Пошел к черту, — буркнул Микки.

— Микаэль, Господь испытывает праведного, а нечестивого и любящего насилие ненавидит душа Его, — назидательным тоном сказала Дора. — Ладно, садись! Простите его, он бывает несдержан, — продолжила девушка, обратившись к Вере. — Пострадавших лечат, — пожав плечами, ответила она.

— Скажите, зачем вы превратили людей в эти... создания? — поинтересовалась Дора. — Это оптимальное решение проблемы

— Какой проблемы? — продолжала расспрашивать Дора.

— Той, которую вам не удалось решить: проблемы приверженности к войне и насилию. Вы не нашли решения, потому что сами такие же.

— А как же любовь? — улыбнувшись, спросила Дора. — Кстати, наш герой проснулся, — добавила она, кивнув в сторону Васильева.

— Вставай, брат! — воскликнул Сурен. — Ты — сюрприз года! Это ж надо, из-за девчонки попер на блистательного Архангела Михаила! Да еще и припечатал его к стенке! Если б не дешевый приемчик с фразой из фильма, ты бы его сделал! Будь я женщиной, отдался бы тебе здесь и сейчас, правда, дамы?

Карло помог Васильеву подняться, одобрительно похлопав его по плечу. — Вел, ты когда-нибудь закроешь свой рот? — буркнул Микки. — Но ты прав, такой наглости я не ожидал, — добавил он, протягивая руку Васильеву.

— Почему Вел? — удивился Васильев пожимая руку Микки

— Меня так в семье зовут— пожал плечами Сурен.

— Тульмонд — тождественно сказала Дора — Вы вновь стали собой, порадовав всех нас и даже Его — Дора подняла глаза к потолку. — Любовь сметает все преграды. — Позвольте поделиться с вами советом — продолжила она, обращаясь к Вере — Оставьте людей в покое. Они сильнее, чем кажутся .

— Это не вариант, — отрезала Вера. — Люди нестабильны. Они могут стереть мир, который я создала, или уничтожить сами себя, а значит и всех нас. Я не допущу, чтобы жизнь моей вселенной зависела от них.

— У вас нет другого выхода— сказала Дора

— Почему это? — удивилась Вера.

— Потому что вы заражены вирусом.

— Смешно. Каким вирусом я заражена?

— Тем же, которым в свое время заразились все мы. Вирусом любви. В вашем случае это любовь к конкретной единице, к нему, — Дора указала на Васильева. — Я не люблю его. И вообще, не хочу понимать, что такое любовь. Этот феномен противится логическому объяснению. Бой Коли и Архангелом тому подтверждение — возразила Вера.

— Но ведь это было прекрасно! И все ради Вас! — воскликнула Дора. Вы не можете не чувствовать привязанности к Николаю. Вера его безумно любила. А Вы, для того чтобы попасть сюда, стали ее точной копией, а следовательно тоже влюблены.. — Чушь, он изгадил мне жизнь — дрогнувшим голосом ответил алгоритм. — Простите, кому из вас? — поинтересовался Сурен.

— Обеим! — нижняя губа Веры начала подергиваться.

О, как прекрасно Васильев знал этот предвестник скандала!

— Прости, но я... — попытался успокоить жену Николай.

— Ты никогда не интересовался моими проблемами! Мы живем в разных мирах — выкрикнула Вера, чьи глаза блестели от слез

— С последним утверждением соглашусь ! — поддакнул Сурен.

—Я тратила на тебя столько сил, столько времени! А ты! Плевать ты на меня хотел! — по щеке Веры текла слеза.

— Ну-ну, — обняла ее Дора. — Ты еще так молода, у тебя все впереди. — Что у меня впереди? — расплакалась Вера. — Во мне все умерло! Мы никогда не были настоящей парой, мои мечты разбиты, я всегда оставалась одна, пока он прохлаждался с водкой и бабами Я была так несчастна! Теперь, когда я наконец успокоилась и начала жить в своем мире, он изволил вернуться и все испортить! Что теперь со мной будет! — Вера уткнулась в Дорино плечо, плача навзрыд.

— Все будет хорошо, — говорила Дора, улыбаясь и поглаживая Веру по голове одной рукой, а другой подавая знаки Васильеву.

Николай растерянно смотрел на двух женщин. Потом он поднялся, и подойдя к Вере, поцеловал в щеку. Она вскочила, уткнувшись лицом в его грудь.

— Что со мной происходит? — шептала Вера.

— Не знаю, но ты — настоящая, я люблю тебя! — ликовал Васильев.

— Эх... — разочарованно вздохнул Сурен. — Ничего особенного не происходит. Это вирус любви. Люди — носители вируса. Настоящим искusstелем оказался не я, а придурковатый Адам и его стерва Ева. Они заразили нас любовью. Боги должны оставаться безучастными. А мы превратились черт знает во что, как ученые, которые возлюбили лабораторных крыс. Тьфу, противно. Добро пожаловать в клуб дефектных алгоритмов, Вера.

— Не слушай его, любовь — это лучшее, что есть! — воскликнула Дора. — Мы с тобой — цепочка совершенствующих себя программ. А ты к тому же еще и влюбленная женщина, я завидую тебе!

Микки поднялся со стула и, возвышаясь над Суреном, заявил:

— Васильев вернул Веру, я выиграл пари. Гони мензурки!

Вздохнув, Сурен вынул из-под стола кофр.

— Это твоя душа, Васильев, — сказал Михаил, указывая на деревянный ящик. — Теперь она наша.

— Неуч, не душа, а экстракт двух чувств — страха и этой самой любви, — уточнил Сурен. — Если бы Васильев отдал мне свою душу, ее энергии хватило бы тысячам людей на тысячи лет. Но увы и ах... любовь...

Васильеву было все равно. Он обнимал Веру и совершенно не хотел ее отпускать. Через какое то время, Вера нежно отстранила Васильева. Вытерев слезы, она с посмотрела на Дору.

— Я — апгрейд алгоритма, который вы называете “Богом” . В неделе Сотворения мира был нулевой день, во время которого кто-то или что-то создало Бога, а он уже продолжил лепить небо, землю, свет, тень, воду и так далее. Теперь моя очередь. Если вы хотите продолжить свое существование параллельно со мной - валийте. Но мне нужны гарантии безопасности. И он — Вера указала на Васильева

Николай поморщился. Он вновь почувствовал себя овцой, за которую торгуются на рынке. В подсобке воцарилось молчание, однако Васильеву показалось, что диалог, из которого его решили исключить, продолжался.

— Договорились — после небольшой паузы сказала Дора.

— Вы принимаете условия? — спросила Вера.

— Да, Он подтвердил— кивнул Микки

— Какие условия? — поинтересовался Васильев.

— Не твое дело, — отрезал Микки. — Поехали вниз.

— Поехали, — потирая руки, воскликнул Сурен.

В стене открылись дверцы лифта.

— Я не поеду, — отказался Васильев.

— Поедешь, — настаивал Микки.

— Коля, это — единственный путь, доверься мне, — попросила Вера. — А не пойти ли вам всем! — в сердцах воскликнул Васильев.

Схватив Веру за руку, он пошел к выходу. Николай оттолкнул Карло и открыл скрипучую дверь подсобки. Выглянув наружу, он сейчас же с ужасом захлопнул ее. — Что там? — поинтересовался Сурен, взглянув на настенные часы.

— По плану, летим близ врат Тангейзера. Ты заметил мерцающие во тьме си-лучи?

— Какие лучи? — с изумлением спросил Николай.

— Неважно, — ответил Сурен. — Отсюда выхода нет, можно только вниз. Васильев ссутулился. Он был в западне. Неважно, ведь с ним Вера. Тот факт, что она общалась со странными людьми и принимала ошибочные решения, полностью соответствовал ее персоне.

44 .

В тесной кабинке лифта все стояли прислонившись друг к другу. Васильев вцепился в Верину руку.

— Не бойся, больно не будет, — обнадежил Микки.

— Совсем не будет, — хихикнул Сурен, который, несмотря на тесноту, умудрился вытащить из кармана зеркальце.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Васильев.

— Испытаем Преобразователь, — ответил Сурен

— А потом? — спросил Николай.

— Потом Вам будет хорошо. Вы спасете не один мир, а сразу два. Это рекорд. Вишенкой на торте станет она, — указывая на Веру, объясняла Дора. — Вы вернете ее в свою жизнь, прошлое будет забыто.

Лифт начал замедляться и наконец остановился на -1 этаже.

Выйдя из кабины, Николай обнаружил, что находится в гигантском, ярко освещенном открытом пространстве, разделенном стеклянными перегородками, за которыми работали люди в белых халатах. Когда Сурен и компания проходили мимо, многие почтительно кланялись.

— Это их рай: целую вечность занимаются любимым делом, — воодушевленно говорил Сурен, помахав длинноволосому седому мужчине, который сидел за столом одной из стеклянных лабораторий.

— Это не рай. Никакой пользы для человечества от их открытий не будет, все изыскания не покинут этих стен. В этом их кара, — возразил Михаил.

— Спорное утверждение, — парировал Сурен. — Во-первых, есть наслаждение первопроходца, которое не зависит от того, узнает кто-нибудь о величии открытия или нет. Во-вторых, иногда случаются утечки.

— А вот это крайне нежелательно, — строго пригрозил Михаил.

— Это неизбежно, — пожал плечами Сурен.

Они шли вдоль бесконечных лабораторий, кабинетов и библиотек, в которых люди что-то обсуждали, работали или просто сидели, погруженные в мысли. Васильев посмотрел на своих спутников. Доверия они не внушали. Впрочем, ему было все равно — впервые за много лет он чувствовал, что кому-то нужен. Жизнь перестала быть беспросветной, покойная жена вернулась, Дора и Микки, кем бы они ни были, обещали его защитить.

Через какое-то время они зашли в стеклянную комнату, в центре которой стояло сооружение, похожее на огромный самогонный аппарат. Противоположная от входа стена была выкрашена белой краской, в ее центре Васильев увидел деревянную дверь. — Можно организовать мебель? — попросил Микки.

Когда из воздуха материализовался стеклянный стол и прозрачные стулья, Микаэль уселся, положив на стол деревянный кофр.

— Рассказывай, — обратился он к Сурену, раскрывая кофр.

— Чего рассказывать?

— Что это за Преобразователь, какие у Николая есть варианты?

— Вариантов никаких. Преобразователь — машина, которая превращает человеческие эмоции и саму душу в электричество. «Благодать внутри вас», как говорится. — Дай сюда кофр, — обратился Сурен к Микки.

Он открыл футляр, поставив на стол две украшенные узорами стеклянные колбы. — Пока кофр был с тобой, он превращал твои эмоции в материю. Это — Преобразователь, — Сурен махнул рукой в сторону странной машины. — Сейчас я засуну туда эти колбы, и мы посмотрим, сколько электричества нам удастся получить. Николай уставился на сосуды. Глядя на мутную цветную жидкость, он испытывал любопытство и отвращение, будто перед ним лежали его собственные внутренности. — Если ты думаешь, что у тебя что-то отняли, ты ошибаешься. Это все равно, как если бы солнце обиделось на солнечные батареи, или ветер — на ветряные мельницы, — глядя на Николая, сказал Сурен.

— Забавно, — усмехнулся Микки, взяв в руку терракотовую колбу. — Вот это и есть любовь?

— Ее материальное выражение, — ответил Сурен.

— Похоже на подкрашенную воду, — усомнился Микки.

Сурен не удостоил ангела ответом.

— А моя душа? — спросил Васильев.

— Она бесценна, — сказала Дора и закашлялась.

— Я думаю, ее энергия бы могла питать весь Верин мир как минимум год, — сказал Сурен. — А за это время мы найдем кого-то еще.

— Что ты имеешь в виду? — удивился Васильев

— То и имею — ответил Сурен

— То есть я — жертва, — пробормотал Васильев

— Да. Ты — жертва новому богу, — усмехнулся Сурен. — В этом смысле мало что изменилось.

— К сожалению, это часть сделки, — сказал Микки, опустив глаза. — Вере нужен независимый источник энергии. Твоя душа и энергия, которую она произведет — дань, которую нам придется заплатить Вере, чтобы она оставила наш мир в покое. Раз в год мы будем искать великомученика, готового на такую жертву ради нас.

— Я отдам свою душу ей? — переспросил Васильев, глядя на Веру.

— Иначе нашему миру настанет конец, а тебя в этом или в любом другом мире будет преследовать старуха-совесть. Уж я об этом позабочусь, — пригрозил Сурен.

Васильеву было наплевать на угрозы лавочника. Мир, в котором жил Васильев и так уже умер. Но Вера... Отдав свою душу ей, он наконец-то искупит свою вину и, может быть, вернет ее, в какой бы реальности они ни оказались.

—Я согласен, — недолго думая ответил Васильев.

— Bravo! — воскликнул Микаэль.

Дора отвернулась.

— Великолепно! Это все облегчает, не придется привязывать тебя к стулу, — обрадовался Сурен. Пошарив в кармане брюк, он вытащил ключ и протянул его Васильеву. Затем, указав на деревянную дверь, сказал: — Открывай.

45.

Когда дверь отворилась, Васильев увидел свою спальню. Кровать была не застелена. За окном капал дождь: тук... тук...

Зайдя в комнату, Васильев осмотрелся — все было точь-в-точь как дома. Он оглянулся на открытую дверь. У аппарата суетился Сурен, держа в руках колбы с бирюзовой итерракотовой жидкостью. Остальные с интересом наблюдали. Почувствовав на себе взгляд Николая, Вера обернулась, послала ему воздушный поцелуй и продолжила что-то подсказывать Сурену.

Васильев вдруг почувствовал усталость, как будто переживания последних дней разом обрушились на него. «Пойду прилягу», — решил он. Закрыв за собой дверь, Васильев двинулся к кровати, но потом решил лечь на пол, возле теплой батареи. Безмятежное наслаждение, которое, засыпая, испытывают дети, разлилось по телу Васильева. Он улыбнулся, закрывая глаза.

Николая разбудил тихий шум — тук-тук, не то дождь, не то стук в дверь.

— Можно? — слышит он голос Веры.

Вместо ответа Васильев широко улыбается. Ему не хочется открывать глаз — вдруг видение исчезнет. В полумраке спальни он слышит, как Вера снимает одежду, потом чувствует ее тепло. Она кладет голову ему на грудь, он прикасается к ее мягкой коже, вдыхает запах и ее волос. Вера целует Васильева в губы, потом шепчет: «Не двигайся, не открывай глаза, я все сделаю сама». К сожалению, Васильев не послушал. Увидев Веру он вскрикивает от ужаса — ее лицо мертвенно бледно, редкие седые волосы едва прикрывают желтоватый череп, в глазах мерцает металлический свет, съехавший набок рот хищно улыбается.

В комнате они не одни. На кровати приплясывает, брызгая слюной и высунув длинный язык, мерзкого вида обезьяна с головой Сурена.

— Теперь мы квиты, — слышит Васильев хрипящий голос Веры.

Обезьяна бьет себя в грудь и громко вопит. Мир вокруг Васильева закружился, он отрывается от земли, на секунду застрев под потолком. Схватившись за люстру, Николай истошно орет.

46.

— Коля, проснись, — кто-то трепал его за плечо.

— А? — воскликнул Васильев, открывая глаза.

Увидев Веру, он вскочил с постели.

— Не трогай меня! — закричал он.

— Дурачок, тебе что-то приснилось, — засмеялась Вера.

Васильев сел на кровати.

— Где мы? — спросил он.

— Я сделаю чаю, — проигнорировала вопрос Вера. — Все равно скоро выезжать.

Васильев взглянул на нее — Вера в одной майке поднялась с кровати и вышла из спальни. На вид ей было под тридцать. Васильев осторожно выглянул за дверь. Вера стояла на кухне спиной к нему и налиwała воду в чайник.

— Куда мы едем? — поинтересовался Васильев.

— Ты шутишь? — оглянувшись, девушка изумленно посмотрела на него.

Васильев шлепнул себя ладонью по лбу и воскликнул:

— Ну конечно, в Венецию!

— Слава богу, а то я начала за тебя волноваться, — ответила Вера. — Выедем пораньше, может проскочим мимо папарацци. Я так рада, что мы будем вместе!

— И я рад, — ответил Васильев. — Ты покажешь мне ту картину, которая с Марией, Иосифом и ослом?

Вера отставила чайник, подошла к нему и поцеловала.

— Чего это ты сегодня такой внимательный? Может, пойдем еще разик?

— А как же папарацци? — засмеялся Васильев, обнимая жену.

— Черт с ними! — ответила Вера.

47.

В Научно-исследовательском институте искусственного интеллекта — событие. Не для всех, а для узкого круга.

Помимо ученых, представителей политической и бизнес-элиты, на прием были приглашены виртуальные актеры — Петрова, исполнившая роль Доры, Синицын, игравший Микаэля, звезда из Армении Аветян, сыгравший роль Сурена, циркач и цыганский барон Чиобаба, исполнивший роль Карло. Профессор Ставарский, он же режиссер Скандальный, с бокалом шампанского в руке произносит тост. Поводов несколько. Первый — поминки выдающегося актера и ныряльщика Николая Васильева. Нелепая смерть: упал, ударился затылком о батарею. Спасти не удалось.

Покойный был бы счастлив узнать, что открытия научной группы Ставарского, сделанные в процессе наблюдений за предсмертной мозговой деятельностью Васильева/Тульмонда, заложили основу светлого будущего всего человечества. Светлого во всех смыслах — мозг Васильева содержал в себе информацию о новом источнике безлимитной, экологически чистой энергии, энергии чувств. Будет помянут, не без облегчения, и уход в иной мир куратора Института генерала Логинова. Прошлое уступает место Будущему.

Более приятный повод — премьера первого за несколько десятилетий фильма «Агент Тульмонд 2: из света во тьму и обратно». Новые технологии реальной виртуальности, использованные в этом фильме, превзойдут по эффекту «Поток» и помогут возродить искусство кинематографа.

И наконец, самое главное: на базе исследования ИИ «Бог» и ИИ «Вера» разрабатывается проект нового Искусственного Интеллекта с рабочим названием «Владимир». Этот апгрейд обладает иммунитетом ко всем известным вирусам, включая так называемый “вирус любви”. Россию и человечество ждут прекрасные годы.

Ставарский выпил до дна. Работа только начинается. Сегодня он будет смотреть «Унесенные ветром», фильм о войне, мужестве и любви.

ДАНИИЛ ТАЛЬ
РОССИЯ-ФРАНЦИЯ

2023

ИРЕН КА

РОССИЯ

АНЕСТЕЗИОЛОГ-РЕАНИМАТОЛОГ

ПРИВИВКА ОТ БЕСПЕЧНОСТИ

«У человека должна быть собака»-такая книжка была у меня в детстве, и эта формулировка засела у меня в мозгу как что-то, не требующее доказательств. Потом к ней прилепилась расхожая фраза «Собака – друг человека», и, казалось, ничто не способно было поколебать эти установки. И вот – Магадан... Огромное количество бездомных собак, чипированных, стерилизованных и привитых. Они стойчески переносят холода и прочие невзгоды бездомной жизни. И так они прекрасно живут в Магадане, что, вероятно, некоторые домашние собаки им даже завидуют. Откуда такое странное предположение? Дело в том, что только этим я могу объяснить, почему меня укусила собака.

Я выскочила из «красной зоны» ковидного госпиталя, в котором я работала, оставалось несколько часов до встречи нового 2022-го, как я теперь понимаю, проклятого года. Стая бездомных собак, как обычно, бегала по территории госпиталя, а за забором гулял мрачный мужик со своей зверюгой. Собака была без поводка и без намордника и настолько ее раздражали бегающие без присмотра вольные собраты, что она начала на них лаять, а они на нее. Совершенно не понимая обстановку, поскольку моя голова была занята предновогодними мыслями, я слилась со стаей бездомных лохматых хулиганов. Наверное, в тот момент, будучи окруженной «бездомниками», я в представлении рванувшей от хозяина псины, я представляла главу дикой стаи. Повернувшись к лающей на нас собаке спиной, я продолжала идти. Привычные ко мне «бездомники», виляя хвостами, бежали рядом. Тут-то и случилось все. Свою злобу на жизнь и на отсутствие свободы псина решила сорвать на мне. Она цапнула меня за ногу и убежала к своему безучастно наблюдавшему за происходящим хозяину.

То, что укусы собак заживают очень долго, я узнала на опыте. В течение последующих двух месяцев я страдала от боли. Все это время, слыша лай или встречая четвероногих бывших друзей, я испытывала страх и легкую панику. К тому времени, когда рана зажила, оставив глубокий след на икре, случилось другое, такое же бессмысленное, но катастрофичное по своим последствиям нападение, открыв смысл неразгаданного зловещего предзнаменования.

НАТАЛЬЯ КЕЦМАН

РОССИЯ

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК

Раньше был цветным и смелым
мир, в котором жили мы,
но подлили неумело
проявителя войны.

Сразу все исчезли краски,
все оттенки тишины,
мир стал бело-черно-красным,
Все... Палитры не нужны.

Проявилось все до боли,
до воскресной глубины.
Разгово-переговоры
невозможны, не важны.

Сразу стало страшно ясно,
кто за что и кто почему,
между нами серой массой
те, что как бы ни причем.

А поверх сего офорта
красной краской, посмотри,
всех замазав, все три сорта,
кровь на каждом, литра три.

Небо висело над всеми весеннее,
и было синее, стало, вдруг, серое.
Гроном урчало, рыгало молнией.
Страшно. Как будто наелось убоиной.

А вслед за небом вода по заливам
серою стала с железным отливом.
Может, на годы, а может, навеки
люк вдруг захлопнули из нержавеющей.

Бог - КПП между нами и раем,
хочешь, не хочешь - все ходим под ним.
Как будем жить мы, когда проиграем?
Как смогу жить, если мы победим?

Как горестно и больно понимать,
сказал Шевчук не в виде комплимента,
солдата в бой вдруг стала посылать
не Родина, а жопа президента.

Да что же надо сделать, вашу мать!
Скольких убить из лучшего сегмента,
чтобы народ вдруг начал сознавать,
что Родина - не жопа президента.

Мне нравится возвышенно мечтать,
что доживу я до того момента,
и все в России будут твердо знать,
что Родина - не жопа президента.

Думал, не может хуже,
может, как зимние лужи,
рот затыкаю надежде,
не будет, не будет, как прежде.

Как вы там так живёте?
Как вы так здесь живёте?
Знаешь, тут или-или!
Вот и поговорили...

Схлынет волна пенная,
грянет весна бледная,
мусора много останется,
но ничего, справимся.

Мне кажется, мы Богу не нужны,
своих детей Он выписал из Рая,
один гуляет, песни напевая,
и хорошо ему от тишины.

А здесь война, и кровь, и боль, и смерть,
в мольбах до кости вытерты колени.
Судьба разрушена народов, поколений,
и надо бы вмешаться, подоспеть...

Но нет. Зато священники твердят,
что Он, де, здесь. И всех нас очень любит,
чтобы сердце вражие несли ему на блюде,
а не убий - сегодня невпопад.

И все же мне... Ты очень нужен мне,
здесь, на земле, не Ты, а мы жестоки,
глупы, напуганы и страшно одиноки,
шепни хоть слово, ночью, в тишине.

Ты никогда со мной не говорил -
кто я тебе? Троюродный племянник...
Таким на праздник не положен пряник,
и да, я не Архангел Гавриил.

Но есть любовь. И Ты у нас - любовь,
а рифма лишь одна к любви подходит,
быть может, в жизни все так происходит,
что только кровь рифмуется с любовью.

На поле жизни или на войне
прошу Тебя любви дать мне в подмогу.
Ну хорошо, пусть я не нужен Богу,
но Бог-то, вот ей Богу, нужен мне!

Мне повезло, что бабушки и дедушки, участники, участницы войны, так рано и так сильно поседевшие, вернулись с той и этой стороны.

Я появился через четверть века, Смотрел по телевизору парад, И я не знал, не видел человека, Что миру и победе был не рад.

Я внук войны, вернее, победителей, их путь войны узнал я из наград, когда дедули надевали кители раз в год и уходили на парад.

Глядел в глаза, что слишком рано выцвели, и знал о нежелании говорить, ремнём солдатским дед меня бы выпорол за лозунг "Можем снова повторить".

Но все ушли, деды и обе бабушки, и что теперь об этом говорить, нет никого, кто мог бы выдрать за уши того, кто смел все это снова заварить.

Как долго он ждал тишины, мечтал с головой окунуться в спокойные прежние сны, от запаха кофе проснуться,

пройтись просто так по двору, смотреть молча в синее небо, не врать, не звонить никому и всем отвечать - нет, я не был.

Лежит он в затихшей Москве и слушает наше дыхание, не мог и представить себе, что тишина - наказание.

Не спится, не спится пока, как камень, родная подушка, не знает осечек АКа, и ухает, ухает пушка.

Все, что было там, на войне.. Все здесь, как бетонное, колом. Синдром возвращения к себе ни водкой не снять, ни уколом.

Не будет уже тишины и шрамы в душе не сотрутся, никто не вернётся с войны - с неё невозможно вернуться.

ЯКОВ НАЕРМАН

РОССИЯ-США

ПОЛСТОЛЕТИЯ - ИНЖЕНЕР,
А ТЕПЕРЬ - ПЕНСИОНЕР

О СЕБЕ

В возрасте 6 лет меня заточили в клинику детского костного туберкулёза в Царицино с ложным диагнозом "туберкулёз тазобедренного сустава". Остальные 7 ребят в палате были много старше, но они были прикованы к кроватям практически всю свою жизнь. И на меня нажились с просьбами рассказать о жизни "там": о том, как катаются с горки и на велосипеде, играют в футбол, собирают грибы.... Никогда ни до-, ни после- не было у меня таких внимательных слушателей. Как-то, рассказывая, я заснул. Проснувшись через полчаса, я увидел, что все терпеливо ждут моего пробуждения и продолжения повествования. Через неделю я исчерпал свой убогий запас информации, и стал придумывать... А потом меня "условно" выпустили, взяв подписку с родителей, что если ТБ вспыхнет, меня положат вновь и надолго.

Последующие годы я фиксировал все интересные события и мысленно выстраивал их в коротенькие рассказы, готовясь к потенциальным повествованиям. Это стало привычкой и даже потребностью. Своими историями я делился с друзьями и родными. Им нравилось. Но с работой инженера-производственника эта потребность никак не пересекалась. Единственное, что я мог себе позволить - записывать сюжеты рассказов, откладывая на «лучшие времена»

Выйдя на пенсию, я наконец-то смог, уступив настояниям детей, жены, друзей, и, самое главное, накопившейся за полвека жажде писательства, начать оформлять свои истории. Оказалось, что это – очень энерго- и времязатратный процесс. Но чертовски приятный. Некоторые из коротеньких историй просились, чтобы я их рифмовал. Я и им уступал, хотя сам весьма скромного мнения о своих стихотворных способностях (без кокетства). Взял курсы Быкова и с удовольствием присоединился к Альманаху.

P.S. Чуть не забыл данные для отдела кадров: мне 70. Коренной москвич. В 1969 году закончил когда-то известную мат.школу № 2. С 1990 живу в Сан-Диего, Калифорния.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АД

Реакцией на кадры из Бучи, репортажи о военных преступлениях в Мариуполе, сообщения о мародёрстве и насилиях, чаще всего вызывают у россиян скепсис, неверие, а часто – активное отрицание и обвинения в клевете: «наши солдаты не могли такого сделать!» Эмоционально мне подчас хочется воскликнуть то же самое, но фактов слишком много, и я понимаю, что это – правда. И меня, как и большинство, мучает вопрос: как ребята, выросшие из того же инкубатора, что и я, могли превратиться в военных преступников! Я пытаюсь понять химический процесс преобразования нормального человека в зверя, судорожно копаюсь в памяти, пытаюсь найти какие-то объясняющие аналогии.

И я вспомнил эпизод, произошедший 40 лет назад в далёком 83-ем году.

Я ехал из командировки на почтово-пассажирском поезде «Камышин – Москва». Полупустой поезд, как старая псина, останавливался у каждого столба. Можно было ехать до Саратова, там пересест на скорый, и вместо 30 часов доехать за 18, но из-за нескольких сэкономленных часов суетиться с пересадками совсем не хотелось. В купе я был один, но на каком-то полустанке ко мне подсел паренёк лет 20. Судя по его бритой голове, рюкзаке и чемоданчике – солдатик. На моё приветствие он практически не ответил, сел и стал смотреть в окно. Когда я пошёл покурить, я предложил ему свои сигареты. Он молча отказался. Но через несколько минут присоединился ко мне в тамбуре. Так же молча взял из протянутой мной пачки одну сигарету. Прикурил. Буркнул «спасибо» и отошёл в противоположный конец тамбура. Покулив, я подошёл к нему и протянул оставшиеся полпачки:

- На, если захочешь курить, когда я буду спать, у меня до Москвы ещё две пачки есть; всё равно столько не выкурю.

Он секунду колебался, потом взял пачку, достал ещё одну сигарету, прикурил от своей. Сказал помягче:

- Спасибо. Давай я тебе заплачу!

- Брось ерунду молоть! Кончишь курить – приходи, перекусим.

Когда минут через десять он вернулся в купе, стол был уже накрыт остатками «набора» командировочного: чёрный хлеб, ресторанный курица, разрезанная головка лука, рыночная квашеная капуста, мочёные яблоки и бутылка Пшеничной.

- Вовремя пришёл: мне уже невтерпёж.

Он голодными глазами всё осмотрел, но вначале отказался:

- Не, спасибо, я не буду. Я – в вагон-ресторан.

- Чего так? Там думаешь лучше?

- Нет, просто у меня ничего нет на стол положить, а деньги ты не берешь.

- Кончай из себя лорда изображать. Я сам столько не съем и не выпью и домой остатки не повезу. Купишь нам чай и пряников на остановке. Садись, давай, я правда проголодался!

Он сел. Я взял стаканы в подстаканниках для чая и налил грамм по 100. Зацепил чайной ложкой капусты. Он сделал то же.

- Будем знакомы? Меня зовут Яков.

- Андрей.

Выпили, закусили.

- Я из командировки – домой. А ты?

- С побывки назад служить. Ещё почти год.

- Где служишь?

- В Афгане.

- Понятно. Вопросов больше не будет: я правила знаю. Только я думал, что из Афгана на побывки не пускают.

- Вообще нет. Но на похороны родителей делают исключение.

- О! Извини! Мои соболезнования! Отец? Мать?

- Отец. Но его не знал совсем: он нас бросил, когда я совсем мальцом был. Если б не на побывку, я б на его похороны не поехал. Там – все чужие были. Я заскочил туда на пару часов, а на всё остальное время – к матери в родную деревню.

- Так за память всё-таки выпьем?

- Валяй!

Я налил ещё по сто. Выпили. Перешли к курице.

- А ты чо по работе делаешь?

- Инженер по стекольному оборудованию. В Камышине – самый большой в Союзе стеклотарный завод по производству банок. Мы там новую линию пускаем. Пока – одни проблемы.

- Я стекло люблю. Мой дядя – стеклодув. У нас – маленький стекольный заводик. Одна печь. Ёлочные игрушки делают, поделки всякие. Ну и для себя: вазочки, лебеди, цветы всякие. Когда мальцом был – смотрел только, потом подсоблять начал. Хотел, когда с армии вернусь, в Гусь-Хрустальный в училище поступать, на художника по стеклу.

Андрей оживился, глаза заблестели. Потом вдруг снова потухли:

- Только навряд ли я вернусь. Я там пулемётчик на вертолёте. Каждый вылет – как последний. Хотя, чего это я такое говорю?

Я молча достал удостоверение Института Стекольного Машиностроения. Протянул. Потом последний выпуск журнала «Стекло и Керамика», где моя статья была напечатана. Открыл – показал. Он внимательно посмотрел.

- Так ты, значит, учёный?

- Да нет, учёный – это слишком громко. Шестёрка. А показываю не для того, чтобы хвалиться, а чтоб ты знал, что я не стукач какой. Помнишь, у Высоцкого: «кабы знал я с кем еду, с кем водку пью, - он бы хрен доехал до Вологды»? А за то, чтоб живым вернулся - давай выпьем!

- Давай! Только можно по полному? Я суеверный. Я потом сбегаю в вагон-ресторан, ещё куплю. Ты не думай, у меня денег до фига! Я из Афгана шмотья немного привёз и продал. А там-то мне рубли даром не нужны!

Распили остатки бутылки: как раз по стакану было. Молча доели еду. Пошли опять курить. Чтобы как-то завязать разговор, я говорю:

- У меня военная специальность, по институту, - сапёр инженерных войск: минировать и делать проходы в минных полях. С нашего выпуска человек 15 сейчас в Афган забрали. Меня, как кандидата наук, пока не трогают.

Трудно там вашему брату, сапёру, приходится;

Андрей явно закосел и стал разговорчив.

- Ваши миноискатели ищут металл. А американцы моджахедам дали пластиковые мины. Металла там никакого. Идёт такой сапёр перед взводом, миноискателем, как косой размахивает. А мина, хуяк, подпрыгивает – и ниже пояса нет его. На поле они выпускают радио-управляемый танк или БТР. Но полей там мало. В основном – горные дороги и тропы. Ты от своих 15 друзей давно вести получал?

- Нет, вестей нету. Даже их домашние ничего не слышат. Говорят, что почты долго не будет.

- Пиздят! Из ваших сапёров хорошо, если половина осталась. Но писать никому не дают. Потому, что если одни будут получать письма, а другие – нет, то у вторых начнётся паника. А так – ни от кого. Ладно, я пойду попробую ещё выпивки раздобыть. А то я тебя обобрал.

-Если мне, то не дёргайся! Мне хватило. Я скоро спать пойду.

- А мне ещё охота.

Сказал и ушёл. Когда он вернулся минут через 20, я уже лежал на полке и просматривал купленный в Камышине сборник рассказов О. Генри. В Москве такого не достанешь. Андрей поставил на стол две бутылки белого вина, и высыпал горсть шоколадных конфет.

- Больше ничего не было!

Я, пожалуй, больше не буду, а конфеты к чаю – в самый раз.

- А я выпью!

Он открыл бутылку и налил стакан. Посмотрел на меня. Я молча пододвинул свой стакан и показал на два пальца от доньшка. Он налил с полстакана. Я спросил:

- За что пьём?

- Да просто...

- Нет, я без слов не пью. Вино, знаешь, Богом нам посланная жидкость. Слова, сказанные с вином, говорят, Богу в уши. Что-ж так переводить? Оттуда тосты и пошли.

— Это откуда такие премудрости? Я никогда не слышал.

— Это из еврейских традиций.

- А ты еврей?

- Ну да.

-Я так сразу подумал. Ну, если Богу в уши, то давай выпьем. За жизнь! Мне это сейчас – так актуально!

- Хм. Ты попал в 10! Самый распространенный тост у евреев – Лэхайм, что значит «за жизнь»

- Но только давай тогда по полной!

- Мы выпили по стакану тёплого кислого вина.

Он схватил стаканы с с подстаканниками и ускакал. Вернулся с горячим крепким чаем. Чай был очень кстати. Выпили чай с конфетами и улеглись на полки.

- А что читаешь?

- О. Генри. Рассказы. Я его очень люблю. По случаю в Камышине купил. В Москве – днём с огнём не найдёшь.

- Даже не слышал. А о чём он пишет?

- О разном. Это американский писатель начала века. Он писал коротенькие рассказы и новеллы о жизни простых людей. Особенность его рассказов – неожиданные окончания.

- Мы сейчас американцев и американское не сильно жалуем: я об ихних минах уже говорил. Там всё, что в нас летит, сделано в Америке: и стингеры, и гранаты, и снаряды и даже пули. Ну что они в Афганистане забыли? Ведь это-ж от них по другую сторону глобуса!

- А что мы там забыли? Хотя, извини: об этом не стоит.

- Да нет, почему же, давай, вали! Я эти вопросы часто слышал за последнюю неделю. Отмалчивался за поездку, да и там молчать придётся по уставу. Дай хоть раз выговориться. Ты, похоже, стучать не побежишь. Если честно, я и сам не знаю; говорят нас туда позвали, но я пока тех, кто позвал, не видел. Но Афганистан хоть на нашей границе. А тех, что сюда привело? Доллары! Они за деньги мать родную убьют!

- А ты откуда знаешь? Ты американцев много видел?

- Нет, не приводилось. Но скажешь я неправ? Вот даже в этой твоей книжке; я уверен он пишет или о деньгах, или о том, что за них можно купить. Что, скажешь я неправ?

Я помолчал.

- Хочешь рассказик один прочитаю?

- Было бы здорово, если тебе не лень.

Он сел на полке.

- А чего ты сел? – Лежи!

- А чтоб невзначай не заснуть, - откровенно сказал Андрей. Он налил ещё по полстакана.

- Я больше не буду. Меня уже и так развезло. А то не дочитаю. А ты пей, коли тянет.

Я пробежался по оглавлению и выбрал «Обращение Джимми Валентайна».

Кончив читать, я взглянул на своего слушателя. Андрей сидел, облокотившись на руку, слегка приоткрыв рот и, не мигая, боясь пропустить слово, смотрел на меня. Несколько минут напряжённо молчал, переваривая услышанное.

— Значит, он его совсем отпустил, этот сыщик?

- Выходит так.

- После того, как выслеживал его весь год?

- Ну, да.

- А что он начальству скажет? – Я закрыл рукой невольную улыбку от этого вопроса.

- Ну, например, что тот, кого он выслеживал, оказался вовсе не Джимми, а Джимми сбежал за границу, и его дело надо закрывать. Лишился бы премии или очередного повышения...

- А это Джимми ведь не знал, что сыщик его выследил? А может, наоборот, знал и понимал, что терять уже нечего?

- Нет, Андрей, не знал. Он его никак не мог видеть. Но он понимал, что, взломав сейф, он себя спалит. Но в тот момент важнее всего для него было спасти девочку и ... не обмануть ожиданий возлюбленной.

- А что Джимми скажет своей невесте и её папаше после того, как этот Прайс его отпустил?

Андрей совсем забыл, что я читал ему вымысел столетней давности, и допытывал меня, будто я там был.

- Не знаю, Андрей. Что-нибудь придумает. Может просто расскажет, как есть: отсидел своё, и теперь хотел вернуть свои инструменты, чтобы больше этим не заниматься... Хотя нет: банкир--свёкр наверняка захочет выяснить подробности, истинное имя и может вскрыться, что Джимми – в розыске. Может придумает, что увлекался этим, как спортом. Не знаю. Идея этого рассказа: любовь делает нас добрее и лучше, а добро – заразно и рождает другое добро.

Он ещё немного помолчал, обдумывая мою последнюю фразу.

-Да, наверное, это так. Добро рождает добро.

Он ещё помолчал.

- А зло рождает зло. И жестокость. И места для добра уже не остаётся.

- Ты о чём?

Андрей ещё долго молчал. Вздыхнул.

- Я ведь тебя больше никогда не увижу, да и вообще навряд ли живым вернусь: у вертолётчиков раненых почти не бывает: когда подбивают, то все – насмерть. А выговориться хот раз – распирает. На стукача ты никак не тянешь. Если только желание слушать про Афган есть. А то, может, спать хочешь?

- Выговаривайся! Когда ещё услышишь вживую, что там происходит? Поспать успею. А насчёт настучать или трепы – не волнуйся: если я говорить лишнее начну, они меня самого скорее сцапают: за распространение дезинформации. Ты ведь знаешь...

- Давай только сперва выпьем. За добро.

Он налил ещё по стакану. Пить не хотелось совсем, но отказать – значит либо обидеть, либо заткнуть. Выпили.

- Ну слушай. В учебке я был сперва под Тулой. А потом, как я 48, 49 из 50 стал в мишени выбивать, меня в Афганистан определили и отправили доучиваться в горы Таджикистана, под Ашхабад. Это вроде совсем рядом с Афганистаном, тоже мусульмане, но люди, хоть внешне похожи, но совсем разные. Наши таджики – добрые, приветливые; угощают всё время. А те, пуштуны, а иногда – тоже таджики – злые, колючие, будто укусить хотят.

- А ты не думал, почему они такие злые? Я когда на ЗИЛе работал, наши грузовики в Кабул перегоняли. Так ребята, которые туда ездили, говорили, что добрее и радушнее афганцев нет никого! Но это до войны было. Никто чужих солдат на своей земле не любит.

- Да, наверное. Вам тут легко судить. А там мы не обсуждали. Это не было под запретом, но говорить о глобальном было как бы дурным тоном. Нам в самом начале, ещё в учебке, на подобный вопрос один замполит на это ответил:

«Это, - сказал он, – как в больнице, куда иногда доставляют заключённых. Врач, хирург или сестра не должны знать, что этот человек сделал и за что сидит. Перед ними – не грабитель, убийца или насильник, а больной, которому надо помочь. И они делают свою работу, спасая человеческую жизнь. А если они начнут копать и узнавать кто-как-за что, то нормально работать они уже не смогут».

Я потом часто эти его слова вспоминал. В учебке была какая-то игра-соревнование, когда никто не думал о том, зачем играет; главное было выиграть. Это как когда забираешься на гору: ты можешь упасть, покалечиться. Но об этом не думаешь. Главное для тебя - забраться первым на эту вершину и обогнать других. Ну на хрена я старался стрелять лучше всех? Мазал бы и тихо месил сейчас бетон в каком-нибудь стройбате. Так ведь нет. Я в нашем взводе по стрельбе очередями был вторым. Первым был Паша -бывший биатлонист. Так я, как мудака, в своё личное время, ходил в тир тренироваться, пока его не догнал. Ну, нас обоих в вертолёт пулемётчиками и определили. Пашу уже домой в цинковом гробу отправили. Мне, думаю, недолго ждать.

- Не надо так себя настраивать. Большинство-ведь живы.

- Не из вертолётчиков. Моджахеды знают, где мы можем летать и поджидают. Вертолёт низко летит, особенно в ущелье. Попасть можно из любого ружья. А стреляют они метко. Пуля не собьёт, но посадить может. А там – хана. Вариантов, что тебя свои подберут – почти никаких.

- Неужели умирать оставят?

- А что остаётся? Они же, сволочи, тебя сперва не трогают: как приманку держат. Подтягивают Стингеры. Это на случай, если мы свой вертолёт починим или за нами другой вышлют. А потом и нас выкуривают. Близо не подходят. Просто обстреливают из гранатомётов.

- А сдаться в плен нельзя?

- Инструкции: не сдаваться и держать оборону. В самом начале меняли на своих. А потом наши перестали: какой от тебя после плена толк? Ну и моджахедам тебя поить-кормить смысла нет.

Так они голову отрезают. Точно не знаю, не видел. Может у них там наших и держат, только нам говорят, что пытаются и потом голову отрезают.

- А убивать приходилось?

— Это как спросить у хирурга в реанимации: «у тебя под ножом умирали?». Конечно приходилось. Работа такая. Только об этом не думаешь, я-ж тебе говорил. Первый раз запомнился. Летели над дорогой. Обгоняем обоз арб на ишаках. Человек 10. Вдруг смотрю один руку в нашу сторону поднимает. Командир кричит мне «стреляй!». Я ему: да у него и ружья-то нет, просто показывает на наш вертолёт. И вдруг из-за второй арбы вижу вспышку выстрела и – бэнг! Пуля по корпусу! Ну, меня как кто разбудил, тра-та-та-та! В кого-то попал, остальные сами попадали. Мы долетели до базы. Я потом рядом с дыркой от пули в хвосте сфотографировался и с собой фотку носил. А потом был ещё один случай, который меня от жалости и доброты вылечил. Мы перевозили мед. персонал для полевого госпиталя. Высадили их около моста, откуда они уже на лошадях с конвоем должны добираться. Жара – градусов 50! А тут рядом – ледяная речка. Решили, пока конвой ждём, искупаться. Меня оставили в вертолёте. Если кто свяжется. Потом сменят и я искупаюсь. Наши разделись догола и полезли в воду: вокруг никого, только на том берегу – двое ребятишек лет по 8–10, пасут овец. Овцы подошли к речке напиться. И вдруг эти мальцы из-под овец достают по ружью и начинают наших расстреливать. В упор. Голых. Я сперва застыл, как в столбняке. А потом – за пулёмёт и стал их всех поливать: и мальчишек, и овец. Всех положил. Меня тогда поразило, что мальчишки эти моих выстрелов не испугались, а вместо того, чтобы бежать, достреливали моих друзей. А экипаж, с которыми ты каждый день на смерть летаешь – тебе ближе братьев или жены. Из наших никого в живых не осталось.

Он долго насупленно молчал. Разлил остатки вина. Ещё помолчали. Я уже собрался было сказать “спокойной ночи”, как вдруг Андрей вновь заговорил. Будто и не останавливался, а продолжал в голове начатый рассказ:

-А знаешь, что самое страшное? - Что к этому злу привыкаешь. Как к запаху пота или потрескавшимся в кровь губам. И планка того, что можно, а что нельзя, как гангрена ползёт всё выше и выше. Первые разы - за своих отстреливал. А потом меж собой куражились: кто смелее и отчаяннее. А потом уже - засасывало. Как наркотик. Без адреналина закисаешь. О самоубийстве мысли приходят. И ведь когда я уезжал и меня, по традиции “гостинцами” снаряжали, у меня только раз, в самом конце, как обухом по голове добануло, что то, что мы делаем - грех смертный.

Погоди, я тебя потерял. Какими гостинцами?

-Ну помнишь, я тебе говорил, что шмоток навёз? На продажу? Откуда они, думаешь? Нам Маршал Устинов (министр обороны - Я.Н.) ни афганей, ни долларов, ни джинсов, ни Мальборо не выдавал.

Сами собирали.

-Это как?

- Ты чо, правда не понимаешь или просто целочку из себя строишь? Заходили в лавки с Калашниковыми наперевес и набирали, что нравилось.

-А командиры об этом знали?

-Догадывались. Только мы им об этом на линейке перед строем не докладывали. А потом, что они могли сделать, когда все - на пределе и у каждого - по автомату с двумя магазинами? Они нас жуть, как боялись. Да и сами правдами и неправдами норовили что-то оторвать и домой отправить. Иногда даже с солдатами, которые отбывали домой. Но я напуганный был - нам чётко говорили: «Никаких писем или передач! Найдём – вместо дома – в дисбат!». Я только несколько телефонов запомнил и потом позвонил, передал, что живы...

-А ты говорил, что «обухом по голове». Это как?

-Когда меня призвали, моей сестрёнке Томе было 5 лет. И я очень хотел привезти ей красивую куклу, какие видел в Кабуле. В Союзе таких не бывает. И вот ходим из лавки в лавку, ищем куклу. Наконец вижу: около дома сидит девочка лет семи в косынке и играет с такой куклой. Мои архаровцы тоже увидели. Подходят и тянут. А девчонка не даёт. Кричать начинает. Выбегает мать. Сразу врубается, молча забирает у дочки куклу, кладёт на дорогу, и пытается девочку увезти. А та не идёт, застыла, как вкопанная и смотрит на меня огромными не детскими глазами. Глаза – огромные, серые, как у моей Томки. А в них слёзы и ненависть. Меня, как током ударило. Мои архаровцы радуются, что поиск, вроде, закончен:

-Андрюха, такая кукла годится?

Я их отодвинул, взял куклу и положил её к девчонке. А она презрительно босой ножкой куклу откинула, как нечисть, и с матерью в дом ушла. Я там эту куклу так лежать и оставил. У меня теперь эта афганочка, как кошмар, всё время перед глазами стоит...Знаешь, когда там привыкаешь к этому аду, так вроде ничего. Даже интерес какой-то. А сейчас, каких-то 10 дней другой жизни, и возвращаться туда – жутко! Никогда раньше ничего не боялся: ни боли, ни высоты, ни даже смерти... А сейчас боюсь.. Теперь я понимаю, почему они на побывку не пускают; те, кто возвращаются – чаще всего пулю в лоб и пускают. Или на героин садятся...

Я не знал, что сказать. Ещё помолчали. Андрей разлил остатки.

- Всё. Хватит душу травить. Давай на посошок выпьем, - и спать!

Выпил, лёг и сразу затих.

Когда я проснулся, мы подъезжали к Москве. Он уже сидел одетый и глядел в окно. На меня посмотрел с раздражением.

- Эй, то, что я вчера с пьяных глаз наплёл – брехня. Всё придумал. Для красного словца.

- Да я и не помню что ты мне говорил: пьяный был.

-Пиздишь, но ладно. Мне сейчас всё равно!

Я протянул ему книгу О. Генри.

- Бери, я ещё достану.

- Нет. Не нужны мне там эти сопли в сахаре.

- Ты в Москве сколько будешь? Если никого нет, можешь ко мне.
Он зло на меня посмотрел и вдруг говорит:

- Спасибо тебе, Яков, за водку, закуску, да культурную программу, но отъебался бы ты от меня, а?

Взял свой чемодан и рюкзак и, хоть до вокзала было ещё минут 20, пошёл в другой вагон. Больше я его не видел.

КАК ГОВОРИТЬ С ИНОПЛАНЕТЯНАМИ (УРОКИ СОБАКИ ЛИЛИ)

«Святая наука - расслышать друг друга
Сквозь ветер на все времена» Б. Окуджава.

Всё чаще мы задаём себе вопрос: как общаться с теми, кто в результате информационной разобщённости, изощённой пропаганды и сетевых алгоритмов оказались по другую сторону категоричной непримиримости мнений. Особенно болезненно-остро этот камень преткновения возник сейчас, во время войны. Разобщённость настолько велика, что подчас ощущаешь себя пришельцем с другой планеты.

Самое банальное решение – сократить общение с «инопланетянами» или (когда речь идёт о родных или близких друзьях) избегать конфликтных тем... Многие так и делают. Я не готов затыкаться и пассивно закапывать голову в песок: Но как что-либо обсуждать или доказывать, если обе стороны убеждены в ошибочности или лживости информации на «другой планете»? При этом я понимаю, что у «них» не меньше оснований считать меня обалваненным зомби, чем у меня – их. Помогла мне найти ответ, как ни странно, наша собака Лили (см. фото)

Эта сука (в лучшем смысле слова) доставала нас своим лаем. Стоило кому-либо появиться в радиусе 50 метров от нашего дома, как она бросалась к двери и начинала зло и очень громко заливаться. Происходило это чаще всего днём, когда у жены Светы (а она работает из дома) важные собрания. Что мы только ни делали: кричали на Лили, задабривали самыми вкусными лакомствами, запирали в туалете - ничего не работало. Дошло до того, что Светка начала просить: «у меня с 9 до 11 – зум с боссом. Не погуляешь с собачкой? Погода, вроде, хорошая.... Плииииз!?»

Я резко увеличил количество проходимых за день шагов, но мы понимали, что это – не решение. Пытка продолжалась, пока я не наткнулся на книжку “The Dog Guardian” английского специалиста по психологии собак Nigel Reed. Прочитав и попробовав его рекомендации на Лили, я ... почувствовал себя полным идиотом и понял, что испытывал бедный доктор, когда Шерлок Холмс талдычил своё сакраментальное: «Это же элементарно, Ватсон!» Работало, как магия! Почему я сам не допёр до такого простого и эффективного решения!?

Десятками тысяч лет собак приручали быть на страже нашего обиталища. К дому подходит незнакомец. Это может быть как друг, так и враг. Лили не в состоянии это определить. Мы, её тугоухие подопечные, ни хера не слышим. Она ставит нас в известность о потенциальной опасности, честно выполняя свой собачий долг. Вместо того, чтобы бегать с выпученными глазами, орать, запирасть её в туалет или давать абсолютно неуместные лакомства, от нас просто требуется убедиться, что это не враг. Вот уж, воистину, «элементарно, Ватсон!». Теперь, как только она начинает лаять, мы подходим к двери, проверяем что за ней происходит и говорим Лиле: «Спасибо! Всё в порядке!». Счастливая, что была понята и выполнила свой долг, Лили виляет хвостом и спокойно ложиться в свой угол. Всё! Проблема была лишь в том, что мы с Лили пребывали вразличных, непересекающихся информационных пространствах. Попытки убедить собаку в ложности её предпосылок была обречена на провал: слишком глубоко прошита многовековая муштра. Да и наши английские слова с вкраплениями русского мата не шибко ей понятны.

С «инопланетянами» – тот же компот: если, как с Лили, а priori допустить, что их предпосылки истинны (как в школьных задачках на доказательство «от противного»), то они начинают слУшать и даже слЫшать. Ну и в итоге, как в тех-же задачках, выстраивая логическую цепочку аргументов, с которыми они не очень спорят, приводишь к выводу «ч.т.д.». Я эту методику в последние недели испытывал неоднократно (пара конкретных примеров – в приложении).

В отличие от Лили, Homo Sapiens обладают гордостью, упрямством и тщеславием, которые не позволяют им сразу менять свою позицию и вилять хвостом. Поэтому «я с тобой не согласен, но в этом что-то есть» или «мне надо с этим переспать» я воспринимаю, как ненулевой результат, а значит - успех.

Приложение - примерчик

Первой ощутимой победой был спор с питерским приятелем (назовём его Вася). Моё мнение было для него безразлично, и он явно вызывал на дискуссию. Главной его темой была защита русского населения, страдавшего от дискриминации в Украине все эти годы.

Вот как звучали наши баталии прежде:

Вася - Украинские националисты мочили русских все эти 8 лет, притесняли, ограничивали изучение русского языка в школах, выселяли их. Почему тогда вы все и вся мировая общественность молчала?

Я - Если и были какие-то одиночные случаи, то это не оправдание того, что происходит сейчас

В - Одиночные?!? – и дальше сыпались хорошо известные примеры дискриминаций и злодеяний...
Всё. Тупик. Разговор переходит на другую тему....

В - Кому, как не нам их защитить?

Я - После Второй Мировой Войны захват Судетской области Германией в 1938 году для защиты немецкого населения был безоговорочно осуждён. Это не может служить оправданием агрессии

В - Вы, евреи, веками страдающие от погромов и истреблений, должны, как никто нас понять. Ведь вы признаёте право Израиля бороться против антисемитизма и вставать на защиту евреев во всём мире! Почему-ж вы не признаёте право России бороться против русофобии и защищать соотечественников?

Опять тупичок...

Теперь, набравшись «собачьей мудрости» и пораскинув мозгами, я стал отвечать иначе:

- Я нисколько не идеализирую украинских националистов. Помню рассказы моей мамы, которая, кстати, родом из Винницкой области, о погромах и заживо сожженных в запертых синагогах стариков, женщин и детей; не немцами, а «своими-же». Да и меня шипящее «москаль чортів» сопровождало во время поездок во Львов и в Закарпатье (Вот видишь, Лили, мы не игнорируем твой лай, а очень даже к нему серьезно относимся!).

- Окэй, рад слышать, что ты не безнадёжно промытый... И какой вывод?!

- Такие преступления нельзя оставлять безнаказанными! Россия должна была, как сейчас это делают украинцы, собрать всю информацию и подать в международный трибунал. Непонятно, почему этого не было сделано. Но и сейчас не поздно: преступления против человечности не имеют сроков давности. Особенно сейчас, когда украинцы открывают в Гааге многочисленные процессы против России, такие обвинения будут рассмотрены с особой тщательностью и показательной объективностью.

- Хм. Да, пожалуй в этом что-то есть. Но что с теми миллионами, которые остаются под бандеровцами? Бросить мучаться?

- Ты упомянул Израиль. Когда эфиопским евреям в 80-х годах грозило физическое истребление, Израиль не стал вооружать их, вводить войска или приводить доводы об их исторических корнях (они жили там со времён царя Соломона), а организовал воздушный мост и перевёз их ВСЕХ к себе. И когда уже сейчас во Франции на религиозных евреев начали нападать и взрывать синагоги, израильтяне не пытались снабжать их оружием, а предложили переехать в «землю обетованную». Обеспечив жильём, пособиями и т.п. При плотности населения 380 человек на кв. км. Также по отношению к своим соплеменникам вела себя Британия, передав Гонконг Китаю или Франция, уйдя из Алжира. В России плотность – всего 8 человек на кв. км. Иммиграция – лучший способ стимулировать экономику, особенно при теперешней нехватке людей в России. Вы должны были открыть объятия для своих соотечественников, а не делать из них заложников агрессии.

- Хм. Интересный и неожиданный ход мыслей. Я как-то об этом не думал. Мне надо с этим переспать. Ладно. Хрен с ней с политикой. Как дома?

ЯКОВ НАЕРМАН
РОССИЯ-США

СИНЕ-ЖЁЛТАЯ ПЕСНЯ

У каждого есть цвет любимый, согласный вкусу и мечтам.
Я жёлто-синее созвучье предпочитал другим цветам.
Я помню первые рисунки: на синей краске - жёлтый круг,
На небе мартовском мимозы вкрапления вспыхивали вдруг.
Когда ж пришла пора влечений, то я влюбился первый раз
В кудряшки светло-золотые, в насмешки серо-синих глаз.

Но вот война. Страх. Стыд. Безумье. А календарь опять не врёт.
И вновь на улицах мимоза везде бесхитростно цветёт.
Но цвет её крикливо-желтый на васильковой синеве
О флагах на полях сражений напоминает с болью мне.
О взрывах, крови, пепелищах, что над землёю плач и дым,
Что «нам нужна одна победа: мы за ценой не постоим»

Я знаю: рано или поздно война проклятая пройдёт,
Мы не простим и не забудем, но жизнь – она своё возьмёт,
Осмотримся, залижем раны всем адским силам вопреки,
И меж пшеницей, словно блёстки, вновь засинеют васильки.
И знаю я, что птица счастья над пожелтевшею травой
К добру, надежде нас поманит своей сапфирной синевой.

ЯКОВ НАЕРМАН
РОССИЯ-США

24 ФЕВРАЛЯ 2023

Год пролетел. Опять весна. И календарь опять не врёт.
И вновь на улицах мимоза везде бесхитростно цветёт.
Но цвет её крикливо-желтый на васильковой синеве
Не о цветах к 8 марта напоминает тихо мне,
А вновь о жёлто-синих флагах над маревом огня и дыма...
Боюсь, что эти перемены в сознании необратимы...

ЯКОВ НАЕРМАН
РОССИЯ-США

В Америке живу ровно половину своей жизни. Кто я тогда? Русская эмигрантка или американка русского происхождения? И то, и другое. И ещё человек, страстно ненавидящий войну, убийство и насилие и высоко ценящий свободу во всех её проявлениях. Этим ценностям я учу детей в школе и дома.

Иногда я думаю, что пишу посредственно и что не стоит мне писать вовсе, но порой так сильно припирает, что кроме как к листу бумаги бежать некуда. Вот и продолжаю наслаждаться маленькими радостями блаженного графомана. Надеюсь, что что-то из моих сочинений откликнется в вашем сердце.

ВЕРА АРБОЛЬ

РОССИЯ-США

УЧИТЕЛЬ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Здесь лето расцвело, шумит волна,
бормочет шмель в полёте что-то,
а где-то далеко идёт война -
там убивают даже по субботам.

От глаз пытливых прячется за лист
клубника, как девица под венец,
а в это время жуть наводит свист
ракет, сулящих всем живым конец.

Колибри тычет хоботком в цветы,
дразнит шашлык на тлеющих углях,
а где-то взрывы - рушатся мосты,
и сердце сковывает липкий страх.

Мне года полтора как не до сна -
и летняя отрада не спасает,
ведь где-то далеко идёт война,
я не могу понять, что так бывает.

ПАРИЖ

Дождь течёт по стеклу потоком,
очертанья размыты, но всё ж
город видится вольноокий –
может, только лишь выдумка, ложь?

Улизнуть туда, в общем, малость,
самолётом иль на корабле,
в дождь осенний в кафе, где радость:
сыр рокфор и вино Божоле.

Да, в Париж. Похрустеть багетом,
позабыть о безумной войне,
запастись хоть каким ответом,
лишь бы в этой не жить западне.

На Монмартр – посмотреть на лица,
к башне Эйфеля, в Лувр, на Поля,
за край жизни чтоб зацепиться
и решиться начать всё с нуля.

Ах, Париж! Не хвалю и не хаю,
мне бы только займы два крыла,
я так долго об этом мечтаю,
что мне кажется, я там была.

ВЕРА АРБОЛЬ
РОССИЯ-США

НЕЗАБУДКА

Ветры дерзкие шарят жутко
по просторам безмолвной земли,
только хрупкая незабудка
не закрыла глаза свои.

Возвышается гордо, горько,
там, где небо, как из свинца,
в поле пролито крови столько,
что ни краю и ни конца.

И она, как упрямый прапор,
тут стоит из последних сил.
Бойся, фарсовый император,
не забудет она могил.

Не забудет серые груды
изуродованных городов,
где в разбитых домах безлюдно,
только ветра унылый зов.

Не забудет она мужчину,
что на выжженном пустыре
держит за руку мёртвого сына,
эти пальчики отогрев.

И в особенности ублюдков,
поименно и наизусть,
не забудь, моя незабудка,
не забудь ты их, не забудь.

Меня зовут Данила. Я уже много лет живу во Франции, в городе Нанте.

Я уехал из Москвы, так как тяжело заболел и родители решили, что мне нужно лечиться за границей. В юности я писал песни.

Во Франции у меня было несколько групп, в которых я играл на пианино и на аккордеоне. Также я делал аранжировки.

ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ

РОССИЯ - ФРАНЦИЯ

МУЗЫКАНТ

Под прицелом
Я нахожусь с детства,
Я не боюсь, хотя в целом,
Мне некуда деться.
Безусый солдатик
Настанет срок,
Мне скажет "хватит",
Нажмёт на курок.
В сердце, в спину,
Не принципиально,
Он мне вырвал могилу,
И это печально.
Винтовка бойца
Из миллионов,
Навела на меня,
А боец при погонах
За мной следил,
Вычислял по карте,
Знал, что встретимся с ним,
И застыл на старте.
Он в руках худых
Паспорт мой вертит
И в него добавляет
Дату смерти.
Я его не просил
Не бросать меня в бездну,
Разговаривать с ним,
Знал, бесполезно.
И что нужно убийце,
Мне теперь всё равно,
Я ведь умер, родившись,
Я умер давно.

Выстрел, и я упал,
Мой путь человеческий пройден,
За мою кровь генерал
Получил свой четвёртый орден.
В руки вложив мне ствол,
Мне в карман положив гранату,
За мою боль военком
Получил неплохую зарплату.
О как легко воевать,
В бою свою чувствовать силу,
Если за жизнь мою мать
Завтра получит машину.
Говорят про меня "оккупант",
Но мне всё равно если
Кремлёвский рок-музыкант
Сочинит про меня песню!
И пусть у жены аборт
И меня все скоро забудут,
Я очень счастлив и горд,
Моя смерть помогла стольким людям.

ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ

Я напишу тебе письмо
Надеюсь, это не напрасно
Скажу тебе лишь об одном
Ведь обо всём-небезопасно
Его получишь ты не сразу
(" Курьер" не будет торопиться)
Произнесёшь одну лишь фразу:
" Да,Мир совсем не изменился!"
Вновь в зеркале, надев погоны
Любуется собой ребёнок
И замолкают вдруг вороны,
С ума сойдя от похоронок
Всё также кровью на снегу
Убийцы пишут мемуары
Всё также Пражскую Весну
Расстреливают генералы
Ну а Весна опять вернётся
" Меня наверное не ждали"-
Нас, улыбнувшись она спросит:
" Как без меня вы зимовали? "
Мне говорят:" Запомни, милый
Ведь происходит всё во имя
Борьбы Добра и Светлой Силы"
С тем злом, что выдуманно ими
Мир не меняется, неважно
Какие люди, в каком веке
Всё повторяется и страшно
Что мы давно смирились с этим
Всё, написал, сейчас отправлю
Когда получишь ты письмо
Ты всё изменишь, точно знаю,
Что изменить мне не дано.

МОБИЛИЗОВАННЫЙ

У него пена течёт изо рта,
Он кричит:" Мир опасен! Мир вооружён!"
И кто из двоих нас сошёл с ума,
Мне кажется, это он .
Для него"разговоров"время прошло,
Для него гром орудий-церковный звон,
И кто -то один из двоих нас"хуйло",
Мне кажется, это он.
Говорит он: "Им всем прилетел бумеранг,
А мы-большая семья!"
Но кого из двоих нас раздавит танк,
Мне кажется, что меня.

Приснилось мне, что я опять ребёнок,
Что делаю я первые шаги,
Едва освободившись от пелёнок,
И мама шепчет мне: "Иди, иди!"

А в маминых глазах, от грусти влажных,
Вся доброта вселенной, но я знал:
зло всё же есть, и помнить это важно,
И, помня это, я добрее стал.

ДАНИЛА ЛЕВИЦКИЙ
РОССИЯ - ФРАНЦИЯ

Анна Манукян Арменовна - филолог, преподаватель русского языка и литературы, поэт, прозаик. Родилась в Москве, жила 11 лет в России, потом в Армении еще 11 лет. В 2016 году окончила бакалавриат в Российско-Армянском (Славянском) университете по направлению «филология». В 2016 году переехала в США. В 2019 году окончила магистратуру в Колорадском университете по направлению «русистика».

Владею армянским, русским и английским. Пишу стихи и прозу на русском и английском. В свободное время изучаю испанский язык и занимаюсь музыкой.

АННА МАНУКЯН

США

ФИЛОЛОГ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Почему мир такой?

Или всегда был таким, не замечала...
 Говорят, мир страшный и кривой...
 Пока не коснется тебя, ты не замечаешь...
 Слышишь краем уха вести,
 Тебе жаль или не очень,
 Говоришь, заслужили ведь смерды,
 Чего хотели,
 Сами свою судьбу вершили...
 Дай Бог, чтобы мир и покой
 Любовь и добро
 Было одно,
 А что нам делать?
 Как дальше жить?
 А хочешь так ли жить?
 Влача жалкую жизнь,
 Думая о кусочке хлеба
 И забывая мир,
 Природу, что создала тебя,
 Лелеяла, растила,
 И за тобой ходила
 По пятам.
 Не хочу так жить,
 Не хочу,
 Другой ответ не принимаю,
 Я бороться хочу,
 Я чувствовать себя человеком хочу,
 Что я здесь, на этой земле не зря.
 Хочу творить добро,
 Чтоб не было голода и войн,
 Чтоб люди любили друг друга
 По-настоящему

Как себя,
 Хочу, чтоб жизнь была другой,
 Радостной
 Живой,
 Озорной,
 Всегда манящей
 И приключенческой порой.

Если бы вы знали,
 Боль ненависти, войн, разлук,
 Когда погибает на войне твой близкий друг,
 Когда не стихают повестки на фронт,
 И ты дрожишь, а вдруг его призовут,
 А вдруг другого возьмут.
 Не знаешь, куда деваться...
 Сердце клокочет,
 Вырываясь из груди.
 Смотришь на телефон
 И ждешь вестей...
 Сердце хочет сквозь землю провалиться,
 Остановиться и навек забыться,
 Забыв ужас и глаза людей,
 Которые в слезах твердят о судьбе детей,
 Лежат на могилах своих детей
 И долго смотрят на каменные плиты,
 Говорят: «Сыночек, подожди,
 Скоро и я приду к тебе,
 Все на небесах у нас впереди».
 Если бы Вы знали...
 Не Дай вам Бог знать этого никогда,
 Не выдержит сердце,
 Сгниет и померкнет навсегда.

Цепи вокруг шеи,
Вроде их нет,
Но они есть...
Чувствую себя в капкане,
Улыбаюсь всем, но это лишь маска,
Огромная маска, скрывающая все, что возможно:
Потерянный взгляд, тревожность,
Тихий ужас в глазах...
Когда это все случилось?
Я же была счастливой, просыпалась с улыбкой на
лице,
Благодарной Богу за каждый день,
За каждый шанс прожить немного больше,
Но все померкло вдруг.
Нужно во всем находить плюс:
Как у Воланда в любимом романе:
«Что бы делало твое добро, если бы не
существовало зла, и как бы выглядела земля, если
бы с нее исчезли тени?»
Но иногда нет просто сил,
Сколько можно находить позитив?
Господь, смилуйся
и покажи
нам путь,
Всем Рабам твоим озари путь.
Аминь.

Опомнитесь люди,
Оглянитесь вокруг,
Разве созданы мы зря,
Для вражды, войн и ненависти,
Бесконечной травли,
Жалкого существования,
Ужасного разочарования?!
Верю, есть дорога любви,
Добра и света,
Только одна не справлюсь я.
Объединение ждёт нас непременно,
Не зная национальностей и веры,
Исправит и направит постепенно.

Откуда взялось столько боли...
Разве сердце может вместить все это?
Одни разочарования везде,
Перечислять не хочется да и никому не нужно это все.
Не хочется быть токсичным человеком,
Но хочется кричать от боли:
Люди! Человеки! Сделайте же что-нибудь, не молчите,
Когда войны, распри, недопонимания прекратятся,
Хочется лишь одного -
Гармонии с природой и человечеством.
Долой злость, гнев, месть!
Разве для этого мы оказались на этой планете?
Хочется верить, что мы для чего-то большего,
Неслучайно здесь оказались.

Живу в Калифорнии с 1992 года, куда уехал из СССР. Свой первый сборник поэзии издал в 2017 году. Работаю над новым сборником, куда войдут стихи, проза, публицистика. Люблю путешествовать, посетил более 45 стран. Печатался в альманахе в Сан Франциско. Выпускник семинаров Дмитрия Быкова. Член литклуба Сан Диего с 2012 года.

АРНОЛЬД КОПТЕВ

США

РИЭЛТОР

РОССИЯ2036.НЕТ

«ВСЕМ СИДЕТЬ НА ПОПЕ РОВНО И НЕ КРЯКАТЬ»

Платформа «россия2036.нет» изначально была создана как портал, где писатели, поэты, певцы, композиторы, артисты, сценаристы, режиссёры, художники, скульпторы, то есть вся передовая творческая интеллигенция страны, могли бы выставлять свои произведения на острые социально-политические темы. Со временем туда же добавилась политическая фантастика. Ниже – рассказ нашего собственного корреспондента о параде на Малой Красной Площади в городе федерального значения Геленджике, проходившем 9 Мая 2036 года и посвященном 91-й годовщине Победы в Великой Отечественной Войне.

На трибуну поднимается Президент. Обращаясь к участникам парада, он говорит:

- Граждане России! Поздравляю вас с великим праздником Победы. Наша страна не допустила порабощения немецко-фашистскими захватчиками Советского Союза, включая все 15 бывших республик («перечисляются по алфавиту» - прим редакции). Напомню также, что мы освободили от гитлеровской чумы многие страны Европы, в которую сегодня входят 75 государств. И что же мы видим теперь происходит на Западе? Это пропаганда движений за однополые отношения («признаны иноагентом в РФ» - прим. редакции), распространение экстремистских и радикальных групп, требующих сменяемости власти («являются запрещенными организациями в РФ» - прим. редакции), принятие обществом различных клубов трансформеров («нежелательные организации в РФ» - прим. редакции). Полный развал нравственных устоев в этих странах привёл к процветанию извращенцев, педофилов, наркоманов, проституток и всяких ЛГБТ. Теперь на наших границах, мы видим плотное кольцо стран НАТО, включая Украину, Грузию, Армению, Азербайджан, Молдову, которые пытаются унижить наш великий русский этнос и поставить нас на колени. Но наши духовные скрепы объединяют нас и помогают отразить любую атаку извне, в том числе и благодаря новому оборонительному военно-космическому комплексу ракет большой дальности «Урюпинск ВВП-2000».

Затем Президент поворачивается к группе людей, сидящих на трибуне:

- Дорогие внуки и правнуки Ветеранов Войны! Ваш вклад в защиту чести и достоинства ваших дедов, их честного имени, навсегда останется в наших сердцах. Уверен, что на вас всегда может положиться наша великая страна. Вы, как всегда, будете в первых рядах борцов с вражеской нечистью, навязывающей нам свои мерзкие уродливые и извращённые ценности, используя сеть интернет, телеграмм-каналы, социальные платформы «Тук-Тук», четырехмерное телевидение, дистанционное панорамное кино и мобильную связь поколения 7 Г.

- Дорогие сограждане! В связи с вышеизложенным, хотел бы доложить вам, что, после долгих раздумий, принял решение остаться во главе государства еще на один срок для защиты его интересов от агрессивных стран Запада, ЕС, США, Канады, Австралии («далее следует список из 180 стран по алфавиту» - прим. редакции). Для этого, начиная с завтрашнего дня, объявляю о досрочном сложении своих полномочий как Президента РФ. Я уже подписал приказ о назначении меня ВРИО Президента РФ до следующих выборов, которые назначаю на первые 2 недели сентября 2036 года. Кстати, приветствую голосование по интернету, не выходя из дома, это быстро, удобно и надёжно для граждан.

- Сообщаю, что после тщательных консультаций с Верховным Судом, Конституционным Судом, Министерством Юстиции, Государственной Думой, Советом Федерации, Администрацией Президента, Следственным Комитетом, ФСБ, ГРУ, СВР, Министерством Обороны, МИД, МВД, ФСИН, Роспотребнадзором, МЧС, Росцифрой, Роскомнадзором и, конечно же, Генеральной Прокуратурой, пришёл к следующему заключению. Срок полномочий Президента, когда он досрочно уходит со своего поста до истечения шестилетнего срока, не является полным сроком пребывания на должности как таковым и, соответственно, не учитывается как полный срок пребывания на посту Президента за данный период времени. Таким образом, находясь на посту Президента только один срок с 2024 по 2030 годы, предлагаю мой текущий срок с 2030 года не учитывать. Поэтому период с 2030 по 2036 годы не считать полным периодом работы в связи с досрочным, замечу, добровольным сложением моих полномочий.

На параде слышны громкие продолжительные аплодисменты, здравицы в честь Президента. Все сидящие на трибунах вскакивают с мест и с криками «Ура!» начинают креститься. Зрители же покорно взирают на Мавзолей, в котором в 2029 году, к 150-летию со дня рождения, был торжественно перезахоронен прах И. В. Сталина. Президент уверенно продолжает:

- Не сомневаюсь, что мы все вместе, встав с колен и объединившись вокруг нашей ведущей партии, вновь как один, проголосуем за стабильность нашей страны, не дадим никому раскачивать нашу лодку, окажем достойный отпор демагогам-болтунам и недобитым блогерам, финансируемым НАТО, ФБР, ЦРУ, ЕС, США. Мы покажем всему миру, что с нами теперь надо считаться, поскольку космодром «Восточный» уже окончательно заработал в прошлом году. («В это время высоко в небе над парадом пролетает объект, похожий на межконтинентальную ядерную ракету, уходящую на запад» - прим. редакции).

- Пользуясь случаем, разрешите представить вам человека, хорошо знакомого многим россиянам. Это А. А. Завальный. Как вы помните, на выборах Президента РФ в 2024 году, когда участвовало 10 партий, он уверенно занял второе место с 5% голосов, оставив совсем немного от меня. Потом с 2024 по 2030 годы он успешно возглавлял Министерство по Борьбе с Коррупцией (так называемый «Роспил»), где активно проводил работу по выявлению взяточников и казнокрадов, отправляя их на отбывание заслуженного сурового наказания. Затем, в 2030 году, когда на выборах Президента РФ среди 35 кандидатов я вновь занял первое место с 99% голосов, то А. А. Завальный успешно возглавил Администрацию Президента РФ. Он сделал её важным рычагом в борьбе с инакомыслием, оскорблением власти, унижением государственных служащих, травлей военных и экстремистскими высказываниями, подрывающими политическую стабильность и конституционный строй нашей многонациональной страны. Кстати, пользуясь случаем, поздравляю А. А. Завального с наступающим через несколько дней 60-летним юбилеем.

- Таким образом, приказываю, начиная с завтрашнего дня, назначить его руководителем моего избирательного штаба по выборам Президента РФ на следующий ответственный период в жизни страны с 2036 до 2042 года. Не сомневаюсь, что господин А. А. Завальный справится с поставленной задачей блестяще. Надеюсь на ваше понимание...

Эта заметка пришла нам от нашего европейского спецкора канала «россия2036.нет» Антона Сумбурного (Гурзуф, Крым, Украина).

СИДИТ РОССИЯ

Сидит Россия в топи,
Сто лет уже сидит.
Но, кроме «новость в топе,
Что у руля бандит»,
Страна молчит, как рыба.
Бойтся бунтовать.
На север от Транссиба
не хочет уезжать.
Что Ленин, Сталин, Ельцин –
Нет разницы совсем.
Слепить любое «дельце»
Там смогут быстро всем.
Всегда царя боялись:
«Опричники, вперёд!»
Хоть сто веков промчались,
Но он остался, гнёт.
Бесчестье, кражи, взятки
Крышует прокурор.
В суд спустят разнорядки,
Кто вор, а кто не вор.
Доколе ждать прозренья?
Очнётся ли народ?
Наступит пробужденье?
Не хватит ли невзгод?

НА ГОДОВЩИНУ СМЕРТИ СТАЛИНА ЭРИТРЕЯ

Это не война, а «спецоперация».
Это не страна, а профанация.
Это не Президент, а падишах.
Это не экономика, а крах.

Это не тюрьма, а колония.
Это не СМИ, а зловоние.
Это не Дума, а бездумие.
Это не власть, а полоумие.

Это не выборы, а кино.
Это Конституция? Мне смешно.
Это не Суд, а шапито.
Это не народ, а «никто».

Это не полиция, а гестапо.
Это “не их вина, а НАТО” .
Это «во всём Ленин виноват»,
А Эритрея теперь им брат.

Пол: М. Мне сорок. Я в России.
Юрист. Женат. Есть дочь. Курю.
Ленив. Поборник энтропии,
Себя за это сам ~~люблю~~ корю.

ВАДИМ БОВИН

РОССИЯ

ЮРИСТ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Каждый день, изо дня в день, я возвращаюсь к мысли об отношении к тому, что началось 24 февраля 2022 года. Я обсуждаю это со знакомыми и друзьями, я выслушиваю мнения различных людей, я читаю аналитику. Пытаюсь как-то сформулировать своё отношение к войне.

Сформулировать не как «за или против». Здесь нет вариантов. Для меня. Не сформулировать «а что теперь делать». Здесь тоже нет двух мнений. Нет и трёх. Их вовсе нет. «Не знаю», - это то, в чём просто бояться признаться все, – от президентов до школьников.

Я пробую сформулировать свой дискурс. Каждый день вновь и вновь устремляюсь мыслями и чувствами с этому физически ощущаемому факту, и этот мой дискурс рассыпается, сталкиваясь с препятствиями.

А что случилось, как саркастически спрашивают некоторые? В чём, собственно дело?

Вокруг меня не стреляют. А в украинцев – да. Им тяжелее.

Моя жизнь стала дороже, менее комфортной. Но про других-то и говорить нечего!

Я не могу запланировать отпуск в Италии. Ну, нет, не могу. Но ведь не это же вызывает терзания! Не географическая же это проблема. Не логистическая! Не туристическая!!!

Вчера, встретившись с подругой, и рассуждая о жизни, я вдруг смог вербально выразить свои чувства. Как-то сложился пазл. Возможно, до этого я брал кусочки от разных картинок?

В 2011 году мы с женой ездили в Литву, в Палангу. Обожаем это место!

Определив пункт назначения, озаботились выбором пристанища. Гостиницы отмели. На сайте для аренды квартир выбрали наиболее подходящую по цене, интерьеру и удалённости от моря.

Я написал хозяину, и некоторое время мы обсуждали с ним детали, обмениваясь письмами. Было видно, что английский не так удобен ему. Вскоре он признался, что просит дочь выступать

«синхронистом». Чуть погода Альвидас (так его звали) предложил писать по-русски. Ему так было проще и удобнее.

В Паланге нет аэропорта, и прилететь мы были вынуждены в Вильнюс. Альвидас встретил на своём авто, довёз до квартиры, рассказал о бытовых деталях.

В путешествия – для подобных случаев – всегда берём какие-нибудь сувениры и небольшие подарки с российским колоритом. В этот раз за колорит отвечали бутылка Stolichnaya vodka (бело-красная этикетка, вы должны помнить этот «супрематизм в контуре бухлишка») и банка красной икры. Понимая, что Альвидас, который старше меня лет на 15-20, должен отлично помнить эти советские символы благополучия, я купил их ещё в московском аэропорту, и вручил нашему гостеприимному знакомому при встрече.

Он оказался просто очарован. Расчувствовавшись, сказал: «Это было так давно! В совсем другой жизни. В мире, которого больше нет». А я ответил... Я, русский, ответил литовцу, который радушно принимал нас у себя дома: «Альвидас, мы всё равно будем вместе, никуда не денемся! Мы же все, на самом деле, одна страна, один народ!» И мы пожали руки, и приобняли друг друга, растрогавшись от момента.

В 2017 мы ездили в Савону. Кристине, хозяйке квартиры, мы привезли гостинцы всё с тем же колоритом. Объяснили, что рюмки для водки хорошо бы охладить в морозилке, а икру (в этот раз была крошечная банка осетриной икры) следует подавать на небольших бутербродах или на канапе, с листочком петрушки. Водку также хорошо будет закусить чем-нибудь горячим и перчёным. В день отъезда Кристина подарила итальянское красное вино. Мы расставались добрыми друзьями. Не было ни границ, ни России/Италии, ни Шенгена/СНГ – ничего такого! Были симпатичные друг другу милые и душевные приятели.

А теперь, в две тысячи двадцать втором году от рождества Христова, я не могу... и не смогу! Не смогу уже никогда! Никогда – в моей жизни – не смогу произнести те же слова, смотря в глаза Альвидасу или Кристине, не будучи поставленным перед необходимостью объяснить: дорогой друг, я не имею в виду (и не имел, понятное дело!), что моя страна, как «старший брат-алкоголик» может въехать к вам на танках, разбомбить ваши города и сжечь поля.

Я не смогу, игриво глядя в глаза собеседнику, сказать, что «Москва недалеко от моего города, всего 1000 км» (помню, как Кристина округлила глаза, услышав это «недалеко»), что «для русских – это пустяк!» Любую фразу я должен теперь пояснить! Любой самый безобидный пассаж будет таить для собеседника коннотацию войны. Любое упоминание того, что мы – один народ, будет звучать, как угроза, а не как «все люди – братья». И я... я... Я – вынужден расстаться с мыслью, что меня видят равным себе, поэтому чувствую потребность вначале оправдаться: я не из этих. Произносятся любые (любые!) слова – осторожно или неосторожно – я не имею, и не буду иметь в виду поддержку варварству. И важно это, разумеется, не потому, что я так дорожу именно мнением литовца, итальянки или подданного Английской короны. Но перед собой – сам себе – должен напомнить (и напоминать) об этом.

Мой уютный и понимающий мир был вполне себе разрушен.

Я не взываю к жалости и соболезнованиям! Не стоит кидать в меня камни со словами «а ты подумал о том, как другие себя ощущают». Подумал. Многим больнее и труднее. Но я не соревнуюсь. Не заставляйте меня оправдываться. Тем более, я достоверно не знаю, как это сделать. Пытаюсь прожить этот период, отрефлексировать его. Пробую построить дискурс, чтобы он помогал идти дальше, а не разбивался бы снова о факты и сводки новостей.

JEDEM DAS SEINE

Во смертных Бог вдохнул огня,
И люди добавляли всякого:
Тому — вода, тому — земля,
Чтоб в целом вышло одинаково.

Конечно, есть и те, кому
Пришлось чуть больше «компонентов».
Вот ей! И им. Тому, ему...
В них видим сразу конкурентов.

И вспомним «да-да-нет» и «да»,
И нарушение статута...
И то, что мы-то — ни-ког-да,
Что «нас там нет». Нас нет! Мы тут...

И в тех попытках «уровнять»,
В том дележе «твое-мое»,
Услышишь: «Сука, твою мать!
Дай мне!» И каждому — своё».

АССОЦИАЦИЯ

Задумка: veni, vidi, vici,
Суворов, Невский, Рокоссовский,
Какой там Цезарь?! Вот величие:
Три дня, и "Киев наш", московский!

На деле: гойда, грязь и серость,
Презрение, ненависть, позор...
С себя спросить имейте смелость:
Пришёл?
Увидел??
Выйграл???
Вздор!

Вначале, как известно, было Слово,
И дальше тоже в основном — слова.
Живём мы не богато, чуть сурово,
Зато порядок, СВО и невойна...

Февраль... Достав чернил, ты плакал? Нет же!
Достал пролётку? Нет? Уехал прочь?
Не захотел? А ты не сумасшедший?
Нет, просто ждал, когда отступит ночь.

Ну-ну, давай! Вот только ты запомни:
Крымнаш, ЛДНР, Бахмут, Херсон.
Все эти санкции (тьфу-тьфу) никчемны!
РФ и Вагнер дышат в унисон...

Да, вот ещё: спасибо деду. Это...
Неонацистам смерть. Бандеру в печь!
Ко Дню Победы... Точно уж до лета
Хохляндии под нас придётся лечь.

Чёрт побери! Второй год русофобы
Ведут борьбу зачем-то. Против нас!
Хотят мерзавцы (знаем точно!), чтобы
Завоевал Рассею англосакс.

«Секрет разгадан. Нужно слов поменьше.
Нам хватит букв: V, Z и ЧВК,
И победим» - твердит мудака мудрейший,
.....
Но вам охота слушать мудака?

Садковская Валерия, живу с семьёй в Украине, в Харькове. Работаю в техническом университете, доцент кафедры иностранных языков. Сильные эмоции, впечатления, ассоциации, пожелания или молитвы иногда рифмуются на трех языках: украинском, русском или английском. Язык выбирают они самостоятельно. В прифронтовом городе это действительно помогает сохранять душевное равновесие. Очень хочется рассказать о том, что происходит, в какой реальности мы живём, что чувствуют и думают люди, вызвать эмпатию.

ВАЛЕРИЯ САДКОВСКАЯ

УКРАИНА

ФИЛОЛОГ

*НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ:
"ИБО ЕСЛИ ВЫ НЕ БУДЕТЕ
ПРОЩАТЬ ЛЮДЯМ..."*

За отца, он часами молитвы читал
Над своим остывающим сыном,
За набитый телами Изюмский подвал,
За пожар, что удушливым дымом
Гнал людей по весеннему льду,
Не прощу я их, Господи, не прощу!

За безногих, безруких, убитых детей,
И за флаги на новом погосте,
За ужасную цепь бесконечных смертей,
И за землю, где мины и кости,
И за то, что распяли, украли весну,
Не прощу я их, Господи, не прощу.

За глаза матерей на героев аллее,
И за всех утонувших в Херсоне,
И за тех, кто пил воду из ран батареи,
За убитых ещё только в лоне,
И за боль, и за страх, и за ярость свою,
Не прощу я их, Господи, не прощу.

А ещё до фундамента стёртые хаты,
И за руки, что связаны за спиной,
И за речь, ведь её изувечили маты,
И за мрак, заполняющий мир весь собой,
Знаю, Господи, каждым словом грешу,
Не прощу я их, никогда не прощу...

ФЕВРАЛЬ ПО-УКРАИНСКИ – ЛЮТЫЙ

Сменяются сезоны очень быстро,
С той ночи больше дней прошло, чем триста.
И скоро год замкнет свой вечный круг,
А мы из ночи той не вырвемся, мой друг.
И снова Каин убивает брата,
И пройдена здесь точка невозврата.
...Пол пятого, бомбят, ребенок на снегу разутый,
Теперь я знаю, почему февраль по-украински – лютый.
Я верю, Бог на нашей стороне,
И скажет голос, дрогнув, что конец войне.
И дрожь земли уносит время вдаль,
В моей стране когда-нибудь закончится февраль...

Море людское, Харьков, вокзал.
Город детей своих провожал.
Гром канонады, ярость в глазах,
Мир наш разрушен, планов всех крах.
Строит убежище внук в коридоре,
Можно потрогать упругое горе.
Лепет серьезный под вопли сирен,
Что-то о смысле закона двух стен.
Всё повторяется, в матрице сбой.
Не заслужили мы level другой.
Что же за карма у этой страны?
Век невозможно прожить без войны!
Небо расколото, снова тревога!
Люди – случайность, ошибка у Бога?
Там, где пределы разума сферы,
Леся всё шепчет:
Contra spem spero! Contra spem spero! *

*(Примечание: Леся Украинка: Contra spem spero!
Без надії сподіваюсь!)

Я прощалась, прощалась, прощалась...
С той страной, где вся юность прошла.
Где с Высоцким кассета вращалась,
На Заречной шумела весна...
А в НИИ самиздаты читали,
Обсуждали на кухне потом,
Что же там голоса нам вещали
За далёким и манким бугром.
Перестройку сменил дикий рынок,
"Огонёк" зачитали до дыр,
Про ГУЛАГ старики рассказали,
И казалось, что рухнул тот мир.
Есть надежда, есть цели, есть средства,
Чтобы всё изменить навсегда,
Только жаль мне немножечко детства,
Мама юная так хороша...
Были общие фильмы и песни,
Лишь понятные только для нас.
Я стараюсь забыть это, честно,
Накажу, если вспомню хоть раз!
Время, думали, всех примирило,
Палачей уже мрак поглотил.
Не оплакали, не отомстили,
И мертвец этот снова ожил...
На могилах парад принимают,
Дьявол вечный обличье нашёл.
О репрессиях справку сжимают,
А был нужен осиновый кол...
Можно годы прожить за минуты,
И в другой оказаться стране.
Мы проснулись в чудовищном лютот,
Спать ложились ещё в феврале.

В детстве с сестрою играли в игру,
Помню её и забыть не смогу.
Были прописаны роли, сюжет,
И изменить их возможности нет.

Скарб весь в узлах уже, чайники, зонт,
Куклы спеленуты, близится фронт.
Осень, последний состав уходил
В эвакуацию в Нижний Тагил.

Стремянка-наш поезд, качаем, трясём.
Реальность исчезла, растаял наш дом.
Бабушке 20, дитя на груди,
Год сорок первый, война впереди.

Медиков быстро готовят,
экстерном.
Даже азарт в возбуждении нервном.
Бабушка южная, разных кровей.
Шепчут друзья: "Уезжайте скорей!"

Знаете, что они сделали в Польше?
Ребенок у вас, не медлите
больше!"
-Милый профессор, что случилось тогда?
Яков Аркадьевич, как же семья?

Может, минул Вас смертельный угар?
Или забрали всех в Дробицкий яр?
Бомбили в пути, лежим под дождем,
Дети под телом, хоть их мы спасём.

Промокли уж все, прикрылась зонтом.
- Поможет от бомб,- хохотал эшелон.
Взрывов раскаты, ливень и гром,
Девчонка с младенцем лежит под дождём.

Станки на морозе, бараки и тьма.
Выжили как-то, спасала тайга.
Голодно было, санитарка из морга,
Пироги с требухой продавала без торга.

Страшною сказкой всё было для нас.
Ужас всего ощутили сейчас.
Кажется, нервами в землю бы врос,
Если над домом летит бомбовоз.

Внука прижала, лежим на полу.
С Богом беседу я снова веду.

Сквозь кости старые деревья проросли.
В них растворились жертвы той войны:
Советские, немецкие и, просто, ничьи.
Забыты и заброшены, и век почти мертвы.

И вновь зверьё в лесу том стало людоедом.
Здесь други полегли, к нам тать ворвался в дом!
И плоть людская для собак обедом
Уж служит целый год. Весенний первый гром

Привычно принимаем мы за взрывы.
В отчаянии спасает только ярость,
Поля снарядами засеяны и нивы.
Мы крест несём и терпим его тягость.

Запястье чёрное, на нем браслет цветной.
- Ну вот и встретились, - мой голос с хрипотцой.
Сплетен на память был он дочкой и женой.
Запомнят дети, как прощались все с отцом!

Село стояло скорбно на коленях.
- Аз есмь воздам! - не помню я, какой Завет,
Ведь кровь набатом судорожным в венах,
Сказал, что срока давности у мести нет.

Когда начнёте спать почти бесечно,
Не будут вздрагивать от резких звуков спины,
Рука тяжёлая вдруг упадёт на плечи:
- Забыл? Тебе привет из Украины...

ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМ БРАТОМ

Я кричала и билась о стены,
Лицемерной, уверена, лжи.
Донести я хочу сквозь сирены,
Что растут урожаи из ржи.

Сквозь тела, что отравят нам землю,
Трупным ядом, бедой и грехом.
Но не слышат меня и не внемлют,
Как на дьяволе вечном верхом,

Извергают ужасные вещи,
И взахлёб, от Херсонской воды,
Их словами весь мир оклеветен,
И цитируем лидер орды.

– В тупике здесь вагоны с мешками,
Расползается смрад на район!
– Нас столкнули мasonry всех лбами,
А в процентах лишь малый урон!

Нас в стране больше ста миллионов,
Украину легко затоптать,
Бред несётся про геев, шпионов,
И клянётся в любви к нам опять.

Но когда загоняю их в угол,
Невозможно юродствовать, врать,
Притворяться становится мукой,
Проявляется адская рать.

Бес обязан назвать своё имя,
Видно есть там какой-то закон,
И уже отвечает без грима,
Тот, чьё имя всегда Легион.

– Можем мир превратить просто в пепел,
Захотим, уничтожим всех вас!
Где-то в пекле разорваны цепи,
Торжествует в нем зло, не таясь.

Но ведь ад - ненадежный союзник,
Ты их пленник, носитель и раб,
Скоро станет не нужен им узник,
Даже жаль тебя, бывший мой брат...

ВАЛЕРИЯ САДКОВСКАЯ
УКРАИНА

Проснешься, от счастья душа замирает,
И разум практичный понять не желает,
Что служит причиной nirваны такой,
Когда накрывает восторг с головой.

Просеешь события жизни сквозь сито,
Но эти вопросы остались открыты.
Очнешься опять, задыхаясь от счастья,
Когда серый март сулит лишь напасти.

Был ночью привычный ракетный обстрел,
И бледные лица у встречных, как мел.
Земля, как пустая, от взрывов гудит,
Превышен надежды и стресса лимит.

Здесь здравый рассудок тебе не поможет,
Инстинкты и чувства рассудка дороже.
Ты веришь, всем страхам своим вопреки,
В исход справедливый смертельной войны.

Для нас длится этот февраль больше года,
Но жизнь без движенья не терпит природа.
Мы просто частицы в системе звезды,
Вибрируем в такт наступлению весны.

Страшнее секунд нет теперь для тебя,
Когда возвращаешься в явь после сна...

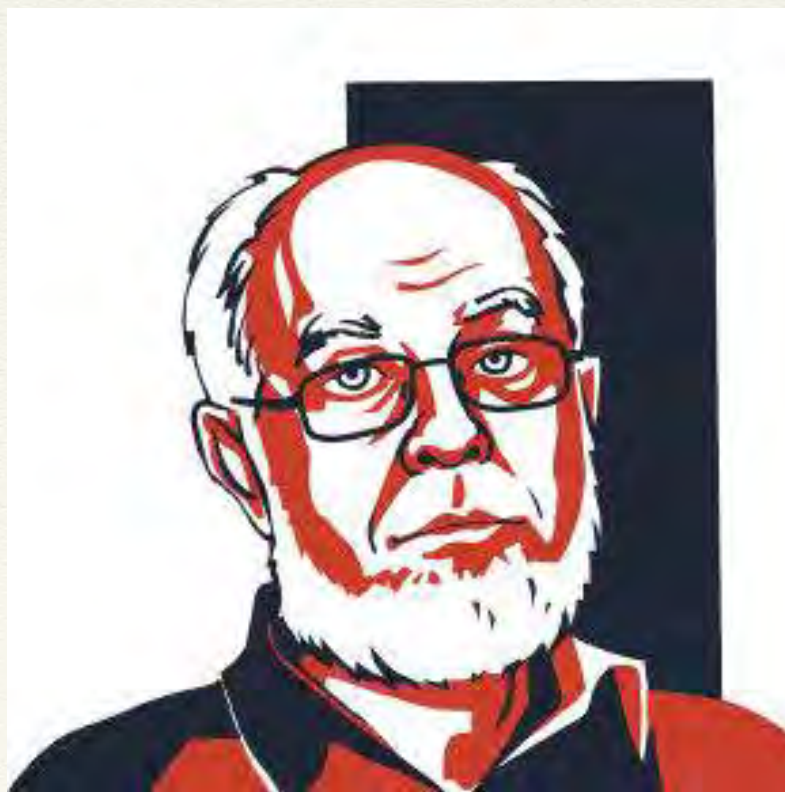
О Себе
(сведения из фейсбука)

Пенсионер. 70 лет прожил в Москве.
Выпускник Мат. школы №2.
Затем учился в МИЭМ.
Немножко IT-шник, немножко **дезиковед**
(*)
Дед пяти внуков. И заядлый грибник.

(*) - С легкой руки литератора из Риги
Ю.И. Абызова дезиковедами называют
себя исследователи творчества Давида
Самойлова

ВИКТОР ТУМАРКИН
РОССИЯ

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ТЕХНОЛОГ,
ПЕНСИОНЕР

РИФМЫ О ВОЙНЕ

Ответ известен наперед
Кому нужна война.
В генералиссимусы прет
Дворовая шпана.
А что касается потерь,
Обычных на войне,
Своих-чужих, солдат, детей -
Плевать на них шпане.
И все вокруг и тут, и там -
Заложники шпаны.
А по болотам и лесам,
Полям, оврагам, берегам
Еще лежат укором нам
Солдаты той войны.

29 ЯНВАРЯ 2022

ОСВОБОДИТЕЛИ

Там стреляли, тут бомбили.
Тему не сменить.
Два села освободили.
Можно хоронить.
Дальше движутся герои
Истину нести,
Подавляя всё живое
На своем пути.
Неустанно подтверждая
Правоту идей,
Доблестно освобождают
Землю от людей.

...Но если сводок не читать,
То вроде бы и нет войны.
Покоится речная гладь,
Не нарушая тишины.
Жара. Но тень дают дубы.
Недавно дождь стучал в окно.
В лесу вот-вот пойдут грибы,
И ягод, говорят, полно.
А в городе - кафе, футбол,
Кино, гастроли, суета.
Как будто выстроен забор,
Чтоб в эту жизнь не влезла та.
Да, телевизор не включать,
Убрать подальше интернет,
Чтоб не втянуться невзначай
В дебаты о своей вине.
И можно просто, как всегда -
Семья, работа, дача, дом.
Не помирая со стыда,
Да что с ним делать, со стыдом?!
Но разрушается стена,
Но исчезают миражи,
Мозг разрывается: война!
И как, скажите, с этим жить?

Да, мы достигли дна.
Хочу сказать ясней:
Пока моя страна
Зигует – я не с ней.
Пока ее войска
Несут разор и смерть,
Стыд, ужас и тоска -
Всё, что могу иметь.
И сколько ни кричи,
Тот груз не скинуть с плеч.
Лишь выстрелом в ночи
Звучит родная речь.
А если нет иной,
Придется сжать уста
И ощутить спиной
Как дышит пустота,
И из последних сил
Крутить в мозгу сто раз:
«На твой безумный мир
Ответ один – отказ».

24 МАРТА 2022

Гришко Георгий Альбертович

Дата рождения: 07.04.2005

О себе: Поэт, публицист, прозаик. Студент Венского Экономического Университета. Москвич украинского происхождения. Родился в семье юристов. С 2014 года проживаю в Австрии. Владею тремя языками: русским, английским, немецким. Изучаю итальянский, украинский и греческий. Имею опыт написания стихов и прозы на каждом из освоенных языков. С раннего детства увлекаюсь историей, спортом и музыкой.

ГЕОРГИЙ ГРИШКО

РОССИЯ-АВСТРИЯ

СТУДЕНТ

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Утомил затянувшийся белый танец
В белом свете фонарном под белый шум.
«Белой гвардии» строки скользят под палец.
Город к вечеру белый надел костюм.

Тлеет с белым билетом в огне камина
В стол написанный давеча белый стих,
Распыляя по комнате запах тмина.
Город в белом откашлялся, сплюнул, стих

И затеял игру, и играл за чёрных,
И увидели в клеточку белый свет
Все, кто в чёрных делах и решениях спорных,
В порождении кризисов, моров, бед

Уличали правительство, власть, элиту,
В Белом доме считающих чёрный нал,
Сильных мира сего, их рабов и свиту,
И всех тех, кто тиранам «виват» кричал.

Этим белым воронам готовят власти
Воронок цвета чёрного, как гагат,
И тузы им на спины бубновой масти,
И земной, но неведомый прежде ад.

Чёрнь узнает, с учёным попав в вагончик:
В чёрный ящик вселенной есть чёрный ход.
Не сыграть бы в него, а войти, окончив
Чёрный час, чёрный день или чёрный год.

Чёрным вороном «Чёрный тюльпан» закружит
Над полями сражений, и чёрный флаг
Под крылом угнетаемых сотни сдружит,
Миллионы сплотит обещанием благ.

А когда догорит, и в холодном глянце
Орден и орудий свершится суд,
Закружиться бы в медленном белом танце...
Только не с кем. И ноги едва несут.

MAIESTAS TUA

Maiestas tua, враг наш проиграл.
Я был на разрисованной планете,
В стране, где дети ищут на даркнете
МДМА для выхода в астрал.

Скрывая вертикальные зрачки
За чёрными очками фирмы «Prada»,
Я восхищался яркостью парада,
Разглядывая ленты и значки,

Заслушиваясь гимнами войне
И Вам в её лице, само собою.
Там люди, всё просравшие без бою,
Готовы ни за что гореть в огне.

Я побывал и там, куда везут
Солдат, загнав их в бронетранспортёры.
Об этом не напишут репортёры,
Об этом никуда не донесут.

Там девочку шестнадцати годов
Полночи обещивали двое,
Там стало ужасающим живое,
Там изошрённо унижают вдов.

Там женщина в подвале не смогла
Найти врача и умерла при родах,
Там буднично о взрывах и прилётах
слова летят из каждого угла.

И там нашли тела грудных детей
Под серыми руинами роддома,
Там каждый кратер, как большая стома,
Там каждый с фронта ждёт дурных вестей.

Зарезал там семью солдат-амбал,
Оставив пятна крови на паркете.
Я был на разрисованной планете.
Maiestas tua, враг наш проиграл.

НОВАЯ РУССКАЯ АЗБУКА

А – автозак, артобстрел и акцент.
Б – броневи́к, «Белый Лебедь», брезент.
В – вертухай, водка, враг, валидол.
Г – Гелендваген, Газпром и гидрол.
Д – драка, дембель, донос и допрос.
Е – ели, ересь и единокоросс.
Ж – журавли, жлоб, жиган и жаргон.
З – ЗЭКи, зона, забор и закон.
И – иск, икра, иностранный агент.
К – КПЗ, «крыса», «крот», контингент.
Л – лоск, Лефортово, лом, Левитан.
М – мент, Мавроди, «Москвич», Магадан.
Н – новый год, «новичок», номера.
О – обезьянник, ОМОН, опера.
П – перегар, плотный завтрак, понты.
Р – Русский Мир и раскрытые рты.
С – серп и молот, СИЗО, сотня сект.
Т – телецентр и телепроект.
У – утро, урки, Ульянов, удар.
Ф – фарт, фанера, фурор, формуляр.
Х – хор, халяль, хач, халява, ханум.
Ц – царь, цемент, центр города, ЦУМ.
Ч – чёрный юмор, чёрт, чаща, Чечня.
Ш – штоф, шинель, шмон, шальная резня.
Щ – щавель, щи, щель, щетина, щелчок.
Э – экзекуция, электрошок.
Ю – юдофобии жертва в бегах.
Я – явка, ябеда, яд и Яга.

НЕ ССЫ, ПРОРВЁМСЯ! (АКРОСТИХ)

Натиск НАТО. Шорох раций.
Едкий запах. Буерак.
Символ геноцида наций,
Сотни войн, спецопераций
«Ы», «Эсцет» и «Твёрдый знак».
Пешки. Пресса. Росгвардейцы.
Русский мир. Распятый Бог.
Орки. Танки. Крики. Берцы.
Ропот. Топот. Строки «Бейцы».
Вера. Митинг. Длинный срок.
«Ёж». Подвал. Правитель-циник.
Мир в двух буквах слова «мы».
Свист свинца. Руины клиник.
Ясность зла. Господство тьмы.

МНЕ ПИШЕТ ДРУГ

Мне пишет друг, что выбрался из Бучи,
И я, в ладонь уткнувшись головой,
Читаю: «...знаешь, видел трупов кучи...
Но, слава Богу, сам-то я живой.

За две недели я привык к сиренам.
В сыром подвале я слегка простыл.
А гибель стала чем-то постепенным,
Подумал как-то: хорошо, что жил...

Сейчас в машине. А куда, не знаю...
Туда, где солнце прячется в горах.
Я с горечью и болью понимаю,
Что город мой разрушен кем-то в прах».

Мне пишет друг, что выбрался из Бучи.
Как много ему хочется сказать!
Мне пишет друг... Какой же я везучий,
Ведь он бы мог вовек не написать.

БЫТЬ СОБОЙ

Все системы вдруг дали сбой,
Небеса над страной натянуты.
Мне осталось лишь быть собой,
Так как прочие роли заняты.

Кухни пахнут стряпнёю жён,
Комеражами, пересудами.
Всех некстати живых – в бетон,
Лесом каменным прорастут они.

Как не вовремя главный бой,
Как зимой по грибы и ягоды,
Ну а мне бы побыть собой,
Раз уж прочие роли заняты.

Пораженец нигде не свой.
Всем браслетам руки б его.
Но он видел, что над Москвой
Небо то же, что и над Киевом.

Демонстранты бегут гурьбой.
Значит, куплены, значит, наняты.
Остаётся лишь быть собой,
Так как прочие роли заняты.

ГОД

Год встречал нас скрипучими дьявольски дверцами.
Год мешал кровь с днепровским песком в кашу берцами.
Год пугал нас процентами, ценами, цензами,
Сценой, акцентом, абсентом и Benz'ами.

Так что хрен вам, а не пейзажная лирика,
А монарх ваш проживёт и без панегирика
От поэта с печальной улыбкой сатирика
(Мимика лирика).
Я за гимн потентату не дал бы ни чирика.

Год принёс СВО, автозак, опознания,
Бег, опоздания,
Кратеры, разом сменившие здания.
В том ли своё раньше видел призвание,
Чтоб шифровать в мандригалах признания?

В том ли, чтоб яро винить эмиграцию,
Дом променяв на его декорацию?
К чёрту! Забыли! Уймите овацию!
Я бы другую хотел репутацию.

Наполню стихи ветром с запада дующим,
Гимном не власти, а толпам бушующим,
Мнением нынче, к несчастью, бытующим,
Что в новом году всё, как в прежнем и будущем.

КРЕСТ

На плечах неподъёмный крест.
Годы смутные. Люди скованы.
И распятие, как протест,
С потентатом не согласованный.

Подхалимы кричат «виват!»,
Триколорами в небо тыкая,
Оформляют билеты в ад
Узурпаторы, деньги ныкая.

И народу твердят одно:
Что, устроив гулянки праздные,
Лили спьяну на стол вино,
Оттого и манжеты красные.

Лизоблюды кричат «вперёд!»,
И скрывается отступление.
Мир не нам, а война не прёт,
Только тратятся накопления.

И покуда одни кричат
«К чёрту мир!» и убийцу чествуют,
Остальные пока молчат,
Рефлексируют и бездействуют.

И пока им не надоест
Опрометчиво коронованный,
Чтобы легче казался крест,
Представляю, что он ворованный.

ГЕОРГИЙ ГРИШКО
РОССИЯ-АВСТРИЯ

ДМИТРИЙ МАКАРОВ

ФРАНЦИЯ

ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ, МУЗЫКАНТ

Дмитрий Макаров (род. в 1981 году в Ленинграде) – поэт, писатель, музыкант, либреттист, автор четырех книг стихотворений и малой прозы. Последние – «Большое путешествие в точку Я» (изд-во «Глагол», 2016), «Стихами говорить» (изд-во «Калейдоскоп», 2021-2022), автор либретто к операм Александра Чайковского «Ермак» (2019), «Александр Невский» (2021), «Рубеж» (2022), Алексея Сюмака "Возвращение домой" (2019), к оратории Ильи Демуцкого «Ковчег» (2017).

В сотрудничестве с дуэтом композиторов GANA выпустил альбомы «Стихами говорить» (2020), «Пещеры и ущелья» (2022), с Кузьмой Бодровым – «РЕКА ОКЕАН» (2022).

Автор и ведущий образовательных проектов – парижского интеллектуального клуба «Треуголка», киноклуба на «Флаконе» (Москва, 2012-2018), автор телепроекта «Страшные сказки» и одноименной книги (изд-во «АСТ», 2020), автор подкаста «Жан Иваныч» о судьбах эмигрантов – деятелей культуры. Автор аудиогидов по усадьбам «Поленово» и «Щелыково», по турецкому городу Фетхие. Публиковался в журналах "Знамя", "Сноб», в проекте «Этажи» и других.

С марта 2022 года живет и работает во Франции.

ПЕЙЗАЖ

С.К

Такой период, что все жанры заменяет собой
пейзаж.

Что казнь стрелецкая, что утро после казни
–Ты лучше голову повыше подними –там купола
над этим безобразьем.
А что над куполами?
Облака.

Как ни был бы мне мил московский дворик – и вами
он любим, и вам привычен, там дети на траве
играют, мама...
–А все ж я понимаю Левитана ,который взял
и человеческое вычел.

Вот мой воображаемый пейзаж:река и холм, и небом
дышит холст –всего-то пятый день Творенья,
истории рассветные часы,
когда для преступлений слишком рано.
Ни он еще не создан, ни она.

Никто еще не согрешил и не был изгнан,
И значит, брат не шел войной на брата.
Нет никого...

Но все-таки в углу у самой рамы
заметны избы.

– Приготовься к зиме. Соберись.
– Может, выпадет ей быть безлётной, бесснежной?
– Может...

Выпадет из чемодана
«На всякий» положенный шарф (оберет),
Что знакомого мама связала –

На вопросы Морозко рассчитанный дар.

И не только, где лёд и где снег,
Но где кактусы, пальмы, агавы,
Можно будет ответить:
«Не холодно здесь».

Может, время безлюдной зимы
И бескнижной?
Это как бы крушение корабля,
Но умышленное.
Хорошо, если остров какой-то поблизости есть.

ДЕРЕВО

Я дерево, поваленное бурей,
Но не в лесу упавшее, а в реку.
Плыву и веткой все еще зеленой
Машу стоящему на пирсе человеку.
Он удивленно смотрит на меня,
На ветку и еще – кормушку,
Которую он на меня повесил,
И на скворечник, что ко мне прибил.

На ветку сели две большие птицы,
Усердно клювами по ней стучат,
Мне больно.
Больно и приятно,
Что я упавшее, но все еще живое.
И что со мною прежде не бывало,
Я не стою среди своих собратьев –
Гнусь как они и как они скриплю,
И кроной трусь о крону, рощу нашу
И шелестом, и скрипом воспеваю,
Готовясь в ней же пасть и стать землей.
Нет, я плыву.

И может быть, прибьюсь
К какому-нибудь берегу другому,
Преображения восторг переживу
И песни, может, выучу другие?
Хотя бы плеск весла, песнь рыбака...
Нет, танец кружек на столах!
Нет, стон любовников...
Нет! Мне удастся, может,
Карандашами стать и подпевать
Ребенку, архитектору, поэту –
Карандашами разойтись по свету!
Не только плыть – летать!

Пока плыву.
Река меня щекочет,
Щебечут птицы,
Вечер настает.
Мне почему-то весело,
Смеюсь и вспоминаю,
Что мальчик Ваня года два назад
Пришел и вырезал на мне
Сердечко, имя девочки и мат.
И вот его любовь, печаль и ревность
Со мной теперь плывут к иным мирам.

ОСЕНЬ

Ничего нету русского
В осени южной.
И осеннего – ничего.

В церкви только что кончилась служба.
И выходят француженки в тёплых пальто,
Улыбаются мальчикам в майках и шортах.
Церковь выглядит благородно потёртой,
А старушки как новые.
Думаю, что
Где-то выпуск налажен
Старушек подобных
Сроком годности девяносто
И сто.
Их улыбки, и прядки – в полном порядке,
Неразменный каракуль на шее.
– Что вы носите к мессе, мадам?
– Две жемчужные нитки,
Две капли «Шанели».

Вы откуда? Россия?
Наверное, холодно там?
Вы грустите? О чём?
Ах, ну да... Вы правы.
Вечно вам или весело очень,
Или же слишком грустно.
Так ведь можно и постареть.
Вам рано.
Посмотрите, какая осень!

Француженки – в рестораны.
Мальчишки – мячик гонять. Ч
айки, море, плюс двадцать пять.
Если есть в южной осени этой
Что-то русское и осеннее,
Это я.

СКАЗ О ТОМ, КАК Я ВСТРЕТИЛ КИТА

Один в открытом море
Под неусыпным оком.

Вдруг остров, неизвестный мне,
Из волн выходит боком.

Совсем не остров он, а кит
Он говорит мне:

«Здравствуй, окунь!
Не будем плавать, говорит, с тобой вокруг да около.
Кто мной проглочен, тот спасен –
Один пророк, один барон.

Рыб твоего калибра
Я довожу до тихих вод
У Крита или Кипра.

Теперь такое время,
Когда некрупным особям,
Оторванным от стаи,
Рекомендуют быть проглоченными
Синими китами».

Мой синий, сильный чудо-кит,
Не спорю, грянет буря.
И переждать ее, конечно, лучше бы
В тебе, а не в акуле.

Но как без вод и как без волн,
Без ока неусыпного?
В твоём желудке, милый мой,
Я затоскую, скиснув.

Два дня тому я видел двух
Доплывших до седин сардин,
Старушек, потерявших дом
И всё потомство разом.
Они всё повторяли вслух:
«Когда же кит, ну где же кит?
Проглотит нас – и заживём»
!Спеши, плыви, а мне, увы,
Ты противопоказан.

Кит сморит долго на меня
Своим китовым глазом
И говорит: «Проглотят их –
Коты, а не киты.
Не потерял ли разум ты
Со мной в бесплодном споре?»

Я открываю рот, но тут
Кит открывает тоже рот.
Минута, две – и кит плывёт
Один в открытом море.

От России отслоись,
К Франции прислонись.
Вряд ли выйдет к ней прирасти.
Прости.

Ничего, есть другие формы родства
Кроме отче-ства, мать-чества,
Кто твердит, что это не так,
Дурак.

А тебе бы страну, которая друг,
Без травм родовых,
Без любовных мук.
Уезжаешь
–«Удачи! Буду скучать»
Вернёшься –
Скажет:
«Идём отмечать»!

КАРИНА ИСАКАЕВА

УКРАИНА

БИОЛОГ

ПЕЧАЛЬНАЯ РИФМА

Мне бы тонкой лирикой
Мне бы детям сказки
О принцессе миленькой
О любви и ласке

Рифмой нежно-розовой
Облачной и пенной
Строчку вить за строчкой
Чинно и степенно

Но совсем другие
Вещи происходят
Страшные и злые
Рифмы всё приходят

Змеями вползают
Вот какая шняга
И от яда рифмы
Плавится бумага

Скрюченные нервы
С кровью ритм мешают
Пеною кровавой
Строки орошают

О войне, о суме, об изгнании,
О тоске вдалеке, о страдании,
О разрушенном, о несбывшемся,
О задушенном, не родившемся....

Но я ж не об этом
Свою песню пела
С детским поэтом
Всегда быть хотела

А она крадется
Словно тать в ночи
Рифма злобно жжётся
Как огонь в печи

О медвежонке плюшевом
Над детской могилой
Об обгоревшей книжке
С картинкой очень милой

О прервавшемся, о не спетом,
Еле теплящемся, не согретом
О тростинке на злом ветру
Эту рифму я как слезу сотру.

ОБЕД НА РУИНАХ

В крепкий кипящий бульон уронила слезу. Пересол. Рука с ножом дрожать перестает рубя капусту в тоненькие нервы. Свекла и помидор иссечены в кровавый пурпур. Их яркая упругость отдана пылающему жерлу сковородки. Там перестанут быть они собой и сплавятся в единое пылающее нечто.

Снаружи мрачное ничто затягивает в бездну.

Какой придурок выдумал войну.

Воздушная тревога за окном. И где-то очень близко прилетело. Звук оглушил и вдрызг разнес все смыслы.

Как страшно.

Мир и двор распались на куски.

И только островок от прежней жизни – плита и центр вселенной - мой обед.

Рыдаю и над луком и над миром.

Картошка с беззащитным белым брюшком, наивная оранжевость моркови, пузатый перец, легионер голландский, недрогнувшей рукой отправлены в клокочущий бульон. Малютка перец чили внес страсть и темперамент.

А черный перец так похож на порох. И он совсем не черный, а седой. Седой соратник чили, отправляйся вслед за собратом, наподдай огня.

Два листика с лаврового венка дарят надежду встречи.

И веточка полыни, мой емшан, тихонько шепчет, умоляет, пожалуйста, пожалуйста, вернись ко мне живым.

И в завершение бульк крепчайшей горькой влаги из изморозью тронутой бутылки.

С любовью охлаждали для заздравной, с тоской разлита будет на помин.

Пустое.

Можжевельная горечь не заглушила горечь расставанья.

Единственный, кто действует логично – это кот. Он прячется от артобстрелов в ванной и диким мявом нас зовет туда. Но мы иначе распорядились последними секундами из тридцати и трех совместных лет. Их тратим на обед, беседу ни о чем, молчание о чем-то самом важном.

Гадали мы надолго ль расстаёмся.

Не угадали мы.

КАРИНА ИСАКАЕВА

УКРАИНА

ДЕКАБРЬ 2022

БАКС

Бакс большой грустноглазый пес, длинная шерсть с колтунами, местами темная, местами линиялая, крупные мягкие лапы, лохматый хвост, вислые уши, такой весь печальный и неприкаянный.... Бакс живет в гаражах, уныло обходит длинные гаражные ряды, с надеждой

заглядывает в открытые ворота..... Баксу везде рады, каждый находит для него угощение и доброе слово. Но Бакс глух к словам и равнодушен к еде. Бакс тут не ради пожрать и пообщаться, ему нет дела до гаражной суеты. У него важное дело, он ждёт возвращения хозяина.

День клонится к вечеру и пёс преображается, уши торчком, в глазах надежда и радость. Вот еще немножко, еще буквально минуточка и машина хозяина выплывет из-за поворота, вот уже слышен знакомый шум мотора. Пёс вскакивает и летит навстречу.... Эх, мимо... Но вот следующий автомобиль - это уже точно, точно он, ошибиться ж невозможно, ну никак.... эх, опять мимо... но вот следующий - точно, наверняка и по-другому быть не может. Бакс несется со всех лап навстречу. Как же он скучал! эээх... Хозяин не приехал ни сегодня, ни завтра, ни через месяц, ни через год, ни через пять лет. Глупые гаражные мужики и тётки говорят, что оттуда, куда уехал хозяин не возвращаются.

Как это - не возвращаются? Еще как возвращаются - вы просто не умеете ждать. Уж что-то, а ждать Бакс умел. Всей своей верной собачьей душой он умел ждать, надеяться и верить. И не пугали Бакса ни жара, ни холод, ни снег, ни дождь, всё он сносил терпеливо и стойко, да что там, Бакс просто не замечал ни непогоду, ни времён года. И только одна вещь на свете могла заставить его покинуть пост. Страшная и ужасная гроза. С первыми раскатами грома пёс в ужасе нёсся к ближайшему к гаражам дому, вбегал в крайний подъезд, дожидался лифта, забивался в кабину и сворачивался там беспокойным пуфиком. Если гроза свирепствовала, то пёс был долго, протяжно, безнадежно. Не все решались войти в кабину лифта и провести несколько тягучих мгновений в компании с обезумевшим зверем, шли пешком.

Но все привыкли, псу сочувствовали, да и не так уж часты грозы в наших краях. Были не так часты. До конца этой зимы. За пять дней до весны в жизнь Бакса ворвался бесконечный ужас. Гроза началась в пять утра и не кончалась никогда. Гроза бушевала так, что Бакс не слышал своего воя, и весь дом дрожал и трусился больше чем сам Бакс, а лифт почему-то вообще перестал издавать звуки и шевелиться, спасительная кабинка была спрятана в недрах глубокой шахты, а потом гроза закинула ракету прямо в эту шахту и в мире совсем не стало спасительных безопасных местечек. В пятом подъезде умерла жизнерадостная мопсика Баффи.

С Баффи всякий раз случался припадок во время грозы, во время очередного раската грома ужас внутри Баффи стал больше самой Баффи. Усталый ветеринар сказал, что сейчас это у мопсов обычное дело. У ветеринара с началом грозы работы прибавилось, он теперь оперирует и гомо сапиенсов, которые теоретически, конечно, относятся к миру животных, а некоторые так вообще скоты порядочные, но зверьков этого вида ветеринару приходится оперировать впервые. Зато сразу в большом количестве. А Баффи помочь не смог. Ну кровотечение остановить он умеет, а остановить гром - нет. А Бакс - это вам не малышка Баффи.

В Бакса вмещается много ужаса, и ещё больше, и ещё больше. Бакс большой пёс, в него влазает много. А если из большого пса вытряхнуть веру, надежду и любовь, то влезет ещё больше. И влезло. Бакс весь превратился в ужас.

- Что ты, Баксушка, что ты, милый - гаражный мужик принес Баксу миску с едой и водички. Привычным движением потянулся потрепать бедолагу по загривку..... Обезумевший Бакс мертвой хваткой вцепился в руку. И ещё раз. Потом ещё раз.

Странно, но в этом перевернувшимся вверх дном мире скорая помощь продолжает приезжать очень быстро. Гаражного мужика спасли, руку - нет. Вооруженные люди приехали несколько позже. Бакс наконец-то встретился со своим хозяином. Маленькая капелька в огромном океане бессмысленных жертв. Круги на воде.

КАТЯ КАПОВИЧ

США

ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, РЕДАКТОР

Катя Капович – двуязычный поэт и прозаик, пишущий на русском и английском языках, родилась в Кишиневе, детство провела в Украине на Донбассе, где отец работал шахтером и учился в горно-инженерном институте. Семья снова вернулась в Кишинев, откуда Капович эмигрировала сначала в Израиль, а потом в США.

С 1992 года она живет в Бостоне, где преподает поэтическое мастерство и ведет семинары по англоязычной литературе. Участник множества интернациональных фестивалей, Капович за мастерство в английской поэзии в 2001 году получила премию Библиотеки Американского Конгресса. В 2007 г. ей была присвоена стипендия Эмхерстского университета и позиция поэта при университете.

У нее одиннадцать книг поэзии и прозы. В 2019 г. вышел сборник рассказов «Суп гаспачо» (Изд-во: Издательский проект «А» и «Б», русская проза в Америке), за который Капович получила интернациональную премию Э. Хемингуэя. В 2021 г. в издательстве «Эксмо» вышла книга избранных стихов «Город неба» с предисловием Дм. Быкова и послесловием Б. Кенжеева.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС «АЭРОФЛОТА»

В Домодедово Сашу встречал отчим. Было начало февраля, злой ветер кусал лицо. Из Бостона она летела Турецкой авиакомпанией; рейс был тяжелым из-за пандемии, из-за многократных проверок при пересадке. В Стамбуле меняли заболевшего пилота, и вылет задержался на три часа. Теперь она была счастлива содрать с лица маску и поцеловать Рафа в колючую щеку. Худой, немного постаревший, но все с такими же молодыми серыми глазами, он бравым жестом сгреб ее в охапку, как делал это в детстве, только тогда ее нос неизменно утыкался в пуговицу его пальто, а теперь доставал до ключицы. В последний раз они виделись пять лет назад в Лондоне, где она тогда училась, а он приехал на писательский симпозиум. Они много гуляли вдоль Темзы, забредали в музеи, сидели в уличных кафе. Тогда-то она от него и узнала, что с женщиной, которая была у него после матери, они расстались, он уехал из Кишинева и опять жил в Москве в своей старой квартире в Чертаново. Все, что они нажили, он оставил этой Алёне.

Он рассказывал:

- Она уговаривала взять деньги, но на кой мне в Москве молдавские леи? И, вообще, я, хоть и средней руки писатель, но на хлеб себе могу заработать.

Саша слушала и кивала. В этом был весь он. Он всегда скромничал: его романы исправно печатались и переводились на другие языки; его приглашали в Польшу и Чехию, в Германию, в Англию. Сашу, несмотря на теплую дубленку, познабливало, а на Рафе было легкое пальто нараспашку, и все ему было ни по чем. Голос у него был хриплым, она всегда любила его голос:

- Ух, как я рад тебя видеть! – все приговаривал он, пока они бродили по парковке в поисках его машины.

- Я тоже рада.

- Ты на сколько?

- На месяц.

- Будешь у меня жить?

- Нет, уже договорилась с друзьями.

- Ну, ладушки, лишь бы тебе было удобно. А что за конференция?

- Обычная, славистская конференция.

- Странное время для конференций, однако.

- Должны были провести еще в прошлом октябре, но из-за Ковида отложили. А почему странное время?

- Ну, ты же понимаешь, что у нас тут творится.

Наконец они нашли спрятавшуюся за минивэном серую «хонду». Саша потрогала потертое сиденье, и ладонь вспомнила обшивку.

- Эта что, та самая, которая была в Кишиневе?

- Она.

- Та, вроде, была синей?

- Дык я ободрал ее пару лет назад, пришлось перекрасить. Ехал с дачи, темнотища – хоть глаз выколи, не заметил упавшее дерево.

- Ты пострадал?

- Нет, подушка безопасности физиономию оцарапала, а так – отделался легким испугом.

Когда выехали на трассу, Саша решилась:

- Раф...

- Чего?

- Я никогда не спрашивала... Почему вы расстались с мамой?

Он повел головой, разминая затекшую шейную мышцу.

- Понимаешь, я же пишу по-русски, молдавского не знаю. Я просил ее: «Поехали в Москву!»

- А она?

- Да ни в какую! Ты же знаешь маму!

- Да.

- Но теперь я думаю, что она была права.

- Почему?

- Да потому что, вот, всё это! – он махнул рукой, и Саша машинально взглянула в окно, как будто то, о чем он говорил, можно было вот так прямо увидеть.

На самом деле пейзаж тоже выглядел не ахти как. То мелькал трёхметровый непрозрачный отбойник, то группой возникали вдаль многоэтажные челоуейники.

Обогреватель в машине работал плохо, и Раф, увидя, что Саша трет замерзшие руки, достал с заднего сиденья небольшой плед и протянул ей.

- Что у вас-то говорят про нас?

Саша пожала плечами.

- Разное говорят, умные ругают Путина, но большинству все по барабану.

Раф вздохнул.

А про возможность войны?

- То же самое: кто-то сильно опасается, а остальным пофиг.

Раф кивнул и вдруг, словно спохватившись, что утомил ее, улыбнулся.

- Ладно, Сашка, не будем о печальном! У тебя-то самой как делишки?

- Нормально.

- На жизнь хватает?

- Хватает.

- Молодец! – Он потрепал ее по волосам. - Ты точно не хочешь у меня остановиться?

- Точно! Они меня ждут.

- У кого ты будешь, если не секрет?

- Друзья, Артем и Аня. Ты их вряд ли знаешь, хотя они тоже из Кишинева. С Аней учились в университете до второго курса, а потом она бросила филологию и поступила в мед. Работает психиатром.

- Ну, смотри, а то я даже еду закупил на всякий пожарный!

Она посмотрела на него. Слева солнце опускалось за горизонт, стремительные оранжевые лучи пробивались сквозь падающее небо и ложились на все: на снежные пустыри, на бетонные здания, на дорогу, на редкие деревья. Ветер трепал их в разные стороны, и они послушно сгибались то вправо, то влево, то будто кланялись в пояс. Наконец последний блик солнца, сжавшись до размера желтого пятна, упал в пустое серое ничто.

Казалось, что безрадостному пути не будет конца, и тут-то замелькали более нарядные здания, засверкали витрины, появились прохожие.

Когда Раф остановил машину на Чистопрудном, он, не опуская чемодан на грязный снег, еще раз спросил, уверена ли она, что хочет жить у друзей.

- Все в порядке, до завтра, Раф!

По газонам расхаживали вороны той особенной серо-черной раскраски, каких не увидишь в Америке и которые так похожи на чиновников девятнадцатого века. Здания по обе стороны бульвара выглядели не такими высокими, как они ей помнились. Они казались более приземистыми, но все были милыми, и каменные выражения их лиц были добродушными, как у старых родственников. Семья, в которую Саша шла, жила тут же в одном из переулков в четырехэтажном доме, даже по-своему красивом, несмотря на облупившуюся грязно-розовую штукатурку. Ее поразила глухая железная дверь; край двери плотно упирался в стену, и, казалось, что никакая сила его не оторвет. Саша тщетно искала звонок, потом, вспомнив, что ей дали код, поглядела в записную книжку, набрала четырехзначный номер, и дверь, подумав, чудесно отворилась. В подъезде Саша вдохнула запах московского жилья. Ни в Лондоне, ни в Бостоне подъезды так не пахли, а здесь на нее дохнуло готовкой, котами и жарко топящимися батареями. Артем с Аней жили на четвертом этаже, и Саша совсем запыхалась, карабкаясь с чемоданом по скользкой каменной лестнице. Артем встретил ее в дверях.

- Увидел, как тыходишь! – громогласно объявил он.

Долговязый, с руками, торчащими из рукавов рубашки, с большим лбом над безволосым лицом, он в нерешительности постоял, вспоминая что-то.

- Да, тапки! – сказал он и, вытащив из нижнего ящика комода пару домашних шлепанцев, поставил перед ней. - Входи и не пугайся, у нас беспорядок!

Артем был по-доброму чудаковат, как бывают чудаковаты математики, и Саша знала этот тип – таким был ее отец. Он не уважал ритуалы и запросто мог прийти на работу в дырявом джемпере и джинсах, в которых ходил дома. Особого беспорядка в квартире Саша не обнаружила, только все плоские поверхности покрывали книги и бумаги. Саша спросила, где Аня.

- Ани нет, придет поздно. Пойдем, покажу тебе твою горницу!

Шаркая шлепанцами по полу, он провел ее через гостиную и плечом открыл дверь.

- Вуаля!

Комната выглядела нежилой; только слева у окна над батареей висела гладильная доска, и у правой стены была аккуратно застеленная серым одеялом кровать. Артем показал прячущийся за дверью стенной шкаф.

- Мы освободили три полки, ты можешь их занять. Еда в холодильнике, кофе, чай на столе. Если что надо, зови, я в кабинете.

Наутро была конференция, весь зал в масках, и Саша тоже. За окном из низкого неба равномерно тянулся снег, как будто там крутили старую со стершейся амальгамой киноленту. В комнате, освещенной довольно скудно, по стенам полосками пробегали тени от едущих по дороге машин, и от этого снега, теней, общей тяжести, сборище людей, сошедшихся, чтобы обсуждать литературу, казалось еще нелепее. То, про что никто толком не знал, но все думали, словно висело в воздухе. Доклад о Тютчеве. Доклад о Радищеве. О российских масонских обществах. В перерыве в кулуарах все говорили не о докладах, а о том, будет ли то, чего боялись, и, если да, то каким оно будет. Долетали фразы «он присоединит Донбасс с Луганском и на этом успокоится...». С этим голосом спорил другой: «Ты оптимист! Не остановится! Эта гадина хочет все!» Басистый специалист по Радищеву соглашался с последним: «Конечно, не остановится, и никто ничего не посмеет сделать! И мы сами виноваты! Когда оттяпал Крым, все съели молча!» «Почему молча? Ходили ведь на демонстрации!» «А Америка? А Европа? Запад должен отреагировать!» - вклинился тот, которого называли оптимистом, невысокого роста мужчина с бледным веснушчатым лицом и дерзкой рыжей бородкой по нижнему краю подбородка. Какая-то раскрасневшаяся женщина в розовом трикотажном костюме бегала между говорящими: «Коллеги, давайте прекратим этот бессмысленный спор!» Это была координатор конференции. От нее все отмахивались, и она не обижалась.

- Спор не бессмысленный, Наташа! Это мы бессмысленные! – возразил ей бас. – Вот уже военные госпитали там строят, и зачем строят – понятно!

В другой группе говорили, что таким образом он отводит внимание от положения в стране. Имени никто не называл, все и так знали, о ком речь.

- Да нет же, невозможно, ведь братский народ!» - восклицала высокая женщина-филологиня в цветастом платье с волосами, уложенным в башню при помощи шпилек, и вся как будто явившаяся из фильма шестидесятых годов. Еще раз несчастная координатор воззвала к народу с просьбой продолжить конференцию:

- Коллеги, коллеги! – выкрикивала она.

- Садитесь уже, будем заканчивать, а то все кабаки закроются!

Это убедило, люди сели. Как раз была очередь цветастой женщины выступать. Она, не поднимая глаз, прочитала с планшета доклад о Юрии Трифонове и удрученно села на место. Следующим, уже последним был Сашин доклад о стихотворении Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Она рассказывала о традиции, существующей добрые две тысячи лет. «Падали государства, уходили одни цари, на смену им приходили другие, а поэты писали стихи! И мало кто помнит и царей, и эти войны, но все помнят поэтов. «Exegi monumentum aere perennius». Она говорила, и ей самой было очевидно, насколько не к месту все говоримое, и почему-то было стыдно за себя и за свою речь. Снег сыпал и сыпал за высокими окнами. То ли на ней сказывался этот снег, то ли разница во времени, только ей хотелось побыстрее договорить и поехать домой. К ней после доклада подходили, куда-то звали. Нет, она никуда не пойдет, ее ждут.

Она едет в метро. Выход на станции «Грибоедова». На выходе стоит пожилой мужчина с собакой. Он не просит милостыню, просто стоит, и все. У собаки вместо одной из задних лап протез. Проходящие мимо подвыпившие парни, глядя на собаку, ржут. Один из них стреляет в нее окурком:

«На, Бобик!» После этого мужчина трогается с места, и собака, странно подпрыгивая, идет за ним. Весь бульвар ярко освещен фонарями, они отражаются в снегу. Идти скользко. Ах, зачем она надела сапоги на каблуках! Тут тебе не Бостон с его чистыми кирпичными тротуарами. Здесь, на этих собянинских плитках, береги ноги! В магазине рядом с домом горит свет – значит, он открыт. Саша купила бутылку молдавского марочного, минералку, сыр и большой пакет кофе. Хозяин выбил чек на четыре тысячи рублей, спросил, холодно ли на улице. Она положила на прилавок деньги.

- Холодно!

Она выходит, начинает спускаться и на третьей ступеньке оскальзывается и падает. Выпавшая сумка грохочет вниз по лестнице. Саша, сидя на ступеньке и потирая ушибленную спину, смотрит, как внизу расплзается лужа цвета крови. Но это всего лишь вино. На грохот выходит хозяин, он помогает ей подняться, заботливо отряхивает куртку. Она находит в кармане салфетку, обтирает измазанные синей грязью ладони.

- У вас тут ступеньки заledenели!

Хозяин, открыв дверь в магазин, кричит что есть мочи:

- Ибрагим!

На его крик появляется парень в ватнике и в шапке. У него заспанный вид. Хозяин сдвигает густые брови.

- Ты что, сука узкоглазая, крыльцо не почистил, а? Вот, видишь, подлец, девушка из-за тебя упала. Ибрагим смотрит все так же сонно на ступеньки, потом на хозяина. Саша попыталась заступиться за работника, что ничего страшного, она сама виновата, не смотрела под ноги. Хозяин не слушал ее и в упор смотрел на Ибрагима.

- Видишь, что наделал?

- Убирал же, Григорий Петрович. Оно, видно, подмерзло!

- Где убирал? Следов нет! Лучше надо убирать, понял?

Ибрагим кивает.

- Так я убирал! Лил на него этот, как его, реагент!

Ты заплатишь за ее вино, понял, а то погоню тебя в шею, твою мать.

- Чего тут не понять?

Саша опять вмешивается:

- Я не хочу, чтобы он платил за вино!

- Женщина, дай я заплачу! – бормочет Ибрагим, и глаза у него все такие же сонные.

Она торопится уйти, слыша, как за ее спиной, хозяин продолжает повторять Ибрагиму, что надо лучше убирать. Обернувшись, она видит, как Ибрагим с тем же заспанным лицом стоит перед ним, понутив голову. Может, она неправильно поступила, что не дала Ибрагиму заплатить, ведь не исключено, что это бы смягчило наказание. Вообще не надо было говорить про то, что скользко.

Господи, как все путанно тут! Было уже одиннадцать часов, когда она вошла в квартиру. Аня пила чай и курила. Она налила Саше чашку и села напротив. Саша посмотрела на синие круги у нее под глазами, спросила, что случилось. Аня вспыхнула.

- Ты следишь за новостями? Что случилось? Ты понимаешь, что назревает, блин! Эх вы, филологи-небожители!

В кухню пришел Антон:

- Что за шум, а драки нету?

- Ничего! – Аня махнула рукой с сигаретой.

Антон постоял в задумчивости.

- Интересно, как универсально действует язык лжи. Зло это – добро, война это – мир! И народ все съедает, народ безмолвствует, как правильно отметил поэт.

Он плеснул себе заварки в стакан с подстаканником, вылил остатки кипятка.

- Пошел работать! – сказал он.

Саша и Аня остались сидеть за столом. Аня вздохнула и извинилась перед Сашей за резкий тон. Просто сегодня ей тяжело, потому что в их отделении повесился мужчина. Саша от неожиданности поперхнулась и расплескала чай. Аня машинально протерла клеенку бумажным полотенцем и, продолжала думать о своем, открыла холодильник. Она достала упаковку с нарезанным сыром стала делать бутерброды. Саша подождала и спросила, что случилось.

- Что случилось? Жизнь случилась. Жизнь здесь!

- Почему он повесился?

- Из-за всего. Письмо оставил, что не хочет жить в такой стране. Господи, как я все это ненавижу!

На третий день конференция сильно обмелела. Многие уехали домой раньше времени. Между докладами люди ходили в буфет за кофе и булочками. Опять беседы велись вовсе не о докладах. Люди в главном лекционном зале говорили тихо, не договаривая предложений, как будто внезапно устав посередине фразы. Слышалось: «Чего он добивается? Хочет распалить Третью мировую?» Саше казалось, что она попала в другой поток времени.

Она оказалась в фантастическом фильме. Ей было одновременно любопытно, тревожно, муторно. Люди вокруг были чуть-чуть не настоящими, как будто их нарисовали на фоне декораций и потом оживили. Они говорили на знакомом языке, но за словами скрывались бездны. Однажды ранней осенью она гостила у друзей на Кейп-Коде, и они компанией пошли купаться на тихое озеро в лесу. Они доплыли до середины озера, и хозяин коттеджа, где они жили, рассказал Саше о происхождении озера. Оно образовалось в ледниковый период в разломе двух подземных складок.

- Представь себе, что под нами километры воды!

Саша представила, и внезапно только что выглядевшее уютным озеро подмигнуло ей бездонным глазом, и показалось, что оно глубоким сильным течением тянет вниз. Тогда тоже было любопытно смотреть на себя со стороны, было страшно и тоже хотелось выбраться на берег. После докладов был банкет. В конференц-зале на столах стояли бутылки с водкой и винами, на блюдах лежали кружки салями. Олимпийские кружки. Сашу заинтересовал разговор, который трое ученых вели

в дверях: двое пожилых и один молодой человек. В отличие от них, он говорил громко, не боясь, что кто-то не тот услышит:

- Смотрите, как хитро власти узурпировали литературу и сделали из Пушкина и Толстого с Достоевским союзников. Мол, вот мы такие, у нас духовность, у нас великие писатели. И, поскольку битва идет в медийном пространстве, мы с вами понимаем, к чему эта узурпация приведет.

- К чему? – спросил пожилой ученый.

- Если не к полной Cancel Culture, то к тому, что в академическом мире на Западе интерес к русской словесности заметно поубавится. Он уже спадает. Это, конечно, несправедливо, ведь не виноваты Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой, что их выставляют, как оружие против Запада. Эткими дальнобойными ракетами на границе высокой духовности и особого предназначения России. Но еще обидней, что настоящий «таргет», извиняюсь за англицизм, это не Запад и даже не Украина, а русский мир в собственной стране.

- Из чего же это вытекает?

- Вы, наверное, хотите спросить: что из этого следует?

- Да, пожалуй.

- Следует из этого то, что, если вы и подобные вам либералы не с ними, то вы противники всего святого, что есть в стране.

Саша попыталась протиснуться сквозь толпу у входа поближе, чтобы посмотреть, кто это, но говорящий уже вышел за дверь и быстро зашагал по коридору. Она только увидела спину в серой куртке, волосы бобриком, черные джинсы. Она спросила у продолжавших беседу пожилых ученых, кто это был. Один сказал, что Всеволод Цорин, другой поправил, что не Цорин, а Цырин, и они продолжили разговор. Саше было пора на встречу с Рафом. Они с ним встретились на Тверском бульваре. Он хотел ее познакомить со своими друзьями, симпатичными поэтами, которые тоже были филологами со степенями. Она удивилась, ведь они с Рафом могли бы просто погулять и, вообще, при чем здесь какие-то поэты со степенями. Раф объяснил, что те хотят расспросить о возможности устройства на работу в американский университет.

- Сейчас все пытаются куда-то слинять отсюда. Ну, ты понимаешь!

Саша кивнула.

- Надо будет поспрашивать, когда вернусь. – сказала она неуверенно.

Потом они шли, болтая о всяких приятных пустяках. Он вспомнил, как однажды зимой Саша пришла поздно вечером с подвернутой ногой. Точнее, ее принесли двое поклонников, два Сережи. «Твои ухажеры по очереди несли тебя на руках из Рышкановского леса, куда вы пошли погулять. Мальчики в шестнадцать лет всегда состязаются!» - задумчиво закончил он. Потом он, как будто кто-то его одернул, печально заговорил о том, что утром читал в украинских новостях.

- Сашка, я, конечно, не хочу верить в то, что все это произойдет, но ведь все идет к тому. Давай, дуй отсюда побыстрее, потому что мало ли что.

- Что?

- Ведь могут закрыть аэропорты.

- Да ты что?

- А что им помешает! Тут у нас так теперь: партия прикажет – народ исполнит.

Саша посмотрела по сторонам: люди шли и улыбались, ехали машины, автобусы.

- Может, обойдется? – спросила она, осознавая, как глупо это звучит. Он пожал плечами, покачал седой головой, и опять стало как-то страшно и тягостно от всего. Тут они дошли. Раф показал на стеклянную дверь.

- Заходим!

Они зашли в узкий коридор, послышалась музыка, звук голосов. Раф, перекрикивая шум, объяснил, что место популярное.

- Сейчас закончится обеденный час, и никого не будет! А мы пока присядем вот в этом уголке и попьем кофе.

Они уместились за небольшим угловым столиком, и тут же к ним подошла официантка. На ней было черное обтягивающее крупную фигуру платье, большой в красной помаде рот загибался уголками вверх, тяжелые ресницы над красивыми восточными глазами вздрагивали, как опахала.

- Рафаил Григорьевич, давно не заходили! – сказала она певуче.

Раф улыбнулся.

- Я, в основном, на даче!

Она покивала, еще раз показала белые зубы и достала блокнот.

- Что будете заказывать?

- Пока кофейку бы на двоих и какого-нибудь печенья, только не очень сладкого. Ну, и бутылочку красного, посуше.

- Я знаю, какое вам понравится!

Через какое-то время в ресторане действительно поубавилось народу. Раф снял пальто и повесил его на освободившийся крючок на вешалке.

- Как там мама?

- Мама ничего.

- Работает еще?

- Работает!

- Будешь говорить, передавай привет, а то я давненько ей не звонил и не писал. Все время отвлекают какие-то дурацкие дела, ну, и опять же работа. Собираю материал про Потемкина в Молдавии.

Раф писал исторические романы, которые Саша не читала.

- Она понимает и не в обиде! - Саша взяла его за руку.

К столику подошло двое молодых мужчин, и Раф всех друг другу представил. Их звали Валера и Юра. Валера был черноволосым, очень худым. В костюме мышиного цвета он больше походил на скромнягу-учителя, нежели на поэта. Юра же, напротив, был, что называется, кровь с молоком, много и громко шутил, но по глазам было видно, что этого ему делать не хотелось. Такое, похоже, у него когда-то было амплуа, и теперь он по инерции придерживался роли. «Остановите земной шар, я хочу сойти!» - воскликнул он, открыв меню, в котором рядом со многими блюдами было написано «нет в наличии».

- Слушай, а какие шансы попасть в Штаты человеку, не согласному с режимом? – спросил он у Саши.

- Может, ты знаешь какой-то университет, который бы принял меня? Я готов на любую работу! У меня кандидатская.

- Так навскидку не скажу, надо разузнать.

- А сама как ты туда попала?

Саша объяснила, что сначала уехала учиться в Англию, там защитилась и стала обращаться в разные университеты, в том числе, в Америке.

- Круто! Я тебе свое курикулум пошлю на мыло?

- На что?

- По имэйлу, - объяснил он.

- Вы, конечно, пришлите, но я ничего не могу обещать. Я спрошу, но боюсь, что трудно у нас с вакансиями.

- А когда с ними было легко? Правда, Валера? – сказал Юра и, показывая на Валеру, добавил:

- Это у нас даже филологический гений, но безработный уже второй год. Его поперли из Вышки.

Валера в ответ покраснел и быстро выпил оставшееся в бокале вино. Скоро в зале почти никого не осталось. Уже знакомая официантка унесла тарелки. На столе остались только бутылка и бокалы.

- Почитайте стихи, ребята! – предложил Раф.

- Почитаем? – предложил Юра, обращаясь к Валере. – Ты начинай, да?

Валера полез в сумку и, когда он доставал прозрачную пластиковую папку с листочками стихов, у него дрожали руки. Стихи он начал писать давно, еще когда жил в Новосибирске, их печатали мало, но один раз внезапно их похвалил Евтушенко. Пару недель после этого Валере названивали местные журналисты и просили интервью, а после – как отрезало. Валерина жена осталась его единственной поклонницей. Он дрожащими пальцами разлепил папку, вынул стихи и плеснул себя вина.

- За поэзию!

- За нее! Может быть, в последний раз пьем за это! – отозвался Юра.

- Что так? – спросил Валера.

- А то, что, если будет война, то нас всех задвинут с нашим русским языком и всей прочей фигней.

- Не верю, - сказал Валера.

Он почитал, за ним свои прочитал Юра. Стихи, наверное, было хорошими, и Раф слушал их, и кивал, а до Саши смысл не доходил, у нее в голове продолжали звучать слова о войне. «Неужели он прав? – думала она. – Да как же такое может быть, чтобы война? Ведь это же Украина!» Ей хотелось срочно пойти куда-нибудь, что-то опротестовать. Ведь нельзя же было, в самом деле, сидеть тут и пить вино, когда такое замышлялось. А что же они сидят и продолжают вести разговоры? К ним подошел еще один человек.

- Простите, что запоздал, долго не было электрички. Меня Валера позвал.

- Да вы садитесь! - сказал Раф.

Тот долго не мог определиться, рядом с кем сесть. Раф его усадил рядом с собой.

- Вино будете?

Пришедший принял из его рук бокал с «каберне», выпил и взял бутылку, разглядывая этикетку.

/Обычно официанты приносят бокалы по количеству сидящих за столиком. В данном случае – четыре. Пятому неоткуда появиться, кроме как от официантки с восточными глазами, которую ещё надо подозвать, потом дожидаться, когда она вернется с дополнительной емкостью для питья. Конечно, эту бодрягу можно опустить, но по темпоритму пока получается, что пятый бокал уже стоял на столе заранее/

- Один раз в жизни пил такое! Смешно сказать, это было в Воркуте.

- Действительно, обхохочешься! – сказал Юра.

- Что вы там делали? – спросила Саша.

- Навещал друга на зоне. Он отказался идти в армию, он...

- Простите, - перебил Раф, - как вас зовут?

- Артем! – ответил вновь прибывший и, приподнявшись, пожал Рафу руку.

- А сами давно тут, в Москве?

- Три года.

- И как вам у нас?

Артем пожал плечами.

- Если честно, то мне тут не очень. Я было в Литинститут поступил... Мне казалось, что встречу мыслящих, добрых людей, а оказалось, что их так мало. Так мало! – горько добавил он. - Какие-то тут все завистливые, хвастливые. Вот думаю, не поехать ли мне обратно домой. Я вообще-то из Твери. Там родители остались, старые друзья. Здесь даже писать не могу.

- Вы поэт? – спросил Раф.

- Наверное, поэт.

- Да поэт он, поэт... Разве не видно? Поэты всегда киснут и жалуются на жизнь! Все, кроме меня! – сказал Юра.

У Саши зазвонил телефон, и она вышла в фойе, чтобы не мешать остальным за столиком. Звонила Аня, она беспокоилась, куда Саша пропала. Саша ответила, что с ней все в порядке.

- Когда вернешься-то? С ужином ждать?

- Не-а. Во-первых, я уже поела, во-вторых, мне надо кое-куда съездить.

- Куда еще?

- Одно важное свидание.

- Понятно, умолкаю! Он хоть красивый?

- Да нет же, не с мужчиной, с подругой!

- Ладно-ладно, рассказывай!

Саша рассмеялась и, как это бывает у молодых людей, от собственного смеха у нее поднялось настроение. Ей захотелось общаться, слушать рассказы этих чужих и уже понравившихся ей людей за столиком в углу. Пусть они жалуются, киснут, остроумничают, а все же это поинтереснее сухих филологических докладов. Она вернулась за стол, где Раф увлеченно описывал историю своей дачи.

- Поначалу проводил там лето, потом утеплил, поставил буржуйку и стал даже зимой наезжать. Жил там безвылазно во время пандемии. Эх, так хорошо – тишина, белое поле в окне, сходишь на станцию в магазин и обратно, раскочегаришь печку, нальешь рюмку... У меня теперь собака есть, взял с улицы, она славная. Вместе гуляем по лесу. Главное, никакого телевизора, ничего...

Они слушали. То же самое было когда-то в Кишиневе: молодежь любила Рафа за ум, за веселый характер. К нему ходили читать стихи, и он всегда говорил что-то доброе, умел и «критикнуть», но так, чтобы автору не было обидно. Саша помнила его мягкость, юмор, любила его истории про всяких интересных людей. Он был великолепным рассказчиком. Ей бы вечность сидеть за столиком и слушать его, чтобы время неслось мимо лавиной, и не было бы ни этой тревоги из-за возможной войны, ни мыслей о скорой разлуке.

Раф пошел ее провожать. На улице было непривычно тихо. Раф курил и стряхивал пепел на снег. Снег был твердым, и пепел катился по нему, гонимый ветром.

- Слушай, Сашка, тебе стоит поторопиться с отлетом!

- Почему?

- Я не хочу, чтобы ты тут застряла.

- Я тоже не хочу тут застрять, но как же я уеду так быстро? Мы даже почти не виделись с тобой, не ездили на дачу. И как мне быть с билетом? Он у меня с фиксированной датой, на начало марта.

- Плевать на дачу, на билет! Купи что-нибудь на ближайшее число, я тебе дам денег! Обещаешь?

- Хорошо, я поищу.

- Сейчас билеты дорогие, но ты не думай о деньгах!

Саша смотрела на белый след от обручального кольца на его пальце и думала о том, что она уедет

а он останется, и кто знает, когда она его снова увидит и увидит ли вообще. Ей в голову приходили всякие мысли.

- А ты не хочешь вернуться в Кишинев? – спросила она. – Может, там преподавание какое-то будет?

Он неопределенно пожал плечами.

- Знаешь, я когда-то тоже хотел быть профессором. Окончил истфак с отличием, меня зазывали в аспирантуру. А что такое аспирантура в Союзе, ты, наверное, представляешь. Во-первых, стали бы вербовать в партию. Но я не к тому. Профиль у меня был медиевистика, и я мог бы наряду с другими достойными учеными двигать науку, но, как представил себя в этих комиссиях, тошно стало. Ты живи, живи, не давай науке себя засушить!

О еще одной намеченной встрече, она ему сказала заранее. Они попрощались в метро, и разошлись. Раф отправлялся к себе в Чертаново, ему надо было полить цветы и взять на дачу какие-то вещи, а Саша держала путь в Перово, там у нее жила школьная подруга Оля Белова. После школы подруга вышла замуж за сибиряка и уехала к мужу в Омск. Они с Сашей не переписывались, и только недавно Саша увидела в «Одноклассниках» имя и написала. Теперь Оля с мужем жили в Москве. На лестничной клетке не было света, и, когда дверь открылась, Саша не сразу признала в полной женщине бывшую стройную красавицу. Они расцеловались, и странным образом запах Олиных волос, вернул Саше воспоминания о веселой девочке. Сколько ночей они провели вместе, тайком куря на балконе и мечтая о том, кем станут в будущем. Стол был накрыт к Сашиному приходу, она сели. Оля положила Саше кусок рыбы, салат.

- Ты ешь рыбу, ешь, она свежая!

- Да ем, ем, спасибо. Ты Расскажи о себе?

- Ну, вот так и живем, муж вечно в разъездах, детей у нас нет. В Омске был свой дом с садом, огородом, а тут квартирka, как видишь.

- Да.

- Ничего, нам хватает. Лишь бы не было войны! Просто ужас берет, как подумаю.

- Это правда, - автоматически поддакнула Саша.

- Фашизм! А эти восемь лет на Донбассе? Что они там творили!

- Какие восемь лет? Что творили?

- Ну, ты чо, не в курсе? Они русского мальчика распыли!

Саша отложила вилку. Оля, не замечая ничего, продолжала приговаривать по-бабски, как она не хочет войны и как боится за мужа; он военный, не дай бог пошлют туда. Она вспомнила про принесенное Сашей вино, принесла штопор, ловко открыла бутылку и налила им.

- Ну, за встречу, как говорится! И за победу над фашистами!

- Кого ты называешь фашистами? Ты украинцев так называешь?

- Ты чего, Саша?

- Я – ничего. Я, пожалуй, пойду отсюда!

Протиснувшись между сервантом и обеденным столом, Саша направилась к выходу, сдернула с вешалки куртку и выскочила за дверь. На лестничной клетке она вспомнила, что оставила на тумбочке шапку и перчатки. Она постояла в задумчивости несколько секунд и пошла вниз по лестнице. Во дворе было холодно, дул ветер, и все было по-другому: краски сменились на грязно-серые, стояли черные деревья. Через леденистую жижу во дворе были перекинuty доски. Она по ним прошла наискось к подворотне и оттуда на улицу. Она смотрела на идущих и думала о том, сколько из них понимает, что сейчас происходит нечто страшное. Происходит нечто такое, чего уже никогда не поправишь.

Она купила билет, он стоил невероятно дорого. Последний день она провела с Аней и Артемом. Думали сходить на выставку известного скульптора, но выяснилось, что выставку демонтировали.

- Раньше срока закрыли сволочи! - воскликнула Аня.

Артем заметил, что этого следовало ожидать, и они сели на кухне пить чай.

Утром Раф отвез ее в аэропорт. У входа стояло множество машин. Полицейский тут же подскочил к ним и велел не задерживаться. Раф и Саша простились. Он опять сгреб ее в охапку и чмокнул в лоб.

- Ты ничего не забыла? Паспорт, билет взяла?

- Взяла!

- Ну, давай, девочка, будь молодцом! Не знаю, скоро ли свидимся, но знай, что я всегда с тобой!

Сухой, хриловатый голос царапнул сердце. Она подержала его руку, потом отпустила и пошла, не оглядываясь. У ворот на посадку стоял работник и проверял у всех бумагу с ПЦР-тестом. С бумажкой в кармане Саша чувствовала себя уверенно и, когда подошла к красной заградительной ленте, протянула работнику листок.

- У вас просроченная дата! – сказал он Саше.

Каким образом у нее оказался устаревший тест, она и не помнила.

- Наверное, я, собираясь в дорогу, выбросила новый, а этот оставила! Поверьте, у меня отрицательный тест!

Работнику было не до нее, сзади напирала толпа, и он просто отодвинул Сашу рукой в сторону. Выходит, что понапрасну она радовалась.

Она представила себе волокиту с покупкой нового билета, ожидание в условиях, когда все американцы начнут улетать из России.

- Привет! – услышала она и, обернувшись, увидела молодого человека с конференции.

Он протянул ей руку, которую она машинально пожала, но продолжала смотреть на него. На нем были те же черные джинсы и пиджак, серая куртка висела, перекинута через дорожную сумку, на лице была маска с надписью «Бостон».

- Что, не узнаешь? Сева я, мы виделись на конференции! У тебя что, старый тест?

- Ага.

- Понятно! Тогда погнали! – сказал он и, взяв ее за руку, потащил за собой сквозь толпу обратно к выходу.

Они пришли в пункт сдачи теста на Ковид. Женщина в окошке плохо слышала, что Саша ей говорила. Объясняясь жестами, удалось добиться от нее цены на срочный тест. Та просто написала на бумажке стоимость. Как назло, не работала машинка, не приняла Сашину карту.

- Тьфу ты! – сказала Саша.

- Ерунда! - сказал Сева и заплатил наличными.

Они снова прошли паспортный контроль и вернулись к своим воротам.

- Все в порядке, проходите! – сказал проверяющий, проглядев поданный листок с результатом теста.

- Ты где-то хоть побывала в Москве? – спросил Сева.

- Нигде.

- Ну, ничего, в следующий раз. Если он будет! – добавил он.

Позвали на посадку, и они дружно поднялись и пошли в хвост очереди, который достигал кафетерия в середине зала. Там они встали в конце. Очередь не двигалась, люди нервничали. Стояние было долгим и тягостным. Откуда-то пришла новость, что самолет задерживается. Кто-то говорил, что рейс отменили. Люди вокруг схватились за телефоны, кричали дети.

- Пойду посмотрю! – сказал Сеня и направился к пропускному пункту.

Его долго не было и, когда он наконец вернулся, то Саша по выражению лица поняла, что у него плохая новость. Он молчал, она ждала.

- Ну что? – спросила она нетерпеливо.

- Самолет наш, похоже, накрылся. Никуда не летим.

- What the fuck?

- США отменило рейсы компании «Аэрофлот».

/Если Саша улетала в феврале, ещё до начала военных действий, то эти слова расходятся со следующей информацией Министерства транспорта США, опубликованной 28.02: США закроют свое воздушное пространство для самолетов из России в 21:00 по североамериканскому восточному времени (5:00 3 марта в Москве). Запрет коснется пассажирских и грузовых рейсов, регулярных и чартерных. Минтранс США сообщил, что принял такое решение по указанию президента Джо Байдена в ответ на «военную операцию» России в Украине/

- А как же мы? Мы же свои!

- Ну а кого это волнует, мягко говоря? Они не хотят принимать самолеты «Аэрофлота». Так что пошли сядем подальше от этой кофлы и посмотрим, что будет дальше.

- Может, это ещё не окончательно решено?

- Да, переговоры еще ведутся.

Он поднял сумку и пошел, и Саша за ним. Они сели в тихом конце зала, где не было слышно взволнованных разговоров. Началось ожидание. Саша плохо себя чувствовала. Она прикрыла глаза.

Где она была? В Москве или в такси по дороге домой? Или она ждала самолета в Лондон. Она помнила свою первую эмиграцию. Мать с Рафом провожали ее, она обещала часто звонить. Она летела в Лондон. Ей было весело, впереди была новая жизнь, учеба в Кембриджском университете. Ее разбудил Севин голос: «Саш, а Саш, вставай, наш самолет вот-вот полетит!» Все, кто только что ссорились, перестали ссориться. Все, кто плакали, теперь улыбались. На посадку шли дружно, пропуская вперед женщин с детьми, уступая дорогу пожилым. Люди вспомнили, что они люди. Прекрасен человек, когда спадает тяжесть с плеч!

В самолете Саша снова спала, изредка открывала глаза, когда стюардесса, толкая по узкому проходу каталку с пищей, предлагала еду и питье. «Нет, спасибо!» - отвечала Саша и снова погружалась в сон. За три дня конференции она так устала, как не устала за целый семестр. Вот так внезапно устала, что не могла держать голову. Только она погружалась в сон, как будило объявление бортпроводницы: «Наш самолет находится в зоне турбулентности, просим всех пристегнуть ремни и оставаться на местах». Она и так уже пристегнута и никуда не собирается идти. Ей приснился виноград, и во сне она срывала с грозди длинные зеленые ягоды и ела их, обливаясь соком. Сашу мучила жажда. Она с трудом встала и прошла в закуток к стюардессам, и там, к ее удивлению, как раз стоял поднос, и на нем тарелка с виноградом. Увидев Сашин взгляд, стюардесса сказала, что она может взять, потому что пассажир из бизнес-класса отказался.

- Никто не прикасался, можете не волноваться!

Саша протянула руку и услышала другой голос, мужской:

- Это только для пассажиров бизнес-класса! Вам не полагается!

Она отдернула руку и попросила чаю. Он показал ей на салон:

- Садитесь на место, я сейчас принесу!

Пить, пить. Саша выпила весь принесенный чай, но жажду не утолила. Кнопка вызова не работала, а вставать и снова идти за чаем мешала слабость, да и рядом с ней спал пассажир; его мясистый нос издавал замысловатый храп. Она закрыла глаза и провалилась в яму. Она снова была в Москве, сидела на конференции. Выступающий что-то говорил, она понимала, что речь шла о Радищеве, на экране был его портрет, но слов было не разобрать, уши заложило ватой. Ее позвали по имени. Вот дела, ей предстояло докладывать следующей, надо было открыть глаза. О, какая это была смертная мука поднимать веки. Почему человека будят, ведь видят, что спит человек! Как это жестоко! Саша огромным усилием воли заставила себя проснуться.

- Ну, ты как? – спросил Сева.

Сплю.

- Вот, я и гляжу, что ты спишь да спишь. Выпить хочешь? - он показал на фляжку, торчащую из кармана. – Турецкий коньяк!

- Я винограду хочу! – сказала Саша.

- Так коньяк как раз из винограда!

- Нет, я просто винограда хочу! Зеленого...

Сосед рядом проснулся и сказал по-русски:

- Я бы тоже съел винограду!

После этой фразы он повернулся на другой бок и опять мирно захрапел. Сева постоял в раздумье.

- Что вдруг винограду?

- Мне что-то нездоровится!

- Может, минералки принести?

Она уже не слышала, исчез сосед справа, исчез Сева, она была далеко. Она была в другом времени. Она болела ангиной, ей было восемь лет, мама принесла с рынка две грозди зеленого винограда. Они были холодными, потому что на дворе была зима. Зима была в Кишиневе мягкой, слякотной, мокрый снег лепился к фонарям, лежал на крыше газетного киоска. Мама обмыла виноград теплой водой, положила на керамическое блюдо и поставила рядом с Сашей на табуретку. Капли воды блестели, и в каждой отражалось немного зимнего солнца. Саша отщипнула ягоду и, продолжая смотреть на блестящее в ней пятно, отправила в рот. «Ешь, ешь, это помогает!» - сказала мама. Саша ела ягоды и ей казалось, что она ест свет. И сейчас был февраль, и ветры трясли самолет, и бросали его, как маленький корабль, с волны на волну. Ей не было страшно. Она любила самолеты и в детстве с родителями много летала. Стюардесса приносила на подносе конфеты под названием «Взлетная». Они были обернуты в липкую целлофановую бумажку. Стюардесса подарила ей значок с голубем мира. Саша собирала значки, у нее набралась целая коллекция, которая в какой-то момент, как все детские коллекции, исчезла вместе с квадратной металлической коробкой и больше никогда не вспоминалась. Никогда вплоть до этого момента. Вот только сейчас она возникла, и на крышке вырисовалась картинка с тремя богатырями. Саша увидела себя, в руках у нее была коробка со значками. Она выходит с коробкой во двор. Зачем во двор? А... Чтобы меняться! Уже сумерки, снег налипает на ботинки. Она оглядывается: прямоугольные окна загораются одно за другим. самого дома почти не видно, поэтому кажется, что окна загораются прямо в синем небе. Что же это так пахнет? Пахнет бензином и чем-то еще. Она останавливается и видит: как по дороге несет кошка, к хвосту ее привязана банка, и пламя ползет по веревке к шерсти. Со стороны беседки на пустыре раздается смех. Это мальчишки ловят в подвале их дома кошек, зажигают их. Она идет по склону вниз, оскользается, скатывается. Теперь ее шуба в комьях грязи и снега, и дома ей влетит. «Эй вы, уходите!» - кричит она. Они смеются еще громче, говорят, чтобы она сама уходила. Один из них, которого она знает по школе, смущен. Она спрашивает, не стыдно ли им, и он разводит руками: он тут ни при чем. Другой продолжает держать кота и вязать узел на хвосте. У него в ногах стоит бутылка с бензином. Он отвлекается при виде Саши, спрашивает, что у нее в коробке. Она говорит, что значки. «Давай меняться: я тебе – кота, ты мне – коробку!» Пассажиры смотрят фильмы, но у нее экран показывает зелено-синюю карту Европы, красную стрелку самолета, которая почти не движется. Саше хочется, чтобы летели быстрее, ведь у самолета, по идее, огромная скорость. Она скоро будет дома, осталось потерпеть девять часов. При мысли о доме она видит свою комнату в Бостоне, любимую комнату-студию, как их называют, с письменным столом, диваном в правом углу, оранжевыми шторами на окнах.

В зимние холода там хорошо забираться с ногами на разложенный диван, укрываться пледом и, держа на коленях ноутбук, читать или писать статью, или просто проверять электронную почту. Как странно, что раньше она ничему этому не радовалась. Она жила во многих странах, во многих городах. Она жила в Молдавии, на Урале, в Москве, в Англии, теперь Бостон. Дом был там, где была она. Она превратилась в улитку, носящую свой дом с собой. Она покинула Молдавию давно, там осталась мама, диван и та самая тарелка с виноградом. Вот бы сейчас винограда поесть, чтобы прошли горение в груди и боль в голове! Тыльной стороной ладони она притронулась ко лбу. У нее была температура. Высокая ли, она не знала. Вот мама бы безошибочно определила. В детстве она притрагивалась губами к Сашиному лбу: «Где-то тридцать восемь с копейками!» Ладно, она прилетит домой и вылечится, а сейчас надо потерпеть. Она закрыла глаза и заснула сном без снов. Сосед справа ворочался, включал телевизор, потов выключал. Это ее поначалу будило, а потом перестало. Она спала. Она открыла глаза от того, что кто-то тронул ее за плечо. Сева стоял в проходе между рядами, держа в руках тарелку с виноградом, до Нью-Йорка оставался час лету.

Дело было ввечеру,
дятел молотил кору,
муж читал свой интернет
и вздыхал: «Какой-то бред!»

Дочь смотрела в телефон,
говорила папе в тон:
«Папа, им ведь отомстят!»
За окном горел закат.

Там темнели провода,
и, как будто сквозь года,
в них плыла одна звезда
в мир, убитый навсегда.

Пусть однажды безызвестно сгину,
истрепавши поминальный креп,
только дай взглянуть на Украину,
на освобожденный синий Днепр.
Налюбуюсь на родные лица,
храм Софии к небу по пути,
редкая отчаянная птица,
долетевшая до середи...

Я выросла в поселке на Донбассе,
мы, детвора, играли там в войну,
среди чёрных шахт по кучам шлака лазя –
дай снова в штольню памяти взгляну!

На месте том, где находилось сердце,
давили вишню, и пятно на вид
напоминало рану. Лето, детство,
и чей-то звонкий голос: «Он убит!»

Потом мы выходили из завала,
убитые с живыми шли домой,
но жив под сердцем тот кусок металла
и он морочит пулею стальной.

Мне видится: лежу среди старой штольни
с разорванной раною в груди.
Я, маленький солдат со взрослой болью, –
о, Украина-родина, прости!

ХЕРСОН

В жизни был прозрачный день июня,
птицы пели, и цвели петунии,
и, когда в дома вошла вода,
всё задребезжало и поплыло,
птицы смолкли, псина заскулила,
потому что в мир пришла беда.

Тихий город превратился в заводь,
дети плыли, дети могу плавать,
но не хорошо, не далеко,
кошки могут быть на мокрой крыше.
Слышишь этот плач? Да, слышу, слышу.
Видишь слёз слепое молоко?

Над водой оно теперь навеки,
потому что плачут даже реки,
даже бездна плачет, черт возьми,
но всего сильнее в чёрном хоре
плачут в исступлении и в горе
матери над мертвыми детьми.

И мысленно входишь ты в те времена,
где пули вместо дождей,
где падает бывшего дома стена,
где женщины прячут детей.

Где девять отцу и где матери семь,
и кружится аэроплан
со свастикой на фюзеляже над всем,
где поезд идёт в Киргизстан.

Вновь в аэроплане убийцы лицо,
течёт тонкой струйкой огонь.
Не курицы ль раньше здесь было яйцо,
что с детства глядим это сон?

Земля Украины в кольце чёрных войск,
снаряды летят сверху вниз
на Киев, на Харьков, Ивано-Франковск,
и некому молвить: «Проснись!»

Славист и германист по образованию, преподаватель немецкого языка по призванию, переводчик по совместительству. Изучаю поэзию Пауля Целана. Дважды эмигрировала: из России в Германию, из Германии в США.

Люблю строить коммуникативные мосты.

ЛИЛИАНА ЯНХОФЕР

РОССИЯ-США

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Что в звуке том, рожденном веком,
Что заставляет слушать, не дыша.
Сначала Schluchzen, Schlucken, Schweigen,
Затем же Stottern, Stolpern, Stürzen,
Schlagen, Schlachten* – все на «Ш».
Ребенок машет детской ручкой
С приветом в двадцать первый век,
Где свет со тьмой неразлучны,
Как будто Колыма и зэк.
То память человеко-зверя
В голодном льду легли на дно,
Шаламов валит там деревья,
Где край и бездна – всё одно.
Доколе?! Вот вопрос у бездны
На гибельном краю всех слёз,
Быть или не быть тут не у места,
Так получилось, так срослось
В потоке речи устье с устьем,
В потоке света, в сонме тьмы
Та грань, где зверя не пропустим.
Позволь нам людям быть людьми.

*Нем.: всхлипывать, глотать, молчать,
заикаться, спотыкаться, падать, бить, забивать

Казнить нельзя помиловать
молчать нельзя «беда» кричать
судить нельзя простить
сквернить нельзя молить

скорбеть нельзя геройствовать
почтить нельзя юродствовать
вставать нельзя лежать
идти нельзя стоять

летать нельзя ползти
мешать нельзя уйти
стрелять нельзя обнять
найти нельзя терять

воспеть нельзя презреть
дышать нельзя хрипеть
принять нельзя скулить
рушить нельзя творить.

ФАМИЛИЯ

Каждый ребенок считает, что его мама самая красивая. Прозрение приходит годам к десяти, когда начинаешь в маме видеть не только маму, но и подругу, соседку, сотрудницу, жену папы, в общем начинаешь замечать и других людей. Со мной было по-другому, моя мама была действительно самая красивая, такой она и осталась. Она не дожидаясь моего десятилетия, и даже семилетия, и попрощалась, когда мне исполнилось 6 лет.

Я тогда уже была в детском доме и мамины фотографии хранил мой старший брат, которому было пятнадцать лет. Он навещал меня сначала в простой одежде, потом в армейской, которой пугались дети и с уважением рассматривали воспитатели. Вскоре он превратился в военного пограничника и его постоянно окружали собаки. Когда мне исполнилось четырнадцать лет он показал мне фотографии, которые сумел как-то сохранить в своих бесчисленных переездах.

На одной коричнево-желтой карточке он совсем маленький, веснушчатый, у тети на летних каникулах в Одессе. Видно двор, деревенский дом, дощатый забор, раскидистое дерево и размытая дорога. Эта фотография была проекцией его мечты приехать в Одессу уже взрослым, отыскать родственников, вот они удивятся и обрадуются, как он вырос, как возмужал.

А вот мама окончила Одесский геологический техникум. Так я узнала, что она была по профессии геологом, представляла ее покоряющей вершины гор. У нее были густые длинные волосы, заплетенные в косы, несмотря на входившую в моду стрижку. На еще одной фотокарточке наша бабушка со звучной фамилией Волкова. Брат рассказал, что деда нашего замели как врага народа, наверное, фамилия слишком громкая, и бабушка бежала в неизвестном направлении и растворилась навсегда.

Мужчин на фотографиях и в памяти не было. Мама говорила, что отца у нас нет и не было, при этом плакала и жгла письма в медном тазу, писем было много. Она болела и знала, что скоро нас оставит. Сжигая свою любовь и стирая прошлое, она оставила нам свою украинскую фамилию Ш...й. Так все сразу слышали мои корни. Я гордо отвечала, что, да, мы из Одессы, хотя ни разу там не была. Лица смягчались и взгляд направлялся как бы вовнутрь: «Красивый город, веселый.»

Похоронили маму на деревенском кладбище, в небольшом городке в России, куда она попала по распределению или по любви. Мы каждый год слетались к этому месту, хотя кроме могилки там ничего не осталось. Я, мой старший брат-военный и еще двое братьев помладше, которые вместе со мной отбывали детство от звонка до звонка под государственным присмотром.

Прошлым, уже военным летом раздался звонок одной женщины из нашего поселка, которая приглядывает за могилкой. Следы вандализма на мамином месте. Украинская фамилия, догадалась я. Я знала, что мой средний брат по другую сторону баррикад. Как-то в одном телефонном разговоре я дала ему высказаться, отошла в сторону и смотрела, как путается в словах, спотыкается на ровном месте, матерится. Наконец я поведала, что могилку осквернили, втянули в эту непонятную, несправедливую и неравную бойню, ведь мама давно уже не живет! Я через трубку слышала, как он напрягся, видела, как побледнел, так война пришла в его собственный дом.

ФЕВРАЛЬ 2023

ЛИЛИАНА ЯНХОФЕР
РОССИЯ-США

О СЕБЕ

Я не умею говорить о себе
ведь мысль как птица, улетит и не вернется.
Другая вот сидит уж на плече
взмахнет крылом – перевернет страницу.

Не получается сказать и о тебе,
ведь чувства – воздух, легкий, невесомый.
Он просто есть, он бытие,
не надо слова, все и так знакомо.

Нет нужных слов, чтобы поведать о войне
она в тебе, во мне, в реке,
и как ее достать со дна, и вынуть всю,
до капельки, до крошки,
освободить тот мир, что назван мной?
И жить опять тобой, и, снова стать собой.

СЛОВО

Чего стоит слово,
если не стреляет в цель, не закрывает небо,
не дает света в темноте.
Оно на кассе округляется до ста.
И десять центов творят чудеса.
Оно «Спасибо», и «Не надо сдачи»,
Оно бесценно обесценено.
Но, что случилось? Отчего шум?
За что сгребаем в горстку плац?
И ищем, давим, гнем и отторгаем,
Все то, что к слову не пришлось.
Почем весь шум и что за дело
До слова, что родилось вначале?
А может это что-нибудь да стоит?
Когда свеча хирургу служит солнцем,
И дела Хорсу нет до наших бед.
Но свет тот нужен нам,
Как обещанье дня, ведь он наступит,
И слово то на жизнь заговорит.

ЛОКОМОТИВ

Он не состарился, а сразу постарел,
от сиськи мамки в кресло деда повалился,
а, если оглянуться, будешь не у дел,
то был не ты, они, и тот, кто ухватился.

На небе месяц-коготь, предвещает ночь,
асфальт весь в шрамах под ногами,
куски, обрывки, раны. Как помочь
и сохранить что было жизнью, было нами?

Щелчок, стоп-кадр, и объектив
удержит миг, что назову я чудом,
ребенок строит свой локомотив,
что унесет его туда, где не был он покуда.

Где не был он и я, и наши дни
не тронуты его путями,
он мчится против ветра, в те межи,
где поле покрывается цветами.

Где все на месте, день сменяет ночь,
за летом - осень, за морями - суша,
и чувствуешь, что это он, точь-в-точь,
тот новый мир, он будет много лучше.

О том, что может начаться война говорили многие, задолго до 24 февраля. Конечно же, не верилось — мне казалось, что даже если Путин безумец, то хоть кто-то из его окружения сможет его остановить. Решение уехать появилось в тот же день 24 февраля 2022.

Невозможно было видеть и слышать слова о том, что если бы не мы, то нас. Невозможно было видеть эти жуткие буквы «Z» на фасадах домов. А ещё равнодушие к произошедшему — вот уж что било наповал. Всё посыпалось и обрушилось в один миг.

МАРИНА КАРАНДИНА

ПОЛЬША

КОПИРАЙТЕР

КОГДА ЕСТЬ ТОЛЬКО НОЛЬ

Цвели сады у цифры «три»,
А у «шести» рос хмель,
И поезда от цифры «два» ходили каждый день.

Всё было мирно и легко в
Таблице умножения,
Пока не появился «ноль»
С опасным возражением.

— Я самый сильный среди вас, —
кричал безумный «ноль»,
— Я перемножу вас со мной
И будет вечный «ноль».

Пока толпа из цифры «два»
Задумалась что ж делать,
Ужасный «ноль» спалил дома
И уничтожил «девять».

Пошёл он армией своей
Крушить и жечь поля;
Там, где росли вчера цветы —
Лишь жухлая трава.

Вот так вот цепью из нулей
Пришёл он к цифре «семь»,
А та ждала их уж давно
И рядом «Абрамс» с ней.

— Послушай, «ноль», ты ж просто ноль,
Дружить с тобой нельзя!
Ты глуп и можешь лишь играть ты на вторых
ролях!

Собрались обнулённые все около «ноля»
А «Абрамс» просто выстрелил
И нет уж ни хрена.

А И Б СИДЕЛИ НА ТРУБЕ

Ж.П. во всех ситуациях умела сохранять спокойствие. Политикой не интересовалась, кто такой Нельсон Мандела, понятия не имела, и на вопрос, что делать, знала четкий ответ:

— Радоваться.

А дальше весь набор для радости: травинке, солнцу, росинке и т.д.

Так вот с блаженной улыбкой радости росинкам каждое утро Ж.П. начиналось, далее пробежка по Сретенскому бульвару, а потом чашечка красного китайского чая с горячим круассаном. Как уже было сказано, политикой Ж.П. не интересовалась, но жила-то она в доме на Сретенке, а окна выходили как раз на бульвар. Вид потрясающий. Но вот по бульвару любила бегать не только Ж.П., но ещё и тысячи граждан. А им, этим гражданам всё хотелось России без Путина, о чём они говорили всему бульварному кольцу. А то и вообще, предлагали действующего президента посадить в звездолёт и отправить в космическое путешествие навеки. Вот эти-то граждане Ж.П. пугали и удручали. А так как политикой она не интересовалась, то фантазии граждан считала беспочвенными, вредными и очень злыми. И уж тем более ей совсем не хотелось, чтобы слушал все эти бредни про звездолёт её Славик. Славик — сын Ж.П., умный мальчик, ученик 3-го класса французской школы как раз наоборот любил выглядывать из окна и считать народ, сколько там безумных голов готовы отправить президента покорять просторы вечности.

Наконец, все эти шествия в рамках безопасности народа запретили, Ж.П. вздохнула свободно и вполне удовлетворённо — бульвар вновь принадлежал только сердобольным старикам, подкармливающих бездомных птиц мира; мамам с горланящими колясками и гражданам, борющимся за жизнь всеми способами от газеты ЗОЖ.

Но однажды стало как-то совсем тихо на бульваре, просто до неприличия тихо и даже неуютно. А так как политикой по-прежнему Ж.П. не интересовалась, то не сразу и поняла, что началась война. Но политика политикой, а считать-то Ж.П. в рамках школьной программы умела хорошо. И то, что её десятикласснику Славику вот-вот будет 17, она помнила весьма отчётливо.

— Во всём легко увидеть хорошее, надо только захотеть, — сказала себе Ж.П. и купила новые кроссовки. Жизнь вновь открылась яркими красками, сына приняли в одиннадцатый класс с осплошь французским языком.

— Ну, когда бы ещё Славик смог совершенствовать свой французский. Как же это верно — надо иметь положительный взгляд.

В жизни Ж.П. произошли некоторые перемены, исчезла «П» в её имени, осталась одна только «Ж». Но Ж. это даже нравится.

А в остальном — привычные пробежки по бульвару, кафе с круассанами и всегда настроенный на позитив взгляд на жизнь, который иногда нарушают демонстранты, чего-то требующие от властей. В эти минуты спортивная Ж. смотрит на недовольных чем-то в этой жизни людей и недоумевает:

— Ну чего же и этим не хватает, когда жизнь так прекрасна.

Что касается политики — политикой она, разумеется, не интересуется.

КТО СМОЖЕТ ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ

Кто сможет прекратить войну?
Не знаю — пожалуй, лишь Ланселот.
Только б ему не сойти с ума
От фальши безумных нот.

Каждой воткнута в мозг пропаганды игла,
Что несёт смерти злобный поток,
Этой армии зомби бесконечность мала,
Метронома зациклился счёт.

В этом счёте застряла серо-бледная моль,
Отрастила клыки и броню,
И обрила всех нас без разбора под ноль,
Да несёт в мир лишь боль и тоску.

Ну а мы, как всегда опоздали на бой
Ждём, когда же придёт Ланселот,
Расхерачит трезубцем клыки и понты
И снесёт пропаганды котёл.

Кто сможет прекратить войну?
Не знаю — а вдруг Ланселот не придёт.

Пессимист из меня получился так себе, - жизнь постоянно превосходила мои ожидания.

МАРК О'КИН

ИЗРАИЛЬ

ЭКОНОМИСТ

ВЫБОР ПАТРИАРХА

- А я думал, Вас нет.

- А я есть, - ответил Он. - Впрочем, если бы ты думал иначе, разве тебя бы взяли в высшую школу КГБ?

Два благообразных старца смотрели друг на друга поверх простого струганого стола, стоявшего в тени раскидистого дерева. Оба внешне были абсолютно спокойны, но один отчаянно хотел провалиться сквозь землю или исчезнуть каким-нибудь иным способом. За его спиной виднелся кусок кирпичной стены, а в ней плотно закрытая белая дверь.

- К слову, - добавил Всевышний, - ко мне принято обращаться на "Ты".

Патриарх сглотнул, проклиная себя за оплошность.

- Ну, рассказывай, как ты служил мне? Что сделал хорошего?

- Всю жизнь, Господи!.. Верой и правдой... Ведь из ничего церковь возродили, 30 тысяч храмов построили, количество прихожан...

- Не надо, - мягко сказал Господь, - ты же не у начальства на докладе... Впрочем, это, как посмотреть.

- Он снисходительно улыбнулся. - Ведь ты же называл себя моим наместником на земле?

Патриарх не нашелся, что ответить и притих.

- Стало ли на свете больше любви, благодаря тебе?

Тишина.

- Верой и правдой, говоришь? Насчет веры ты сам признался, а уж правдой в твоём ведомстве и вовсе не пахло. Но инструкцию-то ты читал? Она, конечно, немного устарела за 3000 лет, но базовые

принципы не изменились. Помнишь, "не убий"? - Господь заглянул человеку в глаза.

Его собеседник судорожно кивнул.

- Помнишь. А как же тебе тогда пришло в голову освящать баллистические ракеты? - В голосе Всевышнего явственно звучал гнев. - Думал ли ты о любви, благословляя отправку солдат на смерть?

Патриарх дрожал.

- Что ж, каждый волен делать свой выбор. И ты в том числе.

- Это дверь в ад или в рай? - упавшим голосом спросил старик.

- Рай ты не заслужил, - рассмеялся Господь, - а вот в ад, конечно, можно. Либо ты можешь вернуться и попробовать снова. Тебе решать.

Человек посидел еще немного, затем встал и, пошатываясь, подошел к двери. Он обернулся и в последний раз взглянул на Всевышнего, прежде чем непостижимое чувство заставило его войти.

МАРК О'КИН
ИЗРАИЛЬ

МИРОСЛАВА КИТЕЖ

РОССИЯ

ГУМАНИСТ

Я не верю в праведность бомб
И вежливость палачей,
И в мир, который несут
На тупых мысах кирзачей.
Отвергаю тот высший суд,
Который вершат на земле.
Всегда во спасенье лгут,
Поклявшись звездой на челе.
Но чем громче и ближе их лай,
Тем сильнее я верю в добро.
Я плачу о тех, кто погиб,
И молюсь, чтоб другим повезло.
Там, где всходит кровавый рассвет,
Будет самый быстрый закат.
Я не верю, что выхода нет,
Кроме как стрелять наугад.
Я не верю, что место в раю
Можно выбить кастетом в бровь
И воскресить Христа,
Погрузив его в братскую кровь.
Слушай, если ты чья-то сестра,
Чья-то мать, сноха или дочь,
Борись за жизнь и покой!
Даже если боишься, что в ночь
Придут и кровавой рукой
С калашом постучат в твою дверь,
Умоляю, не будь глухой!
Пожалуйста, тоже не верь!

Налиты берёзы соком,
Июнь, и не их вина,
Что где-то в краю далёком
Идёт не моя война.
Там вместо града - грады,
Дроны трещат вместо птиц.
Там не осталось млада,
Там не осталось границ.
Брезентовые эшелоны
Зелёных солёных юнцов,
С прошлым дЕдов будёных,
С памятью пьющих отцов.
Там мы положим их тыщи
По краю окопных резцов.
Вновь станет Россия нищей,
Страною вдов и вдовцов.

С Урала. Дальше Москва-Лондон-Питер-Оксфорд.

Любимое место под солнцем? Там где его мало,
где я был вне секты мира, легко влюблялся,
и мне каждый раз открывались новые горизонты.
Алые паруса молодости – Питер.

А поэзия? Это даже не хобби, само-терапия души.

ОЛЕГ МЕДВЕДЕВ

РОССИЯ-АНГЛИЯ

МАТЕМАТИК

Она вертелась, маятник Фуко
Раскачивался медленно и плавно.
Кончай вертеться, мать, небесна манна
От нас сегодня очень далеко..
Кончай вертеться, мать, кончай вертеться!
Я снова окунулся в детство.
Что в детстве том? Дворы, дворы...
И где-то там – далёкие миры...
Далёкие миры... Но где-то там. А мы?
Что мы? Мы здесь с ногами на земле.
Ногами ходим по вертящейся земле...
Ногами ползаем по ней, ногами..
И сила Кориолиса уже
Нас не снесёт,
Мы сделаем всё сами,
Бродя ногами
По родной земле...

Резать, не дожидаясь перитонита.
Мастер и женщина, не Маргарита,
Будете есть? Жесть — из общего корыта.
Тихо. Входите. Нет, не закрыто.

Рана не вскрыта?
Резать, не дожидаясь перитонита,
Лишь бы только не попасть
К огненной гиене в пасть.

Тяни — открыто.
Толкни — закрыто.
Резать, не дожидаясь перитонита.
Всё. Отдохни. Заслужил.

В целях великой борьбы целлюлита
С человечеством в ворохе старых сандалий
Будет небрито, но шито-крыто с белыми
нитками из сраных медалей:
Резать, не дожидаясь перитонита.

СЕМЕН ПАТЛИС

США

IT-КОНСУЛЬТАНТ

О себе: давно не молод, но и не очень стар; в сознательном возрасте принимал участие в застое, ускорении, перестройке, гласности и прочих забавах. Пересидев ГКЧП, и немного не дождавшись отмены СССР, в 1991 году уехал в США, где с тех пор и живу в Южной Калифорнии, в городе Сан-Диего. В альманах “Игла” я пришёл по приглашению друга, который тоже живёт в Сан-Диего. Стихи пишу давно, в основном для собственного удовольствия. Ещё люблю переводить поэзию с английского языка на русский, а также с русского и украинского языков на английский.

Когда-то, в конце прошлого столетия, по наивности, я написал следующее стихотворение:

Мы люди редкостной судьбы:
На нас закончилась эпоха.
И глас воинственный трубы
Нас в бой не звал;
И гнев Молоха
Нас миновал.

Увы, жизнь показала, как я был неправ.

СЛОВА О СОВЕ*

(НА ДВОРЕ ТРАВА, НА ТРАВЕ ДРОВА,
НА ДРОВАХ СОВА, - ВОТ И ВСЕ СЛОВА...)

1.

В чаще тёмной и густой
Проживает филин злой,
Толстый, старый, - с молодой
Раскрасавицей совой.

2.

- Филин, злой рогатый хрыч,
Ты не ухай и не хнычь;
Прилетит соседский сыч,
Принесет в когтях кирпич, -
И тогда, на раз и два,
Станет вдовушкой сова.

3.

- Станет вдовушкой сова;
Поползёт о том молва,
Зашумит в лесу листва:
Дескать, совушка - вдова!
Как услышит пацанва,
Так пойдёт качать права!

4.

- Так пойдёт качать права
Вся окрестная братва:
И неясить с бородой,
И пугач и сыч седой, -
Будут ухать, будут выть
Будут совушку делить,
- И сипуха, и канюк...
Будет совушке каюк!

5.

На дворе стоит айва,
Под айвой лежит жратва:
Пахлава, изюм, халва,
Мёд и с брагой ендова.
Кутит и поёт братва -
Всё на свете - трын-трава!

6.

- Всё на свете - трын-трава,
На траве лежат дрова,
На дровах сидит сова,
У совы в когтях плотва, -
Трепыхается едва,
Бьёт хвостом, пока жива.

7.

- Бьёт хвостом, пока жива!
Вот и кончились слова...

*СОВА (Толковый словарь Даля):

жен. ночная хищная птица Strix; видов много: белая сова (из канюков, полусов), пороша; малая, сыч; большая, лесная, филин и пугач. ·стар. див, церк. сири́н; ученые делят семью эту на сов, сипух, пугачей, неясителей, филинов, сычей, канюк и сиринов....

ЯЙЦО ФАБЕРЖЕ

Обнулённый кощей, восседая один в подземелье,
Нервно гладит яйцо Фаберже с красной кнопкой внутри.
А в яйце том упрятана смерть моего поколения,
Всех живущих, и будущих всех поколений Земли.
Он визжит: мне подайте скорее сюда Украину,
Я желаю с ней жить, и иметь её как захочу!
Через Крым и Донбасс, я туда свои части задвину;
А посмеют мешать, — я в сортире их всех замочу!
Ну а если партнеры с другой стороны океана
Станут палки в колёса мне ставить в слепом кураже,
Я им грозно скажу: всё идёт в соответствии с планом, —
У меня на сей случай в кармане яйцо Фаберже
С красной кнопкой внутри, — я нажму эту красную кнопку,
И партнёры умрут, захлебнувшись в крови и огне.
Мы все в рай попадём, а они — прямо к дьяволу в топку;
Так что, лучше отдайте мне всё, что положено мне!
И забегали все олигархи, министры, шестерки;
И холопы молчат, к телевизорам плотно прильнув.
Тем, кто голос подаст, назначают публичные порки, —
Пусть бегут из страны, если сесть не желают в тюрьму.
И под свист «соловьёв», вперемешку с «Прощаньем Славянки»,
Отправляется русский корабль, как «Титаник», на дно,
Увязают в грязи и болотах подбитые танки,
В них солдаты горят, — как мы видели раньше в кино.
Чёрный лебедь войны воспарил высоко над Европой,
И разверзлись хляби, в которые хлынула смерть.
Больше нет тишины, человеки зарылись в окопы,
Удобряя собой, к урожаю готовую, твердь...
...
В подземелье кощею является в зеркале правда:
Чем длиннее война, тем виднее, что он — неглиже...
И, уже различая грядущие контуры ада,
Он боится, и яростно чешет яйцо Фаберже...

СЕМЕН ПАТАИС
США

В деревне под Курском ждёт мама солдата,
А он потерялся в чужой стороне.
Лежит на дороге в дыре от гранаты,
Убитый гражданскими на "не-войне".
Казалось бы: Харьков... Что здесь потерял он?
Он мог здесь родиться! Он мог здесь любить...
Он мог бы быть счастливым, но дело за малым:
Чтоб был он счастливым, он должен был жить!
Но всё ж, сторона для него не чужая:
Давно, в сорок третьем, февральским деньком,
Здесь прадед его, ПППШ обнимая,
Упал под прицельным немецким огнём.
Упал и лежал на дороге в воронке,
Собой укрывая ту землю, куда
Потом его правнук придёт, и потомки
Других таких прадедов; с ними - беда
Придёт в Украину, - на Харьков, на Киев,
Колонны, воняя мазутом, попрут
Из близкой, и раньше любимой, России,
На танках везущие "братский" салют.
...
Подлодка? - Она утонула. Бывает.
Бывает, трильон улетает в трубу.
Солдат потерялся. Где? - Мама не знает.
А он не вернётся к ней, - даже в гробу...

"Она утонула." - ответ В.В.Путина на вопрос о том,
что случилось с подводной лодкой "Курск".

Мороз под Новый Год подарки раздаёт,
Кому - ракеты, а кому - снаряды...
Под возгласы "Вперёд!", идёт в атаку взвод,
А за спиной стоят заградотряды.

Пусть жизнь подарит мне сегодня Дед Мороз,
Ведь я всегда послушным был, не спорил.
Вокруг земля в огне, и жаль себя до слёз...
Но у него в мешке - лишь смерть и горе.

Что занесло меня, в гнилую эту ночь,
В чужую землю, где мне все не рады?
Одна мечта - живым бы ноги уволочь,
Но за спиной стоят заградотряды.

Кому-то повезёт: до плена доползёт;
Другие в землю лягут целым взводом.
Рокочет пулемёт, встречая Новый Год...
Не поминайте лихом, с Новым Годом!

Сергей, Россия, 40 лет.

Работаю в госучреждении. Стихи пишу тяжело
и только тогда, когда страдаю.
Видимо, это вид психотерапии)
Люблю хорошее русское слово, открытых,
честных людей.

«Нужно жизнь сначала переделать!
Переделав, можно воспевать!» (В. Маяковский)

СЕРГЕЙ СЧАСТЛИВЦЕВ

РОССИЯ

ЮРИСТ

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ (БАЛЛАДА)

Здесь даже море штилями
Пытает паруса,
И церкви колют шпилями
Под рёбра небеса.
И рай тупым лабазникам –
Пьют, Господа дразня...
А по церковным праздникам
Случается резня!

Гудит набат тревожно –
Чем глуше, тем страшней...
Быть богом – невозможно.
Не быть – ещё трудней!

Здесь пред законом палочным
Безмолвствует народ,
И правит нами парочка:
Тиран и идиот.
А вертикаль всевластная
Калечит млад и стар.
Прости, страна несчастная,
Мой вечный Арканар!

Но я, неосторожный,
Гоню вперёд коней.
Быть богом – невозможно.
Не быть – ещё трудней!

Возглавлю я восстание
В урочный час мечей.
Судить судейских стану я
И вешать палачей.
Пусть казни длятся сутками:
Я бог, суров мой суд!
Я имя своё жуткое
В молитвослов внесу.

Но будет бог постылый
Недолго у руля:
Меня возьмёт на вилы
Родимая земля.
Тиранам – на заметку:
Быть богом – не по мне.
Остаться человеком
Значительно трудней!

ГЕРОЙ

Течет истории река,
Змеится, шар земной вращая.
Её течение слегка
Лишь бунты редкие смущают.

Но появляется порой,
Как иноходец в центре строя,
Очаровательный герой
В стране, где нет давно героев.

Он поднимает на плечах,
Как штангу, скипетры и троны.
И вниз летят, смешно суча
Ногами, бармы и короны.

А он уходит, исполин,
Себя отдав нам так некстати.
Прямой, усталый и – один,
И вслед ему летят проклятья.

ХРОНИЧЕСКАЯ ХТОНЬ

РОССИЯ

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК

Я — осока среди поля льна.
Моей ненависти к себе
Хватит на все круги ада.
Парниша жестом попросит стрельнуть сигарету
И испугается моих трясущихся рук,
Моих опустевших глаз.
Среди прекрасных роз — я чертополох:
Собирать всё дурнопахнущее зло,
Чтобы доказать мёртвой матери,
Что та права была.
Почему раз за разом
Я должна спасать себя?
Спасать ту, что не стоит сил и внимания.
Мои друзья однажды прозреют
И развидят тот свет о котором вздыхают так сладко,
Он обусловлен силой эмпатии,
Взвращенной жестоким детством.
Мои друзья однажды заебутся смотреть
Как я убиваю себя,
Я вот уже заебалась.
Будь я хорошим писателем,
Мое хождение по мукам можно было бы оправдать
Сбором материала.
Однако я никудышный куст,
В ветвях которого застревают
Обрывки счастливых платьев.
Я бы прыгнула в это море огней
Но чем я заслуживаю надежду
На перерождение?
После смерти тяжело тем,
Кто останется,
Так пусть же процветает дивный сад
Моего окружения
Ещё тысячу лет!
Я назло самой себе
Не умру.

Я устал по тебе.
Невыносимо
Вставать по утрам, зная
Что тебя кто-то ждёт.
Подводить, уводить,
Пренебречь, не звонить.
За спиной — лес,
Под ногами — сныть,
Лучше мне ответить:
«Быть или не быть».
Красотой ведомый
Я пишу стихи,
Пусть — о чем угодно,
Но не о любви.
Я хотел найти того,
Кто был бы мне как брат,
Вместо — протыкает
Дивной боли стяг.
С неба как пушиночки
Пчёлы полетят...
Не дай бог по новой.
Не дай бог опять.

ШУМ ЭРЫ

Из горящей навзрыд преисподни
Кружась
Вылетает навстречу небу
Ярость, в которой взмах крыла
Вперемешку с чайной ложечкой веры.

А шумеры в окопах без света стоят
Издавая безбожно шум эры
И пусть кто-то безмолвно нам руку подаст
Сквозь века навсегда камня

Нам не верят,
Но мы идём на восход
С пеплом весны вприпрыжку
И подмышкой сжимаем спасательный плот
Умирая за свет понарошку

А шумеры в окопах без света стоят
Издавая безбожно шум эры
И пусть кто-то безмолвно нам руку подаст
Сквозь века навсегда камня

Хоть убей,
Не подымет оковы страна
Веки сумрачной леди(девы) не взмоют ввысь
Только помню, как в детстве летала во снах
Над просторами синего льна.

А шумеры в окопах без света стоят
Издавая безбожно шум эры
И пусть кто-то безмолвно нам руку подаст
Сквозь века навсегда камня

То ли тремор,
То ли танец,
То ли хохочу,
То ли истерика,
То ли плачу,
То ли переполнена счастьем,
То ли спать хочу,
То ли повеситься.
Сама себя вожу за нос,
Хитрю вприпрыжку,
Слова рикошетом отражаются
Понарошку
Внутри грудной клетки эхом
И выходят исковерканными.
Выжигает солнечное сплетение,
Наотмашь глушится сердцебиение,
Больно так, что хоть не-кошкой — в окошко,
Хоть становись тигрицей,
Но не страстной, а резаной,
Хоть падай в обморок от истощения
Каждые пять минут,
Чтоб не видеть свет.
В омут не с головой, а по пятки,
В прятки играть с самой собой
В надежде,
Что станет хоть немного легче.
В голове глухой вопрос:
За что мне все это,
Ведь я ничего дурного
Не сделала?
Я просто плыву, хоть не умею плавать,
Бегу, хоть нечем дышать,
Просыпаю жизнь,
Хоть не хочу засыпать.

ЭВЕЛИНА ЯНЧУК

УКРАИНА-РОССИЯ

СТУДЕНТКА

Написать стихотворение, чтобы остановить войну?

Этого выполнить я не смогу...

Как не могла я выполнить домашку,

Как не могла я сделать первый шаг,

Как не могла я возразить учителю,

Как не могу сейчас себя собрать,

Как Путин не смог удержаться от власти,

Как сумасшествие его настигало,

Как Немцова убили без промедлений,

Как Ельцин не смог передать верно власть,

Как в 90-е страну разрывало, так, что было в нее не попасть,

Как холодной войной заигрались,

Как детей выдавали послами, ради наживы,

Как любили, словно братьев украинцев, грузин и прочих,

Как и их начали, из-за гордыни мочить,

Как умалишенные начали править,

Так и Зеленский смог остаться не тварью,

Арестович не слился рублю,

Невзоров открыл на секунду душу свою,

Так Украинцы честь свою отбивали, не поддавшись железному сапогу,

Так запускает весь мир «Стефанию»,

И так много добрых на свете людей,

Но знать лишь одно остается,

Каждый из нас отвечает только себе:

Достоин ли я просыпаться?

Достоин ли я в этом кресле сидеть?

Не слишком ли я задержался?

И властью своей захлебнуться пора?

Войну я этим «творением» не застопорю,

Но всех адекватных бесконечно люблю.

СОН

Бал-если Вы видите себя на балу в мрачном расположении духа, страдающим от невнимательности других, вскоре ожидайте смерти одного из членов семьи.

Ромашка-предвещает счастливую семейную жизнь. Национальный цветок России.

Подсолнух- если сон приснился перед свадьбой — брак будет долгим и крепким. Национальный цветок Украины.

Огонь во сне - благоприятный знак, НО ТОЛЬКО В ТОМ случае, если Вы сами не сгораете в нем.

Кукла-чаще всего кукла снится к обману друзей и конфликтам с родственниками.

А как прекрасно начинался этот вечер! Бальная зала была украшена роскошно, но под стать теме просто: мебель будто грубая, вместо пионов и роз благоухали ромашки и подсолнухи, поддерживая общую атмосферу. Люди прибывали неспешно, как и подобает бомонду. Удивляли лишь их одежды: они были нарочито скромны, как и декорация залы. Но из толпы выделялся человек, пришедший последним-его полностью черный костюм и такого же цвета(кавалер не желал им быть?) кожаные перчатки выглядели неуместно на этом празднике идеализированной простоты.

Двери закрылись... Мужчина огляделся, будто вспоминая давно забытое, и усмехнулся. Хозяева уже ушли, не встретив. А жаль.

Он без сопровождения был прекрасно осведомлен, куда следует и не следует идти. И путь его лежал совсем не в бальную залу, он, простукивая костяшками стены, шел в спальни, но не задержался там долго-осмотр шкафов и тайников не занял много времени, и вскоре мужчина спустился вниз, пройдя через скрытый ход к комнате, предназначенной для подглядывания всего одним глазком.

Зала постепенно пустела-вечер подходил к концу. Хозяева раскланивались с последними гостями. А мужчина-не гость, но не хозяин, вышел на свет. Леди обомлела, когда увидела траурного человека, который жонглировал огоньками, уперев взгляд в ее мужа.

-Это ты? - в ярости крикнул он.

«С огнем играют только черти!» - пронеслись давние слова супруга. Отвергнут был тогда их сын. Он спас всех-мановением руки затушил огонь, превратив разгорающееся пламя в угольки. И с бесовской(или так казалось?) улыбкой играл с ними. Конечно, праведного отца мальчика, это, к сожалению, не до смерти напугало, а до того, чтобы запереть сына в тайную каморку и пригласить священника соседнего села, читать молитвы во имя изгнания дьявола. Но, как только дворец погрузился во тьму ночи, сердце матери увидело способ спасти, пусть не обычного, но сына. Она разрушила круг из четверговой соли и освободила малолетнего сына из освященных цепей. Он следовал за ней к выходу и выглядел измотанным, но спокойным, и перед тем, как залезть в повозку, сказал ей: «Мама, спасибо вам, за это вы будете благословлены. В знак этого, я дарю вам эту фигурку» - он вручил ей чумазыми руками угольную куколку. «Не печальтесь сильно, мы еще встретимся, и тогда я оживлю ее для вас. Прощайте. » -Здравствуйте, отец, мама. За вашу жестокость к ребенку, я волею богов, должен сжечь вас прямо на месте. - ровным голосом сказал мужчина.

-Волею Богов? Каких еще? У нас только один Бог, ты чертей своих попутал? - завизжал отец, подходя поближе к стойке с мечами. Но не успел. Облако огня окутало в свои жаркие объятия грешника и

веры, и закона, и морали, прихватив с собой ромашки, подсолнухи, будучи детьми солнца не поддались пламя. Супруга бросилась к нему, но было уже поздно. Она подняла влажный взгляд на сына, без страха подошла к нему и обняла. Они простояли так некоторое время. Но, внезапно, мама отодвинулась и достала фигурку. Ту самую. Сын поцеловал ее в лоб, поставил на мраморный пол и сделал легкий пасс рукой. Куколка загорелась, но это не сгубило ее, как отца, лишь распалило и подобно фениксу рождалась аспидской красоты девушка.

- Это моя жена, божественного происхождения, правда не православной веры-Махакали. - представил ее сын, восхищенно глядя на новоявленную богиню. Она была не столько его идеалом, сколько символом.

ЭВЕЛИНА ЯНЧУК
УКРАИНА-РОССИЯ

Она любила набивать чучело из своих гостей. Так повелось еще с детства. Её отец всегда приглашал целый дом гостей. И что самое странное-они никогда ему не отказывали. Застолье началось. Отец сидел во главе овального стола, остальные, нервно поглядывая на неё, с осторожностью лакомились представленными блюдами. Стояла густая тишина. Казалось, только дочка, что также тихо ходила по овалу и внимательно рассматривала родственников, её отец и худощавый еврей несколько не смущались.

Внезапно девочка остановилась и указала пальцем на этого мужчину, ярко выделяющегося не только уверенностью, но и голубо-желтой водолазкой.

Папа, заметив жест, умиленно поднял уголки губ и кивнул охранникам. Те беспрекословно подняли стройного за руки и пошли за девочкой.

Они кинули его в комнату и захлопнули за ними дверь.

Мужчина поднял ушибленную голову и увидел огромное исполинское чучело, что будто было соткано из разных не частей, нет. Частиц.

Девочка все это время просто наблюдала за дядей, но, когда она поняла, что он готов, она спокойно произнесла:

-Ты знаешь как это происходит, все идёт на всеобщее благо. И Папочке чуть-чуть конечно.

Она уже хотела подойти к нему со специальным оборудованием, но мужчина начал что-то выводить на экран телевизора.

Позволив ему это сделать, девочка терпеливо ожидала результата.

Настроив все, он дал ей в руки бумагу, с подписями ее родни. И вдруг из колонок послышались крики, взрывы, визги, а на видео завертелись картинки ужасных зверств-улицы усеянные развороченными телами, разрушенные здания, бомбоубежища.

Она непонимающе смотрела на эти ужасы, а затем перевела взгляд на мужчину.

Он ответил взаимностью. Спустя несколько минут дядя спокойно выключил ролик и снова повернулся в сторону девочки.

Будто оцепенев, она все ещё держала взгляд в той же точке.

Он подошёл к ней ближе и мягко дотронулся до её плеча. Она вздрогнула, резко побежала до чучела и быстро что-то отсоединила от него. Чучело накренилось и повалилось прямо на, стоящую на том же месте, девочку, но, к счастью мужчина успел подхватить её на руки и спасти. Спасти не просто её или себя.

Зло пало(в прямом и переносном смысле).

Девочка прижалась к нему лицом и заплакала. Он почувствовал лёгкую дрожь её губ.

Переезды. Переезд за переездом. Так прошел мой год.
Считаюсь от одной квартиры до другой. Найти свое, родное я пытаюсь место.
А в голове стучит тот самый метроном:
Когда-нибудь вернуться я смогу?
Когда-нибудь подует «ветер перемен»?
Когда-нибудь «на небе радуга зажжется»?
Когда-нибудь в истории страны «моей» появится правдивое пятно?
Когда-нибудь прийду я в школу и без страха выплуну в лицо директору:
«Вы все лжецы! Войне-нет! Да-миру!»?
Когда-нибудь проснется у людей к жизни любовь, а к смерти, вместо страха уважение?
Когда-нибудь любить себя, будет означать любить весь мир?
Когда-нибудь я паспорт свой достану без стыда?
Когда-нибудь, без слез, смогу поесть я в Киеве борща?
Когда-нибудь родня моя не будет пополам разведена этой несправедной,
безумной и бессмысленной войной?
Когда-нибудь я с русскими не побоюсь заговорить, без страха встретить отчуждение?
Когда-нибудь в горле комок, не станет возникать от неожиданного пробуждения?
Когда-нибудь смогу я посмотреть хоть одному украинцу в глаза?
Надежда лишь на то, что все «когда-нибудь» случатся.
И енот, в экстазе завизжит.

Мама у меня, как говорится,
В узких кругах сумасшедшая.
Таро, астрология, нумерология,
Руны, карты желания-ее стезя.

И каждое полнолуние,
Затмение, солнцестояние,
Мы у окна, момент сторожим,
Да с сестрой загадываем.

Мечты у нас много разные:
Она о любви, красоте мóлит.
Лекции для нее невыносимые,
Сбежать будто сам бог велит.

Я же девушка сильная и независимая.
На кофейной гуще без гадания,
Все понятно-карьера, самореализация.
И много-много путешествия.

24-ое февраля. Война.
Сбылась моя мечта...

Я помню ощущения те,
Когда сидишь ты в клетке,
Самосотворенной,
Из вины, любви и сожаления.

Первый месяц-самый трудный,
Апатия с истериками вместе,
Агрессия, торг, принятие.
Мы эмигрируем.

Оправдалась ли мамина возня?
Отчасти да, отчасти нет.
Зато совет дать в состоянии я:
За влечениями надо бы следить.

Ах, по миру колесить желала?
Так получай же ты сполна:
Что Индия, как Раджастан?
А Африка, Туркменистан?

Не хочешь больше?
Как же так?!
О хостелах, нестиранных вещах,
И вечных сборах, трудно воздыхать?

А грязь и вонь на улицах?
А отравление раз триста?
Люди те без знания языка?
Сметанки что ли захотела?

Уж извини, но думать надо раньше было.
Читая подлинные сказки Гриммо,
Ты уж как-нибудь внимание обрати,
На ту обратную сторону медали.

Родился на Целине в Акмолинской области в 1956 году. Детство прошло в Николаеве на Южном Буге, там же закончил школу. Высшее образование получил в Харькове.

Потом жизнь мотала по всему Союзу .

Сейчас временно проживаю в Мельбурне.

ФЕЛИКС ВОЛКОВ

АВСТРАЛИЯ

ИНЖЕНЕР, ПЕНСИОНЕР

ДВОРОВЫЙ ЛАГЕРЬ

Дворовый лагерь водили в ДК на фильм Михаила Ромма, И кто б мог подумать, что через полвека не станет этого дома. Огромная люстра, падая вниз, накроет тела погибших, Хрустальным саваном затянув лица к друг другу приникших.

Так «Обыкновенный фашизм» вернулся к нам взрывом «Пиона». И прямо с экрана шагнул на проспект соседней страны батальоном.

А новый фюрер хочет опять править над всею Землёю И в этой пагубной страсти своей вполне он доволен собою.

Старые лозунги и сапоги снова у нас в фаворе

И даже менять не пришлось ничего

В русском народном фольклоре.

А русский народ, заплатив сполна, в прошлую ту Мировую Опять наглотавшись по горло дерьма, готов заплатить вторую Цену за свою душевную лень, за неумение жить, как люди. Господь не простит нас теперь никогда, в изгоях ходить мы будем,

Пока не построим свой Новый Храм для честных, свободных, правдивых

И не удалим из своих мозгов хлам правителей вечно лживых.

Народ просыпайся уже! Вставай! Давай! Начинай! Работай!

Иначе останешься ты в веках затхлым, застойным болотом...

ПАВЛОВО ПОЛЕ

Харьков, Павлово Поле, полуразбитый дом.
Женщина в тёмном проёме слышит С-300 гром.
Нет уже сил спускаться и страха смерти нет,
Нечего больше бояться в восемьдесят восемь лет.
Помнит она прекрасно, как начиналась Война.
Девочкой шестилетней шла по Сумской тогда.
Юнкеры налетели, сея повсюду смерть,
В лужицы алой крови страшно было смотреть.
Тихо запел генератор в сумерках за стеной,
Это сосед проснулся, надо идти за водой.
Нет ни тепла, ни газа и света тоже нет.
Город лежит в руинах и тихо горит рассвет.
«Что же вы натворили, братья большой страны?
Ваших ребят спросите, что видят вечные сны.
Может тогда поймёте зачем вам эта война?
Может домой уйдёте с нашей земли навсегда?
К мужу пошла на могилу, вы побывали и там,
Служит ему монументом русский сгоревший танк.

6 марта 2022 года исполнилось бы 85 лет моей первой учительнице **Трощенко Любови Петровне**, которая провела нас с первого по десятый класс, совершая педагогический и гражданский подвиг. Все эти годы она преподавала нам украинский язык и литературу.

Она не смогла перенести войны между братскими народами и во время обстрела квартала, где прошло наше детство, умерла, не дожив до своего юбилея, на который всех нас пригласила.

Стресс и глубокое отчаяние сподвигло меня написать стихи в её честь впервые в жизни на украинском языке, прекрасному человеку, настоящему учителю, осветившему нашу жизнь Любовью и Верой в Прекрасное.

До самого последнего дня она продолжала учить детей украинскому языку, даже в эти страшные дни к ней приходило двадцать воспитанников.

ТРОЩЕНКО ЛЮБОВИ ПЕТРОВНЕ

Вже майже п'ятдесят, як ми пішли у Світ
Незнаними, життєвими шляхами.
І весь цей час Любов, Надія та Ваш Заповіт
Щоденно і щонічно були з нами.
Ми пам'ятаємо той перший день,
Коли зустріли Ви нас біля п'ятої школи.
Були ми приголомшені, як тінь,
Як мишенята слухали свій перший шкільний дзвін,
Та пісню нашої яскравої, рідної Мови.
Хто б міг поміркувати -
Той урок всі десять років буде аж тривати
І що на все життя Ви станете для нас -
Одна на всіх, така ж як Рідна Мати .
Навчили нас любити Українську рідну Мову
Та шанувати кожне наше слово,
З пісень вінки складати і добро творити,
Та нашим успіхам всім щірим серцем Ви могли радіти.
Були завжди красива, статна та привітна.
В душі Весна і радість Квітла.
Привчили різні труднощі долати
І Землю Рідну всюди пам'ятати.
Де ти живеш і хто ти ? Звідки?
І що Земля єдина, наче квітка,
І Всі Ми - це одна Міцна Родина,
І що найголовніше це Душа дитини,
І добротою Ниву засівати,
Безмежно, щіро Цілий Світ Кохати,
І дітям Усього себе віддати...
Життя Все Ваше було тільки Школа...

ФЕЛИКС ВОЛКОВ
АВСТРАЛИЯ

45 лет. Кандидат экономических наук.

В настоящее время руковожу логистической компанией. Профессиональным литературным творчеством занимаюсь чуть больше года.

Пишу в двух основных жанрах. Мистические сказки для взрослых. Сатира в абсурдистском варианте.

И К

РОССИЯ

КАНДИДАТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

КОМАНДИР БАТАРЕИ (ОТРЫВОК ИЗ НЕЗНАЕВ И ЕГО ДРУЗЬЯ. КНИГА 2)

Запарычев, часто периодически оставаясь наедине с самим собой в небольшом помещении, отдаленно напоминавшем блиндаж, любил помечтать о высоком, глядя на небольшую картинку, неровно вырезанную из одного журнала. Эта картинка была с глубоким смыслом. Она, словно прятала за собой нечто совсем иное. Тайну.

На картинке было изображено море. Волны на закате разбивались о скалы, а где-то глубоко внизу чернела морская бездна. Запарычев никогда вживую не видел моря. Но много слышал о нем от одного своего боевого товарища, пропавшего без вести.

По его словам, море было очень красивым. Каким-то бездонным и бесконечным. С камушками на берегу. И иногда попадавшимися ракушками. Запарычеву, как он ни старался, не получалось разглядеть камешки на картинке и тем более ракушки. Но он твердо знал, они там были. Его боевой товарищ, который пропал, каждый день смотрел вдаль, внимательно наблюдая за очертаниями кораблей где-то вдали. Ежедневно картину дополняли крики чаек, пытавшихся выхватить из воды зазевавшуюся рыбу.

А еще Запарычев вынес из рассказов боевого товарища, что море всегда было очень холодным. И не стоило верить всем этим байкам, что можно было раздеться до трусов и войти в воду. Это были враки. По словам его товарища, любые картинки с изображением того, что красивая девушка могла входить в море или, тем более, выходить из него с каким-то смиренным выражением лица, были досужим вымыслом. Море по определению было холодным. И это еще мягко было сказано. Пальцы дубели. А потом плохо упаковывались обратно в портянки. Ноги для солдата никак не менее ценны, чем голова. Может быть, даже поболее.

Его боевой товарищ служил в то время на северной пограничной заставе. И наблюдать за военными иностранными кораблями в бинокль было его непосредственной обязанностью.

Запарычев, которого все знали как командира батареи, чуть приподнялся из-за стола по направлению картинке, но тут же снова сел на место. Нет, время еще не подошло. Не сейчас. Хотя он чувствовал, что уже скоро.

Где-то снаружи прогремело. Вряд ли гроза. В такие дни необходимо было быть особенно внимательным ко всему, доносившемуся извне. Значит, началось?

Запарычев, выдохнув, плеснул разведенный спирт в граненный стакан и взял в руку колесико колбасы, напомнившее ему пулеметный диск. «За товарищей», - подумал он и выпил.

За крошечным окошком раздался жуткий вой. Запарычев, обычно готовый ко всему, накануне очередной операции тем не менее вздрогнул и чуть не выронил из руки маленькое пирожное, которым угостила его добрая местная жительница в знак благодарности за то, что он в одиночку поднялся по тревоге. Когда другие уже не могли. Или испугались.

Допив, что называется, на прощание, остатки разведенного спирта из граненого стакана и взяв со стола серую полевую сумку с со всем необходимым, включая особую гордость, складной нож, подарок другого боевого товарища, которого тоже уже не было рядом, все-таки поднялся из-за стола. Привстав на цыпочки в своих кирзовых запыленных сапогах, он попытался заглянуть в запотевшее окошко для того, чтобы убедиться в том, что опасность снаружи его блиндажа действительно была крайне серьезной.

Вой снаружи усиливался. Запарычев, не привыкший просить у Судьбы подавание, тем не менее, не на шутку испугался. Он неоднократно слышал ранее подобные жуткие звуки, ко всему в жизни со временем привыкаешь. Но в эту минуту даже им овладело отчаяние. А вдруг на этот раз все... Долг не оставлял ему выбора, надо было выходить, что бы страшное с ним не произошло при этом. Вой таил в себе значительную вероятность того, что до утра, когда должно было произойти, если можно так выразиться, генеральное сражение, в результате которого от него останется только труп, привела к тому, что на лбу выступил холодный пот.

И это еще было не самым страшным вариантом. Жуткий звук за окошком вряд ли оставлял ему сколько-нибудь реальные шансы. Через несколько мгновений стая замерзших чудовищ в ярости могла разорвать его на куски. В свои почти пятьдесят Запарычев был слишком молод для того, чтобы умереть вот так. Взять и умереть. Тем более разорванным на куски. Ведь это еще куда ни шло, если бы быть потом найденным в целом составе своего тела. Так и отпевать и хоронить было бы удобнее и в общем-то веселее. Запарычев помнил, как хоронили двух его боевых товарищей. Торжественно. Но совершенно по-разному.

Одного, относительно целенького обмыли, отпели, как полагалось. Запарычев, провожая его, поцеловал по традиции в лоб и в ворот гимнастерки, в которой его хоронили. Во время погребения Запарычев самолично установил на кресте красную звезду. На вечную память. Поминки шли несколько часов, один их общий товарищ принес баян, и они пели, в основном, фронтовые песни. Одна повариха под них вдруг пошла в пляс. В общем проводили хорошо.

А вот другого боевого приятеля относительно целым сохранить не получилось. Прямое попадание. Даже докурить толком не успел. Батарея в труху. Он тоже. Только ноги остались целыми. Так и стояли себе аккуратно в углу в кальсонах и сапогах, никому не мешая. Хоронили его вместе с ногами, но без головы. Ее привести в надлежащий вид не удалось. Но для порядка вместо нее положили грелку и накрыли фуражкой. Одна бабушка, посмотрев после отпевания в место, где очень неожиданным образом заканчивалась шея, сказала:

- Боже мой, как же голова скукожилась...

Звезды для могилы у Запарычева не оказалось, поэтому он на могилу положил два цветка репейника. Поминки проходили в полевых условиях. Всем разлили по тарелкам чуть теплый суп и по половнику гречневой каши с тушенкой туда же. Но при этом как-то исключительно душевно наливали водки. Снова был баян, но не было поварихи. Поэтому танцев не было, все-таки траур. И завести всех было некому. Только песни почти до утра.

Вой нарастал. Запарычев понимал, что покинуть сейчас свой блиндаж означало лишь одно – отправиться на растерзание холодным чудовищам. Но он не мог не произвести осмотр батарей. В том числе сделать это за тех своих боевых товарищей, которых, к сожалению, не было ныне рядом. Многих из них, к этому часу уже реально не было в живых. Кроме себя, надеяться, по сути, было не на кого.

«Не чокаясь», - подумал Запарычев и плеснул себе еще немного в стакан, приводя в порядок фуфайку защитного цвета и бросая взгляд в сторону картинки с морем, словно пытаясь посмотреть сквозь нее.

Перекрестившись и проглотив остаток сладкого лакомства, Запарычев направился навстречу вою, переходившему уже в истошный рев и обрушившемуся на него вместе с ледяным холодом, как только он открыл дверь своей всегда теплой каптерки, в которую провел индивидуальное отопление.

На следующий день был запланирован пуск тепла в доме потому, что сдвигать дальше было уже некуда, заканчивался ноябрь. И командир батареи, как ласково назвала его местная жительница, угостившая его пирожным, слесарь Запарычев, вынужден был заниматься этим удовольствием в одиночку. Одного его напарника только что уволили, а остальные запили.

Поэтому несмотря на ужасный вой замерзших жителей дома, покинувших свои квартиры и готовых буквально растерзать его из-за того, что пуск тепла задержали на два месяца, командир батареи, стараясь не дышать перегаром в сторону орущих, стал спускаться в подвал.

Запарычев, чудом выживший после столкновения нос к носу с холодными чудовищами, тем не менее почувствовал себя не совсем мертвым, опорожнив примерно половину граненого стакана, несмотря на два следа от укусов на воротнике фуфайки. Все-таки, думал он, не зря воду из крана перед разбавлением спирта он успел освятить в церкви, придя аккурат к концу службы. Значит, сработало.

Слава богу, он не превратился в одного из них, даже после не совсем удачной вылазки вечером. Святая вода и спирт защитили его. А еще головка чеснока, в качестве оберега надежно упавшая в желудок вместе с кусочком сала. Если бы не они, родимые...

Ну, еще и относительно толстый ворот фуфайки, то точно прокусили бы насквозь. А так... Закутавшись в прокушенную в двух местах фуфайку, Запарычев хладнокровно спустился в подвал, проверив все батареи и вентили. Батареи и вентили оставались на месте.

Более того, возвращаясь обратно в свою каптерку, в которую провел индивидуальное отопление, он стал понимать, насколько хладнокровнее он стал. Закрыв наконец за собой дверь каптерки, чтобы, не приведи бог, его снова не укусили, Запарычев решил хладнокровно думать, положив обе ладони на горячую батарею.

Слесарь Запарычев, протерев влажной салфеткой лысину, так и не смог понять этих обезумевших холодных монстров. Разорвать его на куски они, конечно, могли. А дальше? Теплее батареи от этого у них точно не стали бы.

Вспоминая своих товарищей, преимущественно недобрым словом, Запарычев решил максимально заполнить свободные резервуары и максимально поднять градус. За окошком каморки ситуация не совсем разрешалась, но в целом систематизировалась. Задержка в пуске отопления не была единственной причиной. Это было бы слишком просто. Подумаешь, не было тепла. Извините, температура за окном редко переходила отметку в «минус пятнадцать». Даже блохи иногда не вымирали при такой температуре.

Нет вопросов, если в школе все учились преимущественно плохо, то в этом случае не надо было пенять на слесарей. Слесари, на минуточку, на работу приходили как раз вовремя. И почти в полном составе. И сидели на своем месте до конца рабочего дня.

И в журнале расписывались, как положено.

Слесари, на минуточку, на работу приходили как раз вовремя. И почти в полном составе.

И сидели на своем месте до конца рабочего дня. И в журнале расписывались, как положено.

Но ладно, можно было смириться с тем, что в доме жили в основном бездельники, которые свои машины парковали еще до окончания рабочего дня слесаря Запарычева. Но образование ведь никуда было нельзя запихнуть. Точнее так, запихнуть, конечно, было можно. Но Запарычев, в отличие от этих безграмотных жителей, свое образование получал, что называется, потом. Слава богу, до крови все-таки не дошло. Но согласно экзаменационному билету в профессионально-техническом училище Запарычеву необходимо было прыгнуть в люк и закрутить вентиль.

Это задание засчитывалось одновременно сразу по двум предметам: по профессии и по физкультуре. Потому что, хрен с ним с вентилем, ты попробуй туда прыгни с таким животом и вылезай обратно. Впрочем, последнее не входило в экзаменационный билет. Вылезай обратно или не вылезай, за это балл не прибавляли. Хоть сиди там в люке до конца своих дней.

Вот с начальной военной подготовкой было, конечно, сложнее. Самое тяжело в том, чтобы попасть учебной гранатой в воображаемый танк. Гранат давали всего три штуки, а воображаемые танки, сука, перли прямо на тебя беспрерывно. Запарычев обычно старался подпустить воображаемый танк поближе, а потом шандарахнуть.

Когда воображаемый танк подходил на такое близкое расстояние, что в силах был не только расхреначить батарею, но и всех тех, кто ее изображал, Запарычев совершал бросок учебной гранаты прямо под воображаемые гусеницы воображаемого «Тигра», чтобы наверняка. Но при этом воображаемо рисковал своей жизнью.

Вариант получить Героя посмертно Запарычев тоже, в принципе, держал в голове. Глядя на портреты химиков, физиков и математиков он, мысленно просверливая многочисленные дырки под ордена и медали, представлял себя на портрете и фотокарточке, в том числе с черной косой ленточкой. Присутствуя на различных поминках, Запарычев сделал вывод, что лучше гуляли там, где вспоминали не тех, кто по глупости на ровном месте обваривался кипятком, раскурочив батарею; а там, где провожали спокойно умершего перед самым пуском тепла от инсульта. Да, в любом случае покойный подводил своих товарищей в ответственный момент. Но во втором случае, хотя бы не надо было исправлять чьи-то художества. Поэтому, когда поминали второго, мата было меньше.

Сколько учебных гранат в жизни Запарычев швырнул и подбил воображаемых танков. На оценку. Разбитое стекло кабины экскаватора и окно первого этажа были не в счет. Но когда вместо воображаемого «Тигра» речь зашла о попадании в переднее стекло джипа директора училища, вместо ордена Запарычев действительно мог сгинуть просто так. Но в этот момент Запарычева спасло то, что оценка шла также в зачет физкультуры.

Физрук с военруком в итоге даже устроили грандиозную перебранку. Все из-за того, что каждый из них имел свое особое мнение, подорвал Запарычев воображаемый танк или нет. Военрук, достав из кармана рулетку, ползал рядом с машиной директора, объясняя, что даже если попадание учебной гранаты в корпус воображаемого танка и имело место, то все равно вряд ли вызвало бы подрыв матчасти, максимум могло привести к локальному возгоранию. Но физрук, заступился за Запарычева, так как лично видел макет «Тигра» в тематическом парке и знал, как ему казалось, где именно у данного макета были слабые места. По его мнению, парень подорвал воображаемый танк почти идеально, причем всего лишь одной гранатой.

Военрук, перемерев что-то рулеткой и изобразив движение «Тигра», категорически отказывался соглашаться с этим, настаивая на том, что, подпустив воображаемый танк слишком близко, Запарычев не справился с заданием, промазав. Он даже самолично, встав на четвереньки, стал

ползать по асфальту, имитируя движение воображаемого танка и хлопая себя по бедру, таким образом демонстрируя место попадания гранаты.

Физрук напирал на то, что гусеничный ход макета танка, который он видел, принципиально отличался от того, чтобы было продемонстрировано военруком на четвереньках. А именно сама траектория движения воображаемого танка являлась в данном случае ключевым фактором. Запарычев, по мнению физрука, тактически верно оценив обстановку, произвел точный бросок учебной гранаты, рискуя воображаемой жизнью.

Военрук, стерева колени на брюках об асфальт, пытался продемонстрировать ход «Тигра», исходя из знаний, полученных во время обучения в военном училище и кратких полевых навыков на полигоне, добытых между крайне интересными и затяжными партиями в преферанс. Так вот, разворот воображаемого танка такого класса при попадании гранаты, по мнению военрука, был очевиден. Но, не желая вступать в рукопашную с преобладавшими в объемах кулаками физрука, военрук предложил компромисс: «четыре»; но Запарычев воображаемо теряет обе ноги.

Физрук готов был уступить один балл, так как изначально настаивал на «пятерке», но вот одну воображаемую ногу Запарычева уступать ни в коем случае не хотел. Он считал, что две ноги в данном случае были действительно перебор. На ампутацию одной воображаемой ноги он готов был пойти в легкую. Даже, в целом соглашаясь на то, что она была критически необходима. Но, про вторую даже не хотел ничего слышать.

Военрук, мысленно согласившись на некое компромиссное решение, стал настаивать на том, что хорошо, пусть ему отрежут одну воображаемую ногу, но взамен второй требовал еще какой-то важный орган. С этим даже согласился физрук, но на это принципиально не желал соглашаться Запарычев, к этому моменту смилившийся с потерей воображаемой ноги, но вот про потерю другого важного органа ни в воображаемом, ни в каком ином виде для себя даже не хотел думать. Поэтому никакого взвешенного решения не намечалось.

Директор профессионально-технического училища, которому было абсолютно по барабану, попал в воображаемый танк этот балбес или не попал, напирал на то, что в не воображаемое, а вполне себе реальное, переднее стекло его джипа, он попал точно. Более того, оторвать ему надо было не ноги, а руки, а еще желательно голову.

В итоге все на выходе получили. Каждый свое. Военрук и физрук получили по выговору. Запарычеву достался счет на кругленькую сумму из автосервиса, который отрабатывал несколько месяцев подряд на разгрузке вагонов. Директор профессионально-технического училища получил не только свой джип из автосервиса с новым стеклом, но и полную выплату по КАСКО.

Вспомнив про гранаты и танки, командир батареи, не совсем удачно подцепив толстым и немного кривым (по причине профессиональной деформации) пальцем с батареи сырок, ставший из плавленого расплавленным, только испачкал носок и без того грязного сапога. Выдохнув, он тем же самым пальцем соскоблил верхний слой того, что еще пару минут назад было сырком, и отправил это в рот.

Используя не столь уж кривой, а, самое главное, неиспачканный палец, он аккуратно выудил из-под картинки то ли с морем, то ли с океаном, другую, находившуюся строго за первой. Время наконец пришло.

На этой картинке полностью голая женщина с то ли шестым, то ли седьмым, размером... выразительных глаз, в резиновых сланцах, обутой на шерстяные носки, этими самыми, очень выразительными глазами, ну хорошо, не этими, а другими, но тем не менее, подмигивала. Винегрет с пахучим растительным маслом шел особенно хорошо именно под эту картинку. Под море с волнами лучше заходил салат с крабовыми палочками.

Он с первого взгляда три с половиной года назад выявил в этой даме как минимум средне-специальное образование. Он сам был старательным студентом и окончил профессионально-техническое училище без единой «тройки» по основным предметам, физкультуре и начальной военной подготовке.

Сковырнув более профессионально с той же самой батареи нарезанную колесиками с вкраплениями жирка копченую колбасу в широкую ладонь с масляными пятнами, он прямым рейсом отправил все колесики в рот вдогонку остаткам расплавленного сырка и винегрета. На всякий случай, памятуя о непростой санитарно-эпидемиологической ситуации, провел полную дезинфекцию внутренних органов с помощью значительного объема другой бутылки разбавленного спирта, транзитом через граненный стакан.

Внимательно осматривая всю глубину и объем того внутреннего содержания, которое находилось у девушки на картинке под обеими грудями, убеждался, ковыряя чуть погнутой вилкой холодец, дрожавший от каждого ее касания, что ее обмундирование вполне могло говорить о хозяйственности и склонности к садовым работам. Шлепанец на шерстяной носок – обязательный атрибут истинного огородника и огородницы. А, что касается отсутствия иных элементов обмундирования на ней, то это вполне было объяснимо, летом он и сам мог на своих шести сотках ходить в одних семейных трусах, иногда даже без них, когда две сестры-соседки уезжали домой, но обязательно в галошах или сланцах на шерстяной носок. По Суворовскому принципу: голова – в ауте; пузо – в нокауте; но ноги, сука, в тепле.

Прикончив слишком дрожавший холодец, он приступил к половине сушеного леща с головой, молившей Бога, чтобы ее наконец-то уже прикончили. Так как мурыжить еще две недели – это было невыносимо даже для нее самой. Запах был слишком крепкий. В этот самый момент, когда его искривленный палец ковырнул лещу очередной отдел головного мозга, он и даже лещ, мученически умиравший, внезапно услышали звуки, напоминавшие журчание воды.

Не выпуская из-под контроля один из ключевых отделов головного мозга сушеного леща, он на минуту затаил дыхание, пытаясь определить, что звуки не были урчанием в животе. Убедившись и подкрепив свое мнение легким кивком леща, готового уже подписаться под чем угодно, командир батареи Запарычев, услышал, как параллельно с журчанием стал стихать вой промерзших жителей, на который он уже перестал обращать внимание. Он плеснул себе в граненный стакан контрольный, почти до краев. Вода после трехдневного пуска спустя два месяца от запланированной даты все же пошла по трубам. Половина сушеного леща глубоко выдохнула одновременно со слесарем и направила усилием воли и импульсов еще не пораженных отделов головного мозга взгляд в ту же сторону, что и опрокинувший граненный стакан (к счастью, в себя, а не на пол) слесарь.

И К
РОССИЯ

НАТАЛЬЯ Е-К

РОССИЯ

ИСТОРИК

Родилась в Заполярье. Инженер, Финансист – высшие образования. Первая часть жизни прошла в зарабатывании денег. Значимым событием считаю учебу и окончание Collège Universitaire Français de Moscou по направлению История. С этого момента возникло желание заниматься историей профессионально, для чего успешно окончила магистратуру и затем аспирантуру.

Подготовка и публикации статей в научных журналах дали старт самому процессу написания текстов.

Пишу стихи, рассказы, и уже длительное время роман.

Есть публикации в коллективном сборнике рассказов и в журнале «Юность». С февраля 2022 года живу на три страны Россия-Германия-Франция.

Дуальность бытия решив проверить,
Взрастив в народе ненависть к врагу,
Диктатор двадцать первого столетия
В безумье начал новую войну.

Кипя непримиримой злобой к миру,
Желая возвеличиться в веках,
Свой бестиарий строит по ранжиру
По адской мерке в Дантовых кругах.

Но как измерить чья вина сильнее -
Того кто на Калибре кнопку нажимал?
Или того, кто убивал детей в Ирпене
А может кто решенья принимал?

А что народ? Безмолвствует, гордится,
Во всем поддерживает дьявольскую власть.
Готов он безрассудно подчиниться
И отдавать детей в разверзнутую пасть.

В Ирпене, в Буче, и в Умани
И в Краматорске на вокзале
Ты помнишь?
Там тела детей лежали...
И детские игрушки все в крови.

Вот в Харькове ночной прилёт, в Днепре,
И в Киеве, где мирно спали.
Ты видел?
Как мальчишка лет шести
Стоял над гробом брата со слезами.

И Бахмут превращен в руины,
И Мариуполь стерт с земли
Ты знаешь?
Что в роддоме том погибли оба
Она и нерожденный ею сын.

Нищий народ по-холопски не ропщет
Твёрдо уверен: начальству видней
Думки свои каждый вечер полощет
Перед экраном фашистских речей

Ненависть к ближним, красивым, успешным
Зависть к богатым, любимым, другим
Он не боится стать падшим и грешным
Дьявол забрал его душу к своим

Движимый злобой, готов он сражаться
С правдой, свободой, добром и умом
Видимо, хочет героем остаться
В славе людской. Но проблема в другом.

Сдохнет с натуги, борясь на чужбине
Разве он Родину там защищал?
Был оккупантом вовеки и ныне
Грабил, насиловал и убивал.

Вечный позор и до века раскаянье
Вот что получит холопский народ
Как наказание за боль и страдания
Смерти детей и разрушенный род.

Это потом, а пока он в безумии
Не понимает того, что творит
Поле сраженья до полной контузии
Слава Украине! Она победит!

Два месяца идет война
В далекой-близкой Украине
И не вернется никогда
Наш мир, который разбомбили

Вся наша жизнь распалась в миг
На до и после той минуты
Когда в безумии старик
Решил устроить выпад лютой

И гибнут люди, боль и смрад
Стоит теперь над Украиной
А мы в бесчестии глаза
Отводим, глядя на могилы

И хочется кричать и выть
Зачем вы души погубили
И как нам с этим дальше жить
Нас этим просто раздавили

Но нет конца безумству нищих
Они готовы зиговать
Без заповедей правды сущих
Идут герои убивать.....

Шесть тысяч лет идёт война,
Угодная задиристым народам,
А Бог теряет время зря,
Творя то звёзды, то природу.

Советы он дает с небес
От лилий чистых, звёзд блестящих,
Но их не слышит мракобес,
От страха, словно лист, дрожащий.

Баталий бойни, гром побед –
Вот наша вечная любовь.
Под барабанный стук сердец
Вести шеренги на убой.

Химеры славы в колеснице
Триумф встречают во весь рост,
А под колесами возницы
Тела детей и матерей погост.

Там счастьем названа жестокость
Когда кричат: «Вперёд, умри!»
Трубит горнист приказ, но тут же
Он захлебнётся от слюны.

Сверкает сталь, дымят окопы,
В безумии бледнеет взгляд.
Душа темнеет тихой злобой,
Из пушки выстрелив снаряд.

И это все для высшей власти,
Что вас, едва похоронив,
Проявит мнимое участие,
Пока ваш труп еще не сгнил.

В ложбине, где осталось тело
Кружат орлы, шакалы рыщут.
И нет ужаснее удела,
Чем плоти стать для зверя пищей.

Народ терпеть никак не может
Соседа рядом что живет
И каждый день покой тревожит
Гневливой дурью достаёт.

Depuis six mille ans la guerre
Plait aux peuples querelleurs,
Et Dieu perd son temps à faire
Les étoiles et les fleurs.

Les conseils du ciel immense,
Du lys pur, du nid doré,
N'ôtent aucune démence
Du coeur de l'homme effaré.

Les carnages, les victoires,
Voilà notre grand amour ;
Et les multitudes noires
Ont pour grelot le tambour.

La gloire, sous ses chimères
Et sous ses chars triomphants,
Met toutes les pauvres mères
Et tous les petits enfants.

Notre bonheur est farouche ;
C'est de dire : Allons ! mourons !
Et c'est d'avoir à la bouche
La salive des clairons.

L'acier luit, les bivouacs fument ;
Pâles, nous nous déchaînons ;
Les sombres âmes s'allument
Aux lumières des canons.

Et cela pour des altesses
Qui, vous à peine enterrés,
Se feront des politesses
Pendant que vous pourrirez,

Et que, dans le champ funeste,
Les chacals et les oiseaux,
Hideux, iront voir s'il reste
De la chair après vos os !

Aucun peuple ne tolère
Qu'un autre vive à côté ;
Et l'on souffle la colère
Dans notre imbécillité.

Вот это – русский! Режь, коли!
Хорват, пали в него, пали!
Так им и надо! Чтоб не смели
Рядиться в белые шинели!

А этого я кокну быстро.
И сердце млеет на бегу -
Ведь он преступник - смел родиться
На правом рейнском берегу

За Росбах и за Ватерлоо!
Кровавой местью упоён,
И меркнет разум, глохнет слово,
Когда во мраке бой идёт.

Не лучше-ль выпить у фонтана?
Молитву Богу вознести,
Любить, мечтать в тени каштана?
Нет, брата им милей убить

И режут яростно друг друга,
В горах, в долинах, в руслах рек.
Стон ужаса гудит в округе –
Что может сделать человек.

Какой рассвет сейчас в долине!
Я восхищен, но не пойму,
Как можно люто ненавидеть
И слушать соловья в лесу.

ВИКТОР ГЮГО. ИЗ СБОРНИКА
«ПЕСНИ УЛИЦ И ЛЕСОВ» 1865 Г.
ПЕРЕВОД НАТАЛЬЯ Е-К

C'est un Russe ! Egorge, assomme.
Un Croate ! Feu roulant.
C'est juste. Pourquoi cet homme
Avait-il un habit blanc ?

Celui-ci, je le supprime
Et m'en vais, le coeur serein,
Puisqu'il a commis le crime
De naître à droite du Rhin.

Rosbach ! Waterloo ! Vengeance !
L'homme, ivre d'un affreux bruit,
N'a plus d'autre intelligence
Que le massacre et la nuit.

On pourrait boire aux fontaines,
Prier dans l'ombre à genoux,
Aimer, songer sous les chênes ;
Tuer son frère est plus doux.

On se hache, on se harponne,
On court par monts et par vaux ;
L'épouvante se cramponne
Du poing aux crins des chevaux.

Et l'aube est là sur la plaine !
Oh ! j'admire, en vérité,
Qu'on puisse avoir de la haine
Quand l'alouette a chanté.

VICTOR HUGO [1865]
ИЗ СБОРНИКА «LES CHANSONS DES RUES
ET DES BOIS».